

*Вникай в обстоятельства времени.
Ожидай Того, Кто выше времени.*
Священномученик ИГНАТИЙ БОГОНОСЕЦ

ЦЕРКОВЬ И ВРЕМЯ

Научно-богословский и церковно-общественный журнал

Отдел внешних церковных связей
Московского Патриархата

ISSN: 2221-8181

СОДЕРЖАНИЕ

Редакционная коллегия

Главный редактор: митрополит Волоколамский Иларион
доктор богословия, доктор философских наук

Зам. главного редактора: М. В. Первушин, кандидат
богословия, кандидат филологических наук

Члены редакционной коллегии:

протоиерей Николай Балашов, доктор богословия

архимандрит Филарет (Булеков), кандидат богословия

протоиерей Сергей Звонарев, кандидат богословия

протоиерей Игорь Якимчук, кандидат богословия

священник Димитрий Сафонов, кандидат богословия,
кандидат исторических наук

священник Алексей Дикарев, доктор миссиологии, кандидат
богословия

священник Димитрий Агеев

иеромонах Стефан (Игумнов)

диакон Феодор Шульга

Ответственный секретарь: А. А. Макарова

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл.
О будущем России.....5

БОГОСЛОВИЕ

Митрополит Волоколамский Иларион.
Межрелигиозный диалог и мир между религиями.....19

А. Н. Семенюк.
Учение о молитве по проповедям священномученика
Иоанна (Восторгова).....29

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

Дениса Бахледова.
Социальное служение Православной Церкви
в Словакии.....37

Н. Г. Росс.
Русский православный приход в Нормандии 49

БИБЛИОГРАФИЯ

С. Л. Фирсов. Приходские пастыри пореформенной России.....	207
CONTENTS.....	228

Патриарх Московский и всея Руси Кирилл

О БУДУЩЕМ РОССИИ*

Уважаемые представители педагогического сообщества — учителя, представители школьных администраций! Дорогие братья и сестры!

Приветствую всех вас и радуюсь нашей встрече — встрече единомышленников, проходящей лицом к лицу, несмотря на все трудности, связанные с пандемией, а также открытой для удаленных участников в самых разных уголках нашего Отечества.

Хорошо, что мы собрались сегодня. Есть несколько важных вопросов, которые нам необходимо обсудить. Для начала нужно поговорить о проблемах, которые перед нами стоят. Как у врачей — сначала выявить симптоматику, а затем определиться с лечением. Все вы, уважаемые педагоги, являетесь свидетелями того, что, к сожалению, у нас немало болевых точек в процессе образования. Среди них — зависимость, погруженность подростков в социальные сети, в том числе деструктивные, а всякая зависимость дезориентирует ребенка, переключает фокус его внимания.

По оценкам президента группы компаний InfoWatch Натальи Касперской, в 2019 году более 7 миллионов молодых людей школьного возраста русскоязычного сегмента Интернета присутствовали в деструктивных группах в

---

* Выступление Святейшего Патриарха Кирилла на встрече с учителями «Основ религиозных культур и светской этики» и «Основ духовно-нравственной культуры народов России» 19 октября 2021 года в Сергиевском зале кафедрального соборного Храма Христа Спасителя в Москве.

соцсетях и на сайтах. 7 миллионов человек — давайте запомним эту цифру! При этом обращалось внимание на то, что динамика, к сожалению, плачевная — каждый год в данный сегмент входит еще примерно два миллиона новых участников. Это подростки, которые читают деструктивный контент, посвященный наркотикам, суицидам и подстрекающим к ним «группам смерти», тоталитарным сектам и многому другому. 7 миллионов!

Это проблема не какого-то региона, не какой-то отдельной возрастной группы — это проблема общества, проблема государства. И речь не о детях, находящихся где-нибудь далеко, — речь о наших детях, которые учатся в наших школах.

Все педагоги знают о трагедиях в учебных заведениях Керчи и Казани и совсем недавнюю — в Пермском университете, но подобных случаев, к сожалению, больше. Десятки атак такого типа в нашей стране были пресечены правоохранителями на начальной стадии, где-то проявила бдительность школьная охрана, но в некоторых случаях преступники смогли достичь своих целей и пролить кровь.

По мнению ряда авторитетных экспертов и на основании уже проведенных экспертиз, можно утверждать, что проблемы суицидальных «групп смерти» и проблемы страшной молодежной субкультуры, которая получила название «скулшутинга», или «колумбайна», лежат в псевдорелигиозной сфере. Речь идет об одной из форм сатанизма, новой интерпретации одного из старых языческих культов. Я не случайно употребляю термин «псевдорелигиозный». Религия — это то, что должно очищать человеческое сердце и возвышать душу, а участие в такого рода группах не возвышает, а губит душу.

Удивительно, как актуально сегодня звучат слова, сказанные более ста лет назад одним из новомучеников Российской Церкви — священномучеником Макарием (Гневушевым): «Церковь Христова и Православное русское государство, несомненно, стоят перед лицом самого страш-

ного врага, нередко меняющего свои вид и наименование, но в существе являющегося всегда одним и тем же. Этот враг — враг христианства и всего созданного им, — это воскresающее язычество. <...> Отсутствие одухотворенности, высших неземных начал жизни, естественно, должны были и в области морали все низвести до... грубой борьбы за права... оправдать все грубое и жестокое и снять с человека ответственность за злобу и ее проявления. Мало того, эту самую злобу возвести на пьедестал героизма, подвига и фактора, творящего добро». Удивительно точное выражение мысли, которая сегодня многих из нас не покидает.

Решение вышеназванных проблем, соответственно, также находится в значительной мере в религиозной плоскости. Сколько бы противники любых упоминаний о религии в школе ни говорили о светскости, о том, что школа не должна касаться вопросов веры в Бога, в итоге мы видим молодых ребят, которые, назвав самих себя «богами», а всех остальных «биомусором», берут в руки оружие и идут убивать, не зная, просто не понимая, что Бог — это не поставление себя выше других, не некое горделивое право судить и приговаривать к жизни или смерти, а любовь и свет. Им просто не сказали, не объяснили, что находится в основании тысячелетней духовной культуры нашего народа, кого называют подобными Богу — преподобными, не дали возможности получить хоть какую-то защиту от злого влияния сил, которые, используя религиозную лексику и извращенные псевдорелигиозные механизмы, ставят перед собой конкретные цели — физическую и духовную гибель людей. Настоящие убийцы — не те, кто с оружием приходит в школы. Они тоже жертвы. Жертвы тех сил, которые заставили их поверить, что в мире нет ни любви, ни милосердия; что в людях, на которых они направляют оружие, нет образа Божия, потому что нет и Самого Бога, нет Творца, мудрого и милостивого Отца, Спасителя, любящего и приносящего Себя в Жертву ради нашей вечной жизни в Его Свете.

От трагедии американского Колумбайна до трагедий в Керчи, Казани и Перми причины, побудившие подростков взяться за оружие, лежат, как я уже сказал, в псевдорелигиозной сфере. Если мы не хотим, чтобы человек безграмотно писал, мы учим его орфографии. Если не хотим, чтобы делал математических ошибок, учим математике. Для того чтобы ребенок не попал под машину, мы учим его соблюдать правила дорожного движения. Чтобы предохранить детей от неверного или искаженного восприятия религии, нам следует предоставить им возможность познакомиться с религиозной традицией своего народа, сформировавшей систему нравственных ценностей, лежащих в основе общепринятых норм поведения и законов.

Человек не может быть совершенно безрелигиозен, а-теистичен. Человек так устроен. У него есть глаза, чтобы воспринимать образы, слух, чтобы различать звуки, душа — чтобы общаться с Богом. И если у человека, у ребенка есть доступ к той системе ценностей, к тем нравственным устоям, на которых основана традиционная духовно-нравственная культура народов России — подчеркну, культура религиозная, — у него есть шанс возрастая в добре, стать личностью нравственной, а значит, способной содействовать укреплению нравственных устоев в семейной и общественной жизни.

Мы очень рады тому, что сегодня школе официально передаются воспитательные функции, что в школах появились заместители директоров по воспитательной работе. Мы понимаем, что перед ними стоят очень серьезные задачи. Очень важно, чтобы эти люди обладали необходимой религиозной грамотностью, позволяющей быть компетентными, в том числе в вопросах профилактики деструктивных явлений в подростковой и молодежной среде. И очень важно, чтобы к подбору этих людей относились с очень большой ответственностью, чтобы эти должности не стали синекурой: «Нужно добавить зарплату — вот тебе нагрузка, давай», — а человек неспособен заниматься вос-

питанием... Очень важно, чтобы на этих должностях были профессионально подготовленные люди, которые сами обладают четкой системой ценностей, которые могут говорить не только словами какого-то учебного пособия, но и от собственного жизненного опыта.

Вспоминаю годы своего обучения в семинарии — мне, к счастью, довелось слушать лекции выпускников дореволюционных духовных академий. Это были люди с блестящей гуманитарной подготовкой, обладавшие действительно энциклопедическими знаниями. Но почему их слова западали в душу? Потому что мы знали: их слова не расходятся с делами, эти люди прошли и тюрьмы, и лагеря, сохранив свою веру. Они говорили нам не только от своих знаний, но и от своего жизненного опыта, и мы верили им, потому что знали: все, что они говорят, они сами пережили. И, конечно, очень важно, чтобы сегодня в школе появились заместители директоров по воспитательной работе, способные осуществлять соответствующие функции и достигать соответствующих результатов. Перед этими людьми стоят очень большие задачи.

Уверен, что религиозные знания позволят не только учителям «Основ религиозной культуры и светской этики» (ОРКСЭ) профессионально доносить до учащихся эти основы. Такого рода компетенции, элементарная религиозная грамотность способны дать представителям администраций школ необходимый инструментарий, чтобы предостерегать людей от вовлечения в опасные секты, субкультуры и психокульты, уметь вовремя выявить угрозы террористического характера, разоблачить мракобесные суеверия, которые заметно усилились в период пандемии.

Пытаться уврачевать следствия деструктивной религиозной жизни нерелигиозными методами — это все равно, что пытаться погасить огонь без воды, песка и прочих общепризнанных средств пожаротушения. Невозможно опровергнуть, а тем более разрушить деструктивную религиозность, используя нерелигиозные подходы. От чего от-

талкиваться? От неких общественных идеалов, социальных идеалов? Но у тех, кто принадлежит этим псевдорелигиозным группам, идеалы лежат в другой плоскости. Поэтому с ними нужно говорить на их языке, доказывать ошибочность их взглядов, используя аргументацию, которая произрастает из религиозных убеждений и знаний.

Слава Богу, что сегодня у школ есть, хоть и в очень скромном виде, возможность рассказать детям о традиционных для нашего народа религиозных культурах. Для этого и существует курс «Основы религиозных культур и светской этики» и предметная область «Основы духовно-нравственной культуры народов России». Каждый учитель призван служить нравственным примером для детей, тем более — учитель-христианин. Преподаватели Основ православной культуры своим каждодневным нелегким трудом должны совершать великое дело: передавать детям духовную культуру нашего народа. Насколько же велика ответственность этих педагогов! Ведь по ним будут судить о предмете, который они преподают, — так же, как по священнику судят о вере. Если вы кого-то учите, вы сами должны быть на высоте, ведь и в личности преподавателя или священника должен отображаться тот идеал, который преподается или проповедуется. Человек может передать другим только то, что имеет сам, и невозможно передать любовь к чему-либо, не имея этой любви. Поэтому родители, которые выбирают для своих детей модуль «Основы православной культуры», хотят видеть преподавателем этого модуля православного учителя, а не просто педагога, которому дали часы, чтобы поднять его заработок. Да, это курс культурологический, но выхолащивать из него ключевые для традиции идеи недопустимо. Потому что речь идет не о культурологии, а о мировоззрении, о нравственном воспитании личности.

Преподавание курса ОРКСЭ во всех регионах Российской Федерации ведется с 2012 года, уже почти 10 лет, поэтому я не буду сейчас говорить о целях и задачах курса, о его основных принципах, о которых все вы и так пре-

красно знаете, хотя далеко не все важнейшие принципы, например, принцип добровольности выбора родителями того или иного модуля, повсеместно реализуются. Это вопрос постоянного взаимодействия Синодального отдела с министерством, вопрос работы в епархиях. Эта работа идет, обращения по нарушениям прав родителей рассматриваются, но не всегда есть возможность оперативно исправить ситуацию. И все же считаю крайне важным развивать рабочее взаимодействие органов управления образования и образовательных организаций на местах и представителей основных религиозных традиций на территории Российской Федерации, в том числе Православной Церкви. В целом ряде регионов уже существует многолетний положительный опыт такого сотрудничества на всех уровнях.

Сегодня преподавание ОРКСЭ ведется во всех школах России в четвертых классах. В этом году к изучению курса приступили более одного миллиона семисот тысяч детей, из них почти 640 тысяч начали изучение Основ православной культуры. Это 36,7% от общего числа четвероклассников. Но при этом одна из важнейших проблем сегодня — отсутствие у большинства педагогов, преподающих Основы православной культуры, достаточных компетенций. В связи с этим я бы просил уважаемого министра просвещения Российской Федерации Сергея Сергеевича Кравцова наладить более тесное взаимодействие министерства с Синодальным отделом религиозного образования и катехизации, а также в регионах — работу с епархиями, чтобы на всех этапах подготовки педагогов — специалистов по православной культуре — принимали участие представители Русской Православной Церкви. Что же касается епархий, то по линии Управления делами Московской Патриархии необходимо дать соответствующие поручения епархиальным архиереям.

Также даю поручение Синодальному отделу религиозного образования и катехизации и его председателю

митрополиту Екатеринбургскому и Верхотурскому Евгению подготовить предложения по формированию общецерковной системы подготовки учителей в дополнение к существующей федеральной системе. Для этого важно, чтобы во всех вузах Министерства просвещения и во всех региональных институтах развития образования эта работа велась обязательно с привлечением представителей конфессий, в данном случае Русской Православной Церкви, специалистов — теологов, священников, церковных историков. Но с нашей стороны мы должны озаботиться тем, чтобы лица, которые будут вступать в такое сотрудничество от лица Церкви, также были достаточно подготовлены и вносили положительный вклад в достижение общих целей.

За последние два года произошло немало нового. Сочетание дистанционного и традиционного очного образования, необходимость освоения новых систем программного обеспечения и ведение уроков в условиях распределенного нахождения учеников — всё это, конечно, изменило привычный для многих уклад школьной жизни. Большинство учителей успешно прошли через эти испытания, обретая новый опыт, который, несомненно, пригодится и в дальнейшей профессиональной деятельности.

В образовательном пространстве уже давно работают онлайн-платформы системы повышения квалификации и подготовки сотрудников. Это инновационная отрасль образования, однако из-за пандемии в этой области произошел кратный рост использования образовательных платформ. Поскольку это вопрос актуальный, поручаю Синодальному отделу религиозного образования начать процесс по разработке нашей конфессиональной образовательной онлайн-платформы для подготовки специалистов по православной культуре и Основам духовно-нравственной культуры народов России. Эта платформа не будет заменять систему повышения квалификации, которой занимается Министерство просвещения, но будет помогать учителю при подготовке к уроку. Благодаря образовательной плат-

форме у учителя всегда будут под рукой методические наработки специалистов, возможность задать вопрос экспертам и священникам, обменяться друг с другом материалами.

Отрадно, что у нас появилось новое учебное пособие по Основам православной культуры, работа над которым была организована по моему благословению. К этой работе, осуществляемой Синодальным отделом религиозного образования, подключились также Министерство просвещения, Российская академия образования, академия «Просвещение» и издательство «Просвещение». Учебник уже поступил в пять регионов для апробации, и я с интересом познакомился с содержанием учебника. Полагаю, что он прочно войдет в систему образования. Хотелось бы, чтобы педагоги его полюбили, чтобы он стал хорошим инструментарием для решения тех проблем, которые были обозначены в начале доклада.

Но учебник — это только часть образовательного инструментария. Современные дети ожидают красочной и интересной подачи информации. Образовательные технологии шагают очень быстро, мультимедийные форматы позволяют увлечь ребенка, облегчить усвоение материала, дать образность сложным понятиям. Всему этому должны соответствовать и пособия по православной культуре. Интересную для детей форму следует наполнить содержанием, которое будет содействовать их нравственному становлению, формированию чувства ответственности, любви к Отечеству и своим близким. Необходимо дополнить новый учебник видеоконтентом, различными пособиями, чтобы помочь учителю в работе с детьми и методически, содержательно насытить курс. Ожидаю, что Синодальным отделом будут разработаны такие материалы.

Актуальным остается вопрос расширения преподавания курса на основную школу. Воспитание человека не заканчивается 4-м классом. На решение этой задачи, в частности, направлено преподавание в рамках предметной области «Основы духовно-нравственной культуры

народов России» (ОДНКНР). Сегодня ведется работа по утверждению концепции и написанию программы, однако среди авторского коллектива нет представителей Русской Православной Церкви. Синодальному отделу религиозного образования и катехизации надлежит в сотрудничестве с Министерством просвещения, Российской академией образования продолжить работу по формированию концепции и созданию программы ОДНКНР в основной школе. Важно, чтобы в рамках этой предметной области раскрывались такие понятия, которые бы отвечали ожиданиям педагогов и родителей, абсолютное большинство которых считает себя людьми православными.

И все же никакой учебник и никакой методический инструментарий не может заменить непосредственного общения учителя с учеником. Это убедительно показал опыт удаленной работы в период пандемии. Тем более в рамках предметов, которые имеют не только обучающий, но и воспитательный характер. Дети воспитываются на примерах. Большое значение в этом смысле имеют образы наших святых, особенно же тех, кто близок нам по времени, святых новомучеников и исповедников Церкви Русской. Их духовные наставления могут помочь ребенку найти верные ответы на сложные для него вопросы, понять, что вера укрепляет в самых тяжелых испытаниях, дает возможность пребывать в радости, несмотря ни на какие беды и лишения.

Мне нередко приходится изучать жизнь и историю страданий тех людей, которые представляются к канонизации как новомученики и исповедники Церкви Русской. Это драматическое чтение, когда понимаешь, через какие муки люди проходили буквально в наше время, в XX веке, какие физические и моральные мучения они претерпевали и как они оставались верными своим убеждениям. Это сравнимо с подвигами защитников Отечества, которые при попадании в плен подвергались пыткам и истязаниям, но не предавали Родину. Это действительно очень яркая страница нашей истории, это опыт реального подвижничества.

Из личного жизненного опыта мы все знаем, что успех преподавания во многом зависит от увлеченности предметом самого учителя. Вы наверняка помните педагогов, на уроки которых хотелось идти, потому что вам передавалось их вдохновение и любовь к предмету. С другой стороны, каждый может вспомнить предмет, который не давался в школе, потому что преподаватель вел его сухо и неинтересно, относился к своей работе формально. Никогда не забуду изучение алгебры — кажется, это было в шестом классе. Если бы я и дальше учился математике у этого преподавателя, у меня, наверное, возникла бы устойчивая ненависть к этому предмету. Более ужасный педагогический подход и представить себе трудно. Он был, видимо, убежденным атеистом и решил обратить на меня как на верующего мальчика особое внимание. Каждый урок начинался с того, что меня вызывали к доске. Он мне давал задание, я писал, а он подходил, стирал написанное и писал сам — ему не нравился мой почерк. Когда я решал задачу, он все стирал, решал сам и иногда приходил к тем же результатам. Все это было давлением на психику ребенка — только потому, что я не был пионером по религиозным убеждениям, я был верующим, а он горячим атеистом. Этот пример идеологизированного подхода педагога к обучению и воспитанию детей навсегда врезался в мою память — как пример абсолютно недопустимого поведения преподавателя.

Вот почему я из личного опыта говорю, что преподаватель может разрушить интерес к предмету, вообще отбить желание учиться. И, конечно, каждый может вспомнить педагогов, которые оставили светлый след в памяти, которые привили интерес к учебе, интерес к преподаваемому предмету.

Если уроки православной культуры будут скучными и формальными, то дети принесут эту скуку и в свою взрослую жизнь, и религиозная жизнь будет у них ассоциироваться со скукой. Поэтому уж лучше не преподавать вовсе, чем преподавать плохо. Во всех школах дореволюционной

России преподавался Закон Божий, и чаще всего неудовлетворительно. В результате, как мы знаем, стали атеистами будущие революционеры, хотя все они изучали Закон Божий. Вот почему нам нельзя наступать на те же грабли. Если мы дерзаем обращаться к современным детям с посланием о вере, мы должны это делать сильно, ярко, убежденно, мы должны отражать в себе, насколько возможно, идеалы, которые мы передаем детям. Если же это будет очередной вызывающий скуку урок, то лучше его совсем не проводить. А если мы берем на себя ответственность за религиозное воспитание и образование, мы должны себе сказать: это не третьестепенное дело, а важнейший приоритет в моей педагогической работе.

Я бы очень хотел, чтобы те, кто преподает Основы православной культуры, относились именно так к своему важному делу. Действительно, если детям будет скучно, если эта скука будет доминировать в их восприятии предмета, то, проходя мимо храма Божия, они будут думать, что все это они уже изучали в школе, но не нашли ничего интересного. Дай Бог, чтобы такого никогда не случилось с вашими учениками, чтобы ни один из них не потерял интереса к Церкви, к вере, к храму Божию потому, что Основы православной культуры преподавались скучно.

Я хотел бы от души поблагодарить всех вас, дорогие участники этой встречи, за ваше служение, часто очень самоотверженное, — до меня доходит информация и о таких замечательных примерах. За ваше несомненное неравнодушие к делу, которое вы совершаете. Не могу себе представить, чтобы Основы православной культуры преподавал человек, которому все это вообще неинтересно, потому что это преподавание не дает вам никаких привилегий. Сегодня это действительно дело энтузиастов, искренне стремящихся к тому, чтобы передать учащимся невероятно важные знания и убеждения, от восприятия которых зависит будущее молодых людей и, я бы сказал, их счастье и благополучие.

БОГОСЛОВИЕ

Митрополит Волоколамский Иларион

МЕЖРЕЛИГИОЗНЫЙ ДИАЛОГ И МИР МЕЖДУ РЕЛИГИЯМИ*

Уважаемые члены профессорско-преподавательской корпорации, уважаемый президент Апулии господин Эмилиано, учащиеся университета!

Межрелигиозный диалог выходит сегодня на первый план не только в Европе, но и во всем мире. Италия вносит в развитие этого диалога ощутимый вклад.

Три месяца назад в Болонье завершился межрелигиозный форум, приуроченный к саммиту G20 в Риме. Он был посвящен теме «Время врачевания: мир между культурами, понимание между религиями». В форуме приняли участие 370 человек, в том числе 50 религиозных лидеров, 90 политиков и дипломатов, около ста ученых,

---

* 20 декабря 2021 года председатель Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата митрополит Волоколамский Иларион, находившийся с рабочим визитом в итальянском регионе Апулия, выступил в Свободном средиземноморском университете (LUM) на открытии конференции, посвященной актуальным аспектам межрелигиозного диалога.

экспертов, гостей из 50 стран мира. Еще несколько лет назад встречу подобного рода в Европе сложно было себе представить: говорить о проблеме вытеснения религии из общественной жизни Европы было не принято. Но форум в Болонье показал, что ситуация меняется: наиболее здравомыслящие политики не боятся говорить о значении религии в жизни современного европейского общества. Пришло понимание того, что религиозные традиции содержат тот нравственный и духовный базис, без которого общество не сможет выжить. На форуме, в частности, говорилось о том, что религиозные организации должны более активно участвовать в разрешении разного рода конфликтов.

Два года пандемии показали, что в кризисные времена религия остается единственным, что дает надежду и силы для того, чтобы преодолеть трудности, пережить болезнь и смерть близких. В то же время именно в эпоху пандемии люди разных вер столкнулись с общим вызовом: значительным ростом проявления агрессии против религиозных объектов и святынь. Проиллюстрирую этот тезис примерами, касающимися последних месяцев 2021 года.

Агентство Европейского Союза по основным правам человека 9 ноября опубликовало отчет под названием «Антисемитизм: Обзор антисемитских инцидентов, зарегистрированных в Европейском Союзе в 2010–2020 годов». В отчете отмечено, что пандемия COVID-19 спровоцировала новый всплеск антисемитизма. Председатель Европейской еврейской ассоциации (EJA) раввин Менахем Марголин заявил в октябре этого года, что свобода совершения религиозных обрядов евреями подвергается атаке по всей Европе со стороны институтов, которые обещали защищать еврейские общины.

Одновременно резко выросло число преступлений на почве ненависти к христианам в Европе. По данным отчета ОБСЕ, вышедшего 16 ноября, только за прошлый

год произошло 980 нападений на христиан. Имели место поджоги католических храмов, осквернения и разграбления Святых Даров, выходки против священников и антикатолические надписи на молитвенных и служебных зданиях, в том числе со стороны активисток движения за право на аборт. В 2019 году было зафиксировано меньше нападений на христиан, а именно 595 случаев. Отмечен и значительный рост случаев нападений на церковную собственность — с 459 в 2019 году до 871 в 2020 году. Поджоги католических церквей происходили во Франции, Германии, Испании и Италии. Активизировались преступления на почве ненависти по религиозному признаку в социальных сетях.

На эти факты обратил недавно внимание постоянный наблюдатель Святейшего Престола при ОБСЕ монсеньор Януш Урбанчик. Прелат выступил на очередном заседании Постоянного совета организации, проходившем 9 декабря 2021 года. Он подчеркнул, что «антихристианские преступления больше не являются маргинальным явлением», поэтому все государства-члены призваны бороться с дискриминацией христиан, иудеев, мусульман и представителей других религий. Последние данные свидетельствуют о том, что «христианские общины в значительной степени становятся жертвами преступлений на почве ненависти и инцидентов, мотивированных антирелигиозными предрассудками, даже в тех странах, где христиане составляют большинство».

Религия на протяжении всей истории человечества играла большую роль в жизни отдельных людей, обществ и цивилизаций. В конце XIX — начале XX веков широкое распространение получило представление о том, что религия должна естественным образом прийти в упадок и выродиться в условиях развития научной рациональности, технического прогресса и модернизации обществ. Религия в рамках этого подхода рассматривалась как связанная со многими заблуждениями и предрассудками

устаревшая, архаическая форма человеческого сознания, которой просто не останется места в новом, динамично меняющемся мире. Эта позиция, во многом связанная с противопоставлением науки и религии, позитивистской парадигмой и особым представлением о прогрессе, до сих пор оказывает большое влияние на восприятие религии.

Я родился и вырос в Советском Союзе — стране, где атеистическая идеология навязывалась государством каждому гражданину. Нам внушали, что религия доживает свои последние дни, что Церковью интересуются только бабушки или люди, не нашедшие себе применения в жизни. Еще десять-двадцать лет — и религия окончательно отомрет. Но поскольку она никак не хотела отмирать, то была разработана целая система подавления «религиозных предрассудков».

Когда я сегодня слушаю выступления европейских политиков, призывающих покончить с религией, удалить религиозные символы из публичного пространства, нивелировать влияние Церкви на общество, «оградить» детей от влияния церкви, мне хочется сказать этим людям: «Господа, вы просто не знаете, что это такое — жить при режиме, который насильственно подавляет в людях религиозное чувство, каленым железом выжигает в их сердцах память о Боге. Мы через все это прошли. Мы видели своими глазами, к чему приводит атеистическая идеология. А вы ничего этого не видели. Ни ленинского «красного террора», ни сталинских концлагерей. Вы живете иллюзиями, мифами, фантомами. Вы начитались глупых книжек о зверствах инквизиции и боитесь, что ваших детей совратят церковники. А потом ваши дети превращаются в наркоманов и циников, и вы кидаетесь к психологам, чтобы их спасти. Откройте глаза, обратитесь к чистому источнику доброты и святости, каким всегда была Церковь. И поймите, что религия никогда ничему плохому ваших детей не научит».

Из моего опыта жизни при тоталитарном режиме могу сказать: атеистическая идеология доказала свою ошибочность. Нам внушали, что религия вот-вот отомрет, а как только пал Советский Союз, миллионы людей обратились к Богу. В начале 1990-х годов один приходской священник крестил по 200–300 человек в день. В конце 80-х у Русской Православной Церкви было 6 с половиной тысяч храмов. А сегодня число их перевалило за 40 тысяч. То есть каждый год мы открывали по тысяче храмов, или по три храма в день. И так уже более тридцати лет. У нас было 20 монастырей, а сейчас — около тысячи. И все они наполняются монахами и монахинями. У нас было три духовных учебных заведения, а сейчас более пятидесяти. И во многих светских университетах созданы кафедры теологии.

Откуда такой интерес к религии? Почему, как констатировал известный американский социолог религии Питер Бергер (1929–2017), которого я лично хорошо знал, мир остается «таким же яростно религиозным, как был всегда, а в некоторых местах даже более, чем когда-либо еще?» (см.: *Berger P.L. Desecularization of the world: a global overview // The desecularization of the world: resurgent religion and world politics. Washington, 1999. P. 2.*). Потому что у религий есть колоссальный потенциал, позволяющий им не только выживать, но и возрождаться к новой жизни, подобно птице фениксу. И несмотря на все усилия, предпринимаемые антирелигиозными силами, традиционные религии продолжают существовать и развиваться.

Современный мир характеризуется беспрецедентно высокой степенью взаимозависимости и взаимосвязи. В этих условиях особую актуальность приобретает задача осмысления комплекса проблем, связанных с выстраиванием отношений между последователями разных религий, что обычно обозначается термином «межрелигиозный диалог».

Словосочетание «межрелигиозный диалог» сегодня часто встречается в выступлениях политиков, общественных и религиозных деятелей, ученых и экспертов, в средствах массовой информации. Вместе с тем адекватное описание этого феномена в широком многообразии его возможных форм представляет собой научную проблему, которая до сих пор не решена. Понятие межрелигиозного диалога имеет различные интерпретации, отражающие разные представления о том, на каких принципах он должен основываться, какие задачи решать и в каких формах реализовываться.

Я хотел бы рассказать, как межрелигиозный диалог понимается в Русской Православной Церкви. Говоря о вероучительных обоснованиях межрелигиозного диалога, хочу подчеркнуть, что мы руководствуемся прежде всего примером Самого Христа. Евангелие описывает целый ряд Его встреч и общения с самарянами, хананеями и язычниками. Христос показал пример милосердия и любви по отношению к ним, а веру римского сотника Он приводил в пример Своим соплеменникам (Мф. 8:10). Апостол Павел учит: «Если возможно с вашей стороны, будьте в мире со всеми людьми» (Рим. 12:18). А апостол Петр заповедал «всякому, требующему у вас отчета в вашем уповании, дать ответ с кротостью и благоговением» (1 Пет. 3:15).

Это означает, что с каждым человеком нужно обходиться как с равным себе, с уважением и любовью. Сам Господь заповедал нам проповедовать своей жизнью, в том числе отношениями с ближними и дальними, любовь и добро: «Так да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного» (Мф. 5:16).

Русская Православная Церковь принимает активное участие в межрелигиозном диалоге.

Одним из приоритетных направлений для нас является диалог с исламом. Московский Патриархат

поддерживает контакт с мусульманскими лидерами и организациями Сирии, Ирана, Ирака, Египта, Марокко, Саудовской Аравии, Объединенных Арабских Эмиратов, Иордании, Катара, ряда других стран. В диалоге с мусульманами на первый план выходят совместное свидетельство против экстремизма и терроризма, защита традиционных нравственных и семейных ценностей, положение религиозных меньшинств в исламских странах, права человека, глобализация, проблемы миграции, академическое сотрудничество.

Развивается взаимодействие с ведущими исламскими организациями — Всемирной исламской лигой, Организацией исламского сотрудничества, Мусульманским советом старейшин (ОАЭ). Кроме того, мы поддерживаем хорошие рабочие отношения с ведущим исламским университетом «Аль-Азхар».

С 1997 года Русская Православная Церковь ведет регулярные собеседования с исламской общиной Ирана. Стороны делятся опытом по вопросам взаимоотношений религии и государства, религии и общества, традиционных нравственных и семейных ценностей. За годы работы комиссии обсуждались различные аспекты роли религии в современном мире, межкультурного диалога, прав человека, глобализации, проблемы терроризма и экстремизма, духовно-нравственного кризиса в обществе, отдельные вопросы христианского и исламского богословия и антропологии, возможности академического взаимодействия, проблемы экологии, а также положение религиозных меньшинств на Ближнем Востоке.

Нужно сказать и о многолетних доверительных отношениях с Управлением мусульман Кавказа, которое возглавляет шейх-уль-ислам Аллахшукюр Пашазаде. В последнее время Азербайджан взял курс на интенсивное развитие межрелигиозного диалога. Для этого в Баку был создан специальный Центр. В его руководящие органы вошли представители Русской Православной Церкви.

Мы продолжаем свое миротворческое служение в деле урегулирования конфликта в Нагорном Карабахе, участвуя в качестве посредника в диалоге религиозных лидеров Армении и Азербайджана. Традиция проведения таких встреч насчитывает уже почти 30 лет, последняя встреча прошла в октябре этого года в Москве. Эти усилия помогли избежать перехода карабахского конфликта в религиозную плоскость.

Диалог религиозных общин нашей страны на постоянной основе ведется на площадке Межрелигиозного совета России (МСР). Совет был создан в 1998 году. Он объединяет глав и представителей четырех традиционных религий нашей страны — Православия, ислама, иудаизма и буддизма. Основными задачами взаимодействия религиозных общин в рамках МСР являются: во-первых, миротворчество, укрепление гражданского мира и согласия; во-вторых, утверждение в обществе нравственных ценностей; в-третьих, работа по улучшению положения религиозных общин — в законодательной, экономической и социальной сферах.

Русская Православная Церковь рассматривает общины традиционных религий России как надежных союзников в благом деле защиты морали и семьи, укрепления мира и согласия. Как показывает практика, близость моральных ценностей позволяет традиционным религиям России конструктивно сотрудничать и единым фронтом выступать с консолидированной позицией по ряду общественно значимых вопросов. МСР объявлял согласованные позиции традиционных религий страны по таким актуальным темам, как миграция, ограничение игорного бизнеса, наркотрафик, защита прав семьи и ребенка, разжигание розни на этноконфессиональной почве, строительство культовых зданий, охрана правопорядка, внесение теологии в списки научных дисциплин, признанных государством, оскорбление чувств верующих и другим.

Одной из наиболее острых проблем для традиционных религий сегодня является распространение экстремизма под религиозными лозунгами. В заявлениях Совета мы не используем термины «религиозный терроризм» или «религиозный терроризм», а говорим о «терроризме под религиозными лозунгами». Ни одна религия не учит убивать ни в чем не повинных людей, в том числе женщин и детей. Человеконенавистническую идеологию террористов нельзя называть религией.

Мы развиваем отношения с иудейскими организациями и общинами, среди которых Конференция европейских раввинов, институт «Илия» (Израиль) и другие. Продолжается наше многолетнее сотрудничество с фондом «Призыв совести», во главе которого стоит раввин Артур Шнайер. В октябре этого года я посетил в Нью-Йорке уважаемого раввина, которому исполнился 91 год.

В межрелигиозном диалоге для нас очень важно сотрудничество с Католической Церковью. 24 ноября 2021 года в Москве состоялась моя встреча с главой Папского совета по межрелигиозному диалогу кардиналом Мигелем Гиксотом, в ходе которой я ознакомил его с широким спектром межрелигиозных контактов Московского Патриархата. Мы вместе обсудили такое важное направление диалога, как совместное противостояние гонениям и дискриминации религиозных меньшинств, прежде всего христиан.

Существует много типов межрелигиозного диалога, но сегодня на первый план выходит диалог, который делает акцент на сотрудничестве для решения конкретных задач: оказания помощи нуждающимся, утверждения социальной справедливости, моральных ценностей, укрепления мира, деятельности, направленной на защиту окружающей среды, и пр. В таком диалоге доктринальные вопросы не обсуждаются, вместе с тем участие верующих разных религий в совместных проектах способствует развитию взаимопонимания между ними.

В заключение хотел бы поздравить всех собравшихся с наступающим Рождеством Христовым. В условиях, когда имя Христа и даже само слово «Рождество» стараются в Европе не использовать, подменяя название праздника другими словами, необходимы совместные усилия для того, чтобы сохранить традиционные ценности, которыми живут миллионы людей на нашей планете.

А. Н. Семенюк*

**УЧЕНИЕ О МОЛИТВЕ ПО ПРОПОВЕДЯМ
СВЯЩЕННОМУЧЕНИКА ИОАННА
(ВОСТОРГОВА)**

Статья посвящена учению о молитве знаменитого проповедника священномученика Иоанна (Восторгова), который нес свое пастырское служение с 1889 по 1918 г. Священномученик Иоанн часто в своих проповедях обращался к раскрытию христианского учения о молитве. Молитва, по словам протоиерея, является важнейшим средством духовно-нравственного возрастания христианина. Она необходима для человека, вступившего в борьбу с грехом и желающего утвердиться в добродетели.

Ключевые слова: священномученик Иоанн (Восторгов), проповедник-миссионер Московской епархии, новомученики и исповедники российские, церковное красноречие, гомилетика, христианство, молитва.

---

*Автор — магистр богословия, аспирант Московской духовной академии.

Священномученик Иоанн (Восторгов) останавливается на молитве как устремлении ума, сердца и желаний к Богу. Молитва, по словам протоиерея, помогает человеку побеждать грехи и искушения, направляет его к нравственному совершенству. Протоиерей призывает слушателей уже с юных лет приобретать навык к молитве.

Молитва необходима вне зависимости от духовно-нравственного состояния христианина. В сердце человека, по словам проповедника, изначально Богом заложена потребность молитвы, которая служит для него радостью и утешением. «Мы не можем отказаться от молитвы, как не можем отказаться от нашей природы, от духа, от ума, или совести», — говорит протоиерей. [2. С. 405].

Говоря о великой силе молитвы, протоиерей призывает слушателей вспомнить историю родной страны. Так, можно убедиться, что «молитва веры склоняла не раз Божью милость к русскому народу, и он перенес все ниспосылаемые ему тяжелые испытания, часто тягчайшие настоящих, от татарского ига до последнего нашествия 20-ти языков, перенес — и не погиб», — наставляет пастырь. [1. С. 42].

Что такое молитва? Какие ее виды, правила, цели? Для верующего человека, по словам протоиерея, эти вопросы являются лишними, так как он с самого детства призван к молитве. «Кто верует, кто религиозен, для того молитва так же близка и естественна, как свет для глаза, как мысль для ума или добродетель для совести: она сама собой возникает и поднимается в душе, она сама собой и выливается пред Богом, как выливается слово, чувство — общение любви у ребенка по отношению к горячо любимой матери. А кто не верует и не религиозен, для того и молитва, и самое слово о ней — непонятны, как непонятно объяснение белого и красного цвета для слепого от рождения...», — говорил проповедник. [2. С. 404].

Прот. Иоанн обращает внимание слушателей на то, что из всех земных тварей только один человек имеет дар молитвы, поэтому он должен дорожить возможностью

молиться. «Есть животные умные; есть животные, о которых неумеренные их хвалители рассказывают, будто у них можно найти даже проблески совести; есть животные, отличающиеся, и вправду, верностью, преданностью. Но нет из них ни одного, которое могло бы молиться», — наставляет пастырь. [2. С. 404].

Протоиерей учит о необходимости молитвы для нравственного совершенствования христианина. Молитва есть постоянная, всеобщая потребность человеческого духа, и, в то же время, она есть признак истинно-человеческой жизни. «Без молитвы, поэтому, жизнь человека идет на ущерб, умалется, вянет, замирает и приближается к жизни животного; без молитвы человек — это зверь, быть может и умный, очень умный, но все же человеком он называется только по недоразумению, по одному внешнему виду, а не по внутренней сущности», — говорит прот. Иоанн. [2. С. 404].

Протоиерей указывает, что Сам Господь Иисус Христос указал людям пример истинной молитвы, к которому необходимо стремиться каждому христианину. Именно в Нем ярко горел святой огонь молитвы. «Младенцем Он приносится в храм; отроком Он три дня подряд не может расстаться с домом молитвы; в годы божественного учительства Он, всегда и со всеми кроткий, только раз воспламеняется священным гневом, и это было при виде оскорбления храма; в сорокадневном подвиге поста, перед вступлением на дело Своего служения, Он молится в пустыне; молится Он часто на горах и в уединенных местах; молится целыми ночами; молится и пред совершением чудес милосердия Своего; в молитве просветлело и преобразилось на Фаворе Его тело; в молитве же просветлел и дух Его в Гефсимании; с молитвой Он восходит на Крест; с молитвой предает и дух Свой Богу...», — наставлял прот. Иоанн. [3. С. 406–407].

Главную пользу молитвы проповедник видит в том, что молитва, как некое соприкосновение с Божеством,

низводит на человека сверхъестественную силу, привлекает в его сердце благодать Св. Духа. «Она роднит человека с миром ангелов, у которых вся жизнь есть непрестанная молитва, непрестанная хвала и благодарение Творцу», — поучает пастырь. [3. С. 408].

Молитва к Богу наполняет сердце молящегося любовью ко всем, поскольку молиться необходимо не только за себя, но за ближних. Прот. Иоанн говорил о необходимости молиться друг за друга, утверждал в крепости такого единения. Особую силу имеет такая молитва между родными и близкими: «А, между тем, что такое молитва друг за друга? Она есть, прежде всего, пламенная вера. Дети пред отцом и матерью, друзья горячие и задушевные, люди, взаимно связанные крепким союзом искренней любви и уважения, знающие внутренний мир друг друга и единомысленные в вопросах высшего порядка, — такие близкие люди в особо важных обстоятельствах жизни, в минуты горячности чувств вдруг в письме или в личной беседе просят один другого — «Молитесь за меня...», — наставляет священномученик. [1. С. 347–348].

Протоиерей призывает слушателей избегать формального и внешнего отношения к молитве. «Обыкновенно, мы так привыкаем к слову «молитва», мы так, можно сказать, злоупотребляем этим словом, мы так часто относимся к молитве, как к чему-то внешнему, иногда просто формальному, как к требованию приличия, обычая, известных общественных отношений, — что нередко за всем этим скрывается и гаснет дух истинной молитвы и ее вдохновляющее начало», — говорит прот. Иоанн. [1. С. 347]. Истинная молитва, по словам пастыря, должна быть искренней и исходить от чистого сердца.

В проповеди, произнесенной на молебне на Новый год, протоиерей говорит, что истинная молитва должна, прежде всего, быть наполнена благодарения к Богу. Отец Иоанн призывает паству в первую очередь научиться за все благодарить Бога. Молитвенное делание должно на-

учать молящегося смирению, приводить его к осознанию своей духовной нищеты. Его сердце должно быть постоянно исполнено благодарения Богу. «Вот мы стоим сейчас на грани прошлого и настоящего. Что говорит нам прошлое, какие чувства оно подсказывает нам для молитвы? Мы живы, мы сохранены для земли, для работы, для покаяния, для спасения. О, благослови, душе моя, Господа, и вся внутренняя моя имя святое Его! Благослови, душе моя, Господа и не забывай всех воздаяний Его! В этот миг новогодней молитвы возблагодарим Отца Небесного, щедрого и милостивого, о всех, ихже вемы и ихже не вемы, о всех благодеяниях, бывших на нас: за свет дня, за покой ночи, за каждое биение сердца, за радость осмысленного труда, за уроки нужды и страданий, за сладость молитвы, за отрадное и светлое чувство, за бодрость духа жизни, за то, что мы видехом свет истинный, прияхом Духа Небесного, обретохом веру истинную. Слава Богу за все!», — наставляет священномученик. [2. С. 196]. Протоиерей призывает паству не допускать в молитве никакого сомнения, твердо верить в благодать Божию и Его милость. Он учит молящихся быть терпеливым и верить в то, что Господь всегда подаст просимое.

Проповедуя в период непрестанных смут, проповедник неустанно призывал паству к молитве за страну в этих жизненных испытаниях: «Напряжение всех сил души народной может и должно прежде всего разрешиться в молитву. Только она одна сохранит нам ясность духа, бодрость, мужество и то непоколебимое спокойствие, которое всегда проявляла Россия в виду самых тяжких испытаний и которым был силен и непобедим наш народ, воспитываемый в течение веков в духе молитвы православною Церковью», — наставлял священномученик. [2. С. 407].

Итак, молитва, по словам протоиерея, является неотъемлемой частью духовной жизни христианина. Человек во все периоды своей жизни призван к молитве.

Благодаря молитве он может достичь нравственного совершенства и добродетельной жизни. Молитва — единственное спасительное средство во всех жизненных бедах и напастях.

Список литературы

1. *Восторгов И.И., сщмч.* Полное собрание сочинений. М., 1913–1916. Т. 1–5; репринт. СПб., 1995. Т. 1. Проповеди и поучительные статьи на религиозно-нравственные темы. 1889–1990 гг. М., 1914.
2. *Восторгов И.И., сщмч.* Полное собрание сочинений. М., 1913–1916. Т. 1–5; репринт. СПб., 1995. Т. 2. Проповеди и поучительные статьи на религиозно-нравственные темы. 1901–1905 гг. М., 1914.
3. *Восторгов И.И., сщмч.* Полное собрание сочинений. М., 1913–1916. Т. 1–5; репринт. СПб., 1995. Т. 3. Проповеди и поучительные статьи на религиозно-нравственные темы. 1906–1908 гг. М., 1915.
4. Правда веры и жизни. Житие и труды священномученика протоиерея Иоанна Восторгова. М., Издание Сретенского монастыря. 2004.
5. *Восторгов И.И., сщмч.* Во дни войны. Голос пастыря-патриота. Вып. 1. М., 1914–1916.
6. *Восторгов И.И., сщмч.* Пастырский голос во дни смуты. Проповеди и статьи, помещенные в «Московских ведомостях» и журнале «Церковность» в 1917 г. М., 1917.
7. *Восторгов И.И., сщмч.* Тобольские торжества. М., 1916.

ИСТОРИЯ ЦЕРКВИ

Дениса Бахледова*

СОЦИАЛЬНОЕ СЛУЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В СЛОВАКИИ

В статье на материале словацких источников рассказывается о социальном служении Православной Церкви в Словакии. Исторический путь словацкого православия был непростым прежде всего в силу многолетнего отсутствия собственной государственности. В статье показано, как в этих непростых условиях именно церковь сохраняла национальную идентичность словаков, их язык и веру. После революции в России Словакия стала местом эмиграции многих бежавших из СССР. Русские эмигранты привезли в словацкие земли традиции социального служения Русской Православной Церкви. Особое место в работе уделяется социальному служению Православной Церкви в Словакии сегодня.

Ключевые слова: Православная Церковь, Словакия, социальное служение, русская эмиграция, греко-католики, уния, архимандрит Савва (Струве).

---

* Автор — аспирантка Общецерковной аспирантуры и докторантуры святого Кирилла и Мефодия в Москве.

Социальное служение Церкви существует столько же, сколько сама Церковь, поскольку, по Евангельскому слову, ее главным основанием есть любовь к ближнему, как к самому себе (Мф. 22:29). Несмотря на то, что христиане пережили множество искушений и гонений, социальная работа Церкви существует и в настоящее время. Сегодня тем более это служение актуально, поскольку люди стали жить разобщеннее и углубился кризис в обществе. Особенностью служения людям в христианской церкви стало то, что она знала филантропию большее на практике, чем в теории.

Социальное измерение в учении апостола Павла естественным образом проистекает из его духовного понимания. Любопытно, кто понимает его учение, автоматически понимает свое призвание к практическим делам справедливости. В своем втором письме к коринфским христианам апостол Павел хвалит щедрость македонских христиан, которые, несмотря на свою бедность, «занимались милосердием и служили святым» не по средствам (2 Кор. 8:1–5). Он призывает коринфских христиан к такому же милосердию, любви и готовности «быть равными» (2 Кор. 8:13–15). Он призывает их быть щедрыми и честными в сборе и предостерегает от жадности (2 Кор. 9:5–7). Он называет реализацию сбора в помощь братьям «праведностью», «служением любви», которое дополняет недостатки святых и умножает благодарность многих к славе Божьей.

«Посему я почел за нужное упросить братьев, чтобы они наперед пошли к вам и предварительно озаботились, дабы возвещенное уже благословение ваше было готово, как благословение, а не как побор. При сем скажу: кто сеет скупой, тот скупой и пожнет; а кто сеет щедро, тот щедро и пожнет. Каждый уделяй по расположению сердца, не с огорчением и не с принуждением; ибо доброхотно дающего любит Бог, Бог же силен обогатить вас всякою благодатью, чтобы вы, всегда и во всем имея всякое до-

вольство, были богаты на всякое доброе дело, как написано: расточил, раздал нищим; правда его пребывает в век. Дающий же семя сеющему и хлеб в пищу подаст обилие посеянному вами и умножит плоды правды вашей, так чтобы вы всем богаты были на всякую щедрость, которая через нас производит благодарение Богу. Ибо дело служения сего не только восполняет скудость святых, но и производит во многих обильные благодарения Богу; ибо, видя опыт сего служения, они прославляют Бога за покорность исповедуемому вами Евангелию Христову и за искреннее общение с ними и со всеми...» (2 Кор. 9:5–13).

Положение нуждающихся в христианском понимании также упоминается отцом Штефаном Шаком: «Человек, который нуждается и рассчитывает на благотворительное служение Церкви, это не обычный человек, с которым нам нечего делать, а наоборот, с точки зрения Церкви речь идет о самом Иисусе Христе» [1. С.129].

Православная Церковь в Словакии имеет очень глубокие исторические корни, которые восходят к первоначальному возникновению христианства на территории Центральной Европы. И на протяжении всего этого долгого исторического пути Церковь не оставляла свою паству, осуществляя социальное служение. Так случилось, что долгие годы словаки не имели своей государственности, находясь в политической зависимости от соседних, часто более сильных в экономическом и политическом плане, народов. Роль Церкви в сохранении национальной идентичности в этот период была огромной. Именно она сделала многое, чтобы словаки сохранили свой язык и веру отцов, помнили о своей истории и о великой миссии солунских братьев, осуществленной в далекие годы на территории нынешней Словакии.

Православная Церковь в Словакии выстояла и в непростые годы, когда случился большой переворот в духовной жизни христиан в связи с возникшей в XVII веке Ужгородской унией, давшей начало Греко-католической

Церкви. Вопреки тяжелым условиям, Православная Церковь продолжала существовать на территории восточной Словакии. Религиозное и народное возрождение на территории Чехии, Словакии и Подкарпатья падает на вторую половину XIX столетия. В Чехии восстановление Православной церкви сопровождалось возникновением Чехословацкого православного объединения в Праге в 1903 году. Попытки восстановления православной церкви в Словакии и Подкарпатья в это время были жестко пресечены властями. Но желание возродить Церковь не ослабевало и после падения Австро-Венгерской империи и при возникновении Чехословацкой республики. Но все было безуспешно.

Новейшая история Православной Церкви в Словакии начинается с образования единого государства чехов и словаков — Чехословакии. В 1925 году Церковь становится автокефальной под юрисдикцией Сербии, а в 1920 году возникают две епархии: чехо-моравская и подкарпатская. В своей социальной деятельности Церковь тогда во многом ориентировалась на традиции русского православия, поскольку в Чехословакии оказалось большое количество эмигрантов из России, которые принесли в эти западнославянские земли духовный опыт Русской Церкви. Так, центром восстановления православия была деревня Ладомирова в восточной Словакии. Архимандрит Виталий (Максименко) здесь в 1923 году основал монастырь и издательство, в Словакии появилось первое в мире периодическое православное издание для детей. В Ладомировой было основано и братство святого Владимира, задачей которого стала защита православной веры и обновление жизни Церкви. Большую роль в судьбе словацкой Церкви этого периода сыграл архимандрит Савва (Струве), ранее оказавшийся в эмиграции во Франции. Там он основал Сергиевское братство и занимался изданием «Сергиевских листков». Позже он перебрался в Словакию. Когда была установлена коммунистическая

власть, ему пришлось принять на себя подвиг юродства. Скончался он 13 марта (29 февраля по ст. ст.) 1948 года в городе Межелаборси близ Ладомирова и там же был погребен.

В 1945 году Православная Церковь в Словакии переходит под юрисдикцию Русской Православной Церкви, а в 1951 году получает автокефалию. В 1998 году Константинопольский патриархат признает её независимость. После возникновения в 1993 году независимых Чехии и Словакии Православная Церковь на основе совместных решений осталась в обоих государствах неразделённой и получила новое название Православная Церковь Чешских земель и Словакии.

Сегодня Православная Церковь в Словакии является пятой по численности среди прочих Церквей в Словацкой республике. И хотя количество православных верующих составляет около 50 тысяч человек, ее деятельность невозможно не заметить. Причем социальное служение Церкви часто выходит за границы современной Словакии, и верующие оказывают помощь соседним народам и странам. Так, в 1992 году в Чехословакии Православная Церковь инициировала сбор средств на помощь соседней братской Украине. Михаловская епархия в Словакии собирала для них продукты и одежду, на Закарпатье Украины были переданы и денежные пожертвования (4 979,09€). Помощь украинским верующим оказала и Прешовская епархия, где были собраны одежда, обувь, продукты и денежные пожертвования (21 576,05 €) [2. С.256].

В 1993 году Прешовская епархия Православной Церкви в Словакии откликнулась на прошение святого синода Сербской Православной Церкви о финансовой помощи на покупку оборудования для гражданской больницы в городе Сараево. Православные приходы в Словакии откликнулись на эту просьбу.

Православная Церковь в Словакии также помогла Сербии и в 1995 году во время гражданской войны.

Православные приходы Михаловской епархии собрали 1 865,80 €.

Во время бомбардировки Югославии православные в Словакии не остались в стороне, ими было собрано 1 659,70 €, которые были переданы посольству Югославии в Братиславе. Также помощь была оказана жителям Украины, которые переживали наводнение. Все эти сборы были переданы как гуманитарная помощь в Украинское консульство в городе Прешов¹. Православные приходы в Словинках, Попраде и Любици в 2014 году организовали сбор средств для пострадавших от наводнения на Балканах для Сербской Православной Церкви. Они сумели за очень короткий срок собрать сумму, которая составляла 3 700 €, а также одежду, продукты и предметы первой медицинской помощи. Также в 2014 году Православная Церковь в Словакии внесла свой вклад в сбор одежды и продуктов для пострадавших в результате украинской гражданской войны. Все собранные средства были отправлены в города Донбасса².

«Филантропия» как организация благотворительного и социального служения Православной Церкви в Словакии, собрала средства (5 178,25 €) для Греции, жители которой пострадали от пожаров. В начале 2005 года организация «Филантропия» участвовала в гуманитарном проекте помощи жителям Восточной Словакии, пострадавшим при наводнениях. Эта акция была разработана экуменическим советом Церкви, Православной Церкви в Словакии и Протестантской диаконией.

«Филантропия» была инициатором многочисленных благотворительных акций по сбору средств для нуждающихся, смертельно больных, которые оказались после пожара без дома.

С 2007 года она передала этим людям 1 659,70 €. Эти финансовые средства собрали благодаря различным гуманитарным акциям, спонсорской помощи и подоходным налогам.

В содействии с Старокатолической Церковью в 2007 году организация «Филантропия» оказала гуманитарную помощь в виде 50 продуктовых посылок и 56 пар зимней обуви для нуждающихся из восьми церковных приходов.

Сборы финансовых средств для стран третьего мира организовывал и доцент, доктор теологических наук, отец Стефан Шак. Финансовые сборы для Африки на протяжении десяти лет организовывала и верующая из прихода в городе Прешов Г. Тишкова. Все средства были отправлены братству миссии за границей в Фессалониках, откуда они посылались не только в Африку, но также и в Индонезию. Общая сумма, которая была собрана за это время, составляла 29 874,53 €. За свой труд Тишкова получила множество благодарственных грамот из братства миссии за границей, но также из разных мест куда была послана помощь.

Организация «Филантропия» православной епархии в городе Михалове была создана в 2002 году и зарегистрирована в соответствии с законом № 308/1991 Zb., в котором говорится о свободе религиозного вероисповедания. Её главной задачей стало оказание социальной, медицинской, психологической помощи всем без исключения, несмотря на национальность, вероисповедание и политические убеждения. В 2004 году должен был начаться масштабный проект помощи цыганскому населению Словакии, целью которого было повысить уровень гигиены цыганских детей, а также повысить их образовательный уровень дополнительными занятиями. Проект не был реализован из-за отсутствия подходящего помещения. В том же году была организована продажа одежды, которая была собрана на православных приходах Михало-Кошицкой епархии. Приобретенные финансовые средства были использованы для покупки подарков для детей из детдомов в деревне Коромля и Реметске Гамре на новый 2004 год. В последующие годы организация

«Филантропия» в Михаловцах, как и другие православные благотворительные организации, использовала для своих проектов финансовые средства, полученные от налоговой службы. Речь идет о том, что каждое физическое и юридическое лицо имеет право 2% из своих налогов отдавать на благотворительные организации.

В 2007 году организация «Филантропия» православной епархии включилась в реализацию проекта «Активизация безработных людей или безработные со слабой мотивацией». Было принято 13 работников, которые помогали пожилым людям в решении бытовых и административных вопросов, занимались их корреспонденцией и созданием электронных архивов. Тот же самый проект реализовала «Филантропия» и в 2008 году. Было принято 12 работников, которые кроме вышеперечисленных задач, помогали старшим людям в городе Михаловце покупками продуктов, лекарств, доставляли обеды и сопровождали при визите к врачам. Была реализована комплексная помощь для шестерых инвалидов в городе Стражске. Для детей и молодежи из детдомов и домов социальных услуг, также и для детей-инвалидов была оказана помощь в организации спортивных, образовательных и культурных мероприятий. Такой же проект был и в 2009 году.

С 2007 по 2010 год организация «Филантропия» Православной епархии проводила благотворительные балы с целью поддержать и показать обществу социальную деятельность Православной Церкви. С 2007 по 2009 год организация «Филантропия» организовывала летние детские лагеря «Без отличия». На это была получена дотация от властей города Михаловце и от спонсоров³.

В 2008 году начался проект с названием «Благотворительность», центр которого находился в усадьбе в городе Стражске. Был подписан арендный договор с усадьбой, и потом началась реконструкция помещения. Целью проекта стало создание места, где бы можно было предоставлять социальные, административные,

образовательные и экуменические услуги. Центр «Благотворительность» должен был обеспечить круглогодичное проживание нуждающимся. Помимо этого, он оказывал и социально-реабилитационные услуги, в нем было предусмотрено и создание дневного стационара.

В том же году начался и другой проект в содействии с продуктовым складом в Словакии. Его целью стало распределение продуктов бедным и нуждающимся семьям в Кошицкой области. Для реализации этого проекта нужно было образовать хранилище в городе Кошице.

В 2008 году была проведена благотворительная акция под названием «Операция рождественский ребенок» в содействии с американским христианским фондом Samaritans Purse Internacional. Рождественские подарки были отправлены прежде всего детям, которые живут в неблагоприятных условиях, часто это были цыгане, дети из неблагополучных семей, клиенты социальных учреждений, с которыми церковный приход сотрудничает. Результатом сотрудничества православных церковных приходов и социальных учреждений, которые есть на приходах, стало проведение различных благотворительных концертов.

Известный словацкий священник-богослов отец Милан Герка говорит что: «помощь не основывается только на служении по законодательным постановлениям, но и в личной деятельности, в искании подходящего решения и в личном присутствии социального работника, в его любви к ближнему. В сознании того, что он слуга Христа и Его Евангелия, в Его хотение пожертвовать себя для спасения страдающего человека» [6. С.260]

Помощь нуждающимся оказывает и православный церковный приход города Спишска Нова Вес в главе с духовным отцом Штефаном Пружинским, который на данный момент является деканом Православного богословского факультета. Покупкой недвижимого имущества и реконструкцией здания они смогли помочь многим

семьям, которые оказались в сложной жизненной ситуации. Семье Штефановой ПЦП Спишска Нова Вес предоставила на три года подходящее жильё, благодаря которому они смогли взять в усыновление двух девочек. За это время семья отремонтировала свой дом так, чтобы он соответствовал всем условиям для воспитания детей в усыновлении. Вторая социальная квартира была за очень небольшую цену предоставлена другой нуждающейся семье. Многодетная семья (7 детей) использовала социальную квартиру четыре года. Весь этот период церковный приход города Спишска Нова Вес предоставлял семье материальную поддержку питанием и одеждой. Сейчас духовник прихода в городе Спишска Нова Вес организывает обеды для бездомных людей. К социальной помощи активно привлекаются и верующие, которые собирают одежду, продукты для нуждающихся в течение всего года.

Духовник православного церковного прихода города Убля отец Иоанн Сичак, вместе со своей семьей заботился о бездомном Штефанови. Из собственных средств он кормил его и предоставлял ему жильё⁴. Православный церковный приход города Марковце активно занимается помощью цыганам. Духовник православного церковного прихода города Марковце отец Владимир Спишак создал музыкальную группу из цыган «Виенала», которая выступала в разных городах Словакии и Чехии.

Духовник православного церковного прихода города Стражске отец М. Джуган организовал благотворительные сборы для больницы в городе Михаловце, для нуждающихся людей, для детдома в городе Медзилаборце, для детей-инвалидов в городе Стражске и для Братства православной молодежи. Он также принимал участие в создании церковного клуба, библиотеки и помещения с компьютерами и интернетом, которые были официально открыты в 2003 году. С этого момента они стали доступными для всех жителей города Стражске и области. Стали

местом, где молодежь, дети, взрослые, цыгане встречаются на разных совместных религиозных, спортивных, культурных и образовательных мероприятиях. Деятельность учреждения была финансово поддержана Экуменическим советом Церкви в Словакии, программой Круглый стол и фондом Открытого общества. Церковь через благотворительную и социальную службу фокусируется на нуждающихся, на тех, кто беспомощен и болен, на бездомных и на тех, кто без работы, а также для людей с ограниченными возможностями.

Церковь помогает везде, где нужно. Она исполняет эту роль с её зарождения. По словам отца Милана Герка, отправной точкой Церкви в этой работе является: «...служение любви, который направлен на защиту здоровья, а также на помощь людям в страданиях. Выздоровление нарушенной человеческой природы — это исполнение замысла Бога в отношении человека». Необходимо исцелять не только тело, но и душу. «Ищите прежде Царства Божьего и Его справедливость ...» [6. С.172].

Литература

1. ŠAK, Š.: Filantropia a diakonia ako prirodzená súčasť života Cirkvi. In: Sociálna práca a jej kresťanské dimenzie. Prešov 2005.
2. Anonym. 2009. Zo života michalovskej eparchie. In: Odkaz sv. Cyrila a Metoda Roč. XXXVIII, č. 7.
3. Cap Alexander, 2007. Sociálna práca Pravoslávnej cirkvi na Slovensku v rokoch 2000-2005. In: Pravoslávny teologický zborník. Prešov. PU PBF. Roč. XXXII/17.
4. Džugan M. 2008. Bratstvo pravoslávnej mládeže na Slovensku – Syndesmos oslávilo svoje 18. narodeniny. In: Odkaz sv. Cyrila a Metoda. Roč. LI. n. 3
5. Filantropia Michalovsko-košickej eparchie. (online). 2015. (cit. 20.10.2021) Dostupné na internete: <http://www.filantropiamke.ortodox.sk/?p=499>
6. Gerka Milan, 2007. Sociálna služba v Cirkvi. Soľ zeme. Prešov. C. 260 ISBN 978-80-555-0285-4.

Примечания

¹ См. подробнее [3]

² См. подробнее [4]

³ См. подробнее [5]

⁴ См. подробнее [3]

Н. Г. Росс*

РУССКИЙ ПРАВОСЛАВНЫЙ ПРИХОД В НОРМАНДИИ Св.-Сергиевский храм в Коломбеле и его прихожане (1925–1960 гг.)

В статье описывается жизнь с 1925 по 1960 г. русского православного прихода в поселке Коломбель, вблизи от города Кан (Нормандия). Приход образовался при местном металлургическом заводе, около которого возникла крупная русская община. В своем большинстве она состояла из бывших участников Белого движения (среди них много казаков). Вскоре здесь зародилась активная общественная и культурная жизнь. Русские коломбельцы построили своими руками настоящий православный храм, посвященный Св. Сергию Радонежскому. При поддержке епархиального управления митрополита Евлогия (Георгиевского) и митрополита Владимира (Тихоницкого), коломбельский при-

---

* Автор родился в русской семье в Париже в 1945 г. Он окончил Парижский университет (Сорбонну), преподавал во французских средних учебных заведениях, в Страсбургском университете, в Институте Восточных языков (Париж). Н. Росс активно участвовал в педагогической и общественной жизни русской эмиграции, сотрудничал с русскими зарубежными издательствами и периодикой. В 1980–1990-е годы он был членом приходского совета парижского Св.-Александро-Невского собора. Н. Росс автор статей и ряда книг на французском и русском языке, главным образом посвященных убийству Царской семьи, Белому движению и церковно-общественной истории русской эмиграции. Очередная его книга по церковной истории, «Русская церковь в Париже. Александро-Невский кафедральный храм. 1918–1939 гг.», была издана в 2015 г. русской православной семинарией в Эпине-су-Сенар.

ход жил полноценной церковной жизнью, хотя и не всегда безмятежной. По мере своих сил и возможностей, иногда преодолевая противодействие некоторых малоцерковных прихожан, его настоятели достойно возглавляли духовную жизнь церковной общины. Возник прекрасный церковный хор, обустроилась церковь, была построена живописная колокольня... Коломбельский приход пережил военное лихолетье, но после войны прихожан стало меньше. Оставшиеся на месте состарились и передача церковных дел подрастающему поколению не удалась. Приход постепенно увядал и возродился, начиная с 1960-х годов, постепенно преобразовавшись во франкоязычную многонациональную православную общину.

Ключевые слова: православный приход, митрополит Евлогий, митрополит Владимир, Коломбель, Кан, белая эмиграция, французская провинция, русские рабочие.

Предисловие

С левого борта кораблей, подходящих к морскому порту нормандского города Кан, отчетливо видны над высоким берегом реки Орны очертания белого русского православного храма, возглавленного восьмиконечным крестом над голубым куполом. Храм возвышается в просторной церковной ограде с ухоженным цветником и соседствует с двумя церковными домами: над одним из них — живописная колокольня, во втором хранится богатая русская библиотека и устраиваются приходские собрания. Внутренне убранство храма еще усиливает чарующее впечатление о Коломбельской церкви. Здесь во всем посылно воплотилась память о духовной жизни, покинутой навсегда России.

Св.-Сергиевский коломбельский православный храм живет и поныне полноценной жизнью, но, начиная с 1960-х годов, по мере ускоряющихся кончин и отъездов его первых прихожан, он стал постепенно терять свою чисто русскую богослужебную специфику. В настоящее время Коломбельский приход полностью переродился в

многоэтничную и франкоязычную церковную общину, живущую более во французском настоящем, нежели в русском прошлом.

События злополучного 1917 года привели к обвалу общественно-культурных ценностей России и в значительной степени прервали историческую преемственность в стране. Но они отраженно породили и совершенно уникальное явление — образование осколка подлинной России за границей в лице русской белой эмиграции. Возродилось за рубежом и русское церковное общество, в течение нескольких десятилетий, а кое-где и поныне, сохранившие духовную связь с Градом Китежем, с канувшей в небытие тысячелетней России.

Начиная с середины 1920-х годов в церковном уделе митрополита Евлогия, утвержденным патриархом Тихоном во главе русских православных церквей в Западной Европе, возникли десятки храмов и церковных общин. Среди них Коломбельский приход, основанный в 1926 году, оказался одним из первых. За исключением парижского Св.-Алекса́ндро-Невского собора и нескольких других церквей, сооруженных в главных местах пребывания русских во Франции в XIX веке (Ницца, Канны, Ментона, Биарриц и По), у всех этих общин было много общего. Их объединяли скудость помещения и утвари, но также сильная, часто даже страстная, вовлеченность прихожан в дела того храма, который они сами воздвигли и сами содержат. В большинстве это были нестарые мужчины из образованного слоя, в прошлом участники Белого движения, ныне же простые рабочие на крупных французских промышленных предприятиях.

Начало церковной жизни во французской провинции (отчасти и в Парижском районе) было однородным. В стране, обескровленной Первой мировой войной, но переживавшей годы быстрого экономического роста, ощущалась большая потребность в рабочей силе. Среди чинов Русской армии генерала Врангеля, переведенных

из Галлиполи и острова Лемнос в Сербию и Болгарию, а также среди русских, эвакуированных на судах Русской эскадрой в Бизерту, росло стремление хоть немного улучшить условия своей материально тяжелой и бесперспективной жизни. Нуждающиеся в рабочей силе французские предприятия посредством своих агентов в Балканских странах при содействии русского воинского начальства заключали коллективные рабочие контракты на недолгий срок с группами армейских чинов (нередко — однополчан) и организовали их переезд во Францию. Многие русские, приехавшие в страну в индивидуальном порядке, по собственной инициативе также нанимались на французские заводы. В сентябре 1924 г. ген. Врангель основал Русский общевойсковой союз (РОВС) — продуманную и гибкую воинскую организацию, позволяющую сохранить боевой дух и полковую спайку даже в условиях распыления малыми общинами по Европе и по всему миру. Это облегчало в глазах белых воинов переселение в неведомые края.

Чтобы склонить будущих русских рабочих к подписанию или возобновлению контракта, работодатели нередко предоставляли им помощь в устройстве православного храма. В 1920–1930 гг. при содействии управления местных предприятий было таким образом основано во Франции около пятнадцати русских церквей, некоторые из которых сохранились до наших дней. Как правило, такие храмы устраивались в черте рабочего поселка в помещении барачного типа. Коломбельская церковь, построенная как настоящее храмовое здание, — наглядное исключение из этого правила.

В остальном Коломбельский приход мало отличался от большинства русских приходов в рабочих поселках. Его храм окормлял основное ядро прихожан, главным образом местных рабочих и их семьи. К ним порой присоединялись верующие из окрестных мест или приезжающие погостить к родным и знакомым из ближайших городов и из Парижа. В каждом из этих приходов организовалась

приходская школа и русская библиотека, собиралась местная группа РОВС и отделение Союза галлиполийцев. При церкви вели свою педагогическую работу юношеские организации (скауты, витязи или разведчики). Устраивались вечера и концерты, часто с участием прекрасного церковного хора. К храмовому празднику стремились приурочить проезд архиерея, его служение в церкви и беседы с прихожанами были большим для них праздником.

Судьба приходов, возникших в провинциальных рабочих поселках, была различной. В некоторых из них обстоятельства Второй мировой войны привели к добровольному или вынужденному отъезду паствы, и они захирели. Несколько храмов были сильно повреждены во время воздушных налетов и военных действий. Коломбельская церковь, очутившаяся в полосе высадки союзных войск в июне 1944 г., оказались среди наиболее пострадавших.

В большинстве случаев, поврежденные храмы были восстановлены, но, как правило, церковная жизнь возродилась после войны значительно оскудевшей. Оставшиеся на месте прихожане постепенно старели. После выхода на пенсию многие стремились выехать в места, сохранившие более активную русскую общественную жизнь, и они часто доживали свой век в старческих домах парижского района или Лазурного берега. Церковная жизнь во французской провинции сохранилась лишь там, где приход сумел расшириться, охватывая всех православных данной местности, впитал в себя православных нерусского происхождения и обращенных в православие французов. Таковой была судьба Коломбельского прихода.

Опубликовав в свое время книгу о Св.-Александровском соборе в Париже¹, мы задались на сей раз целью расширить картину церковной жизни русской эмиграции посильным описанием прошлого Коломбельского прихода, как одного из наиболее многолюдных и активных русских провинциальных «рабочих» приходов. Наша работа

была сильно облегчена участием и помощью, которыми мы с благодарностью воспользовались как в Париже, так и на месте, среди клира и прихожан Коломбельской церкви.

В Париже, по благословению Его Высокопреосвященства Гавриила Команского, архиепископа русских православных церквей в Западной Европе, мы смогли ознакомиться с архивными документами, хранящимися при Св.-Александро-Невском соборе и изучить все наличные материалы, относящиеся к истории Коломбельского прихода. Среди них особенно ценными оказались протоколы общих собраний прихожан и переписка настоятелей Св.-Сергиевского храма со священноначалием, в лице митрополитов Евлогия и Владимира, а также с Епархиальным управлением в лице его трех последовательных секретарей в 1920–1950-е гг.: Т.А. Аметистова, архим. Саввы (Шимкевича) и К.М. Князева. Изучение приходских метрических книг также многое принесло нашему труду.

На месте, в Коломбеле, нам была оказана ценнейшая помощь. С благословения и при участии настоятеля храма протоиерея Петра Аргуэ, при содействии церковного старосты Дмитрия Александровича Минеева, регента церковного хора Наталии Александровны Коротковой и ее супруга Ильи Александровича Короткова, мы получили доступ ко всем наличным документам из церковного архива, существенно расширившим круг использованных нами источников. Особенно мы благодарны старому коломбельцу, ныне покойному, — Николаю Николаевичу Гуковичу, любезно поделившегося с нами (на французском языке) воспоминаниями о жизни русской общины и прихода в Коломбеле. Немалый вклад в воскрешение прошлого «русского Коломбеля» внес летописец русской эмиграции во Франции Петр Евграфович Ковалевский. Он несколько раз приезжал в Коломбель, сопровождая митрополитов Евлогия и Владимира и, по своему обыкновению, завязал на месте многочисленные знакомства.

За исключением главы воспоминаний митрополита Евлогия, посвященной Коломбельскому приходу, его прошлое по сей день никем не освещалось в печати с достаточной подробностью². Наиболее ценным из нескольких трудов французских авторов, касающихся русской общины в Коломбеле, представляется опубликованная в 2014 г. магистерская диссертация Клода Руже (Claude Rouget), посвященная русским рабочим коломбельского завода и защищенная в университете Осло. Мы очень благодарны автору за ту разнообразную информацию, которую мы из нее почерпали и за наводку на некоторые ценные источники.

История Св.-Сергиевского прихода в Коломбеле была непростой, и он неоднократно переживал времена конфликтов и разделений. Когда все в порядке, не о чем и говорить, и архивные источники полнее отражали неладное, чем ладное в приходской жизни. Нам показалось целесообразным представить русский Коломбель в своей полноте, не умалчивая его отрицательные явления. Конфликты в коломбельской русской общине проистекали, в первую очередь, из-за горячей привязанности русских коломбельцев к своему храму, воздвигнутому и содержимому их общими трудами. В храме даже для тех, кто его посещал нечасто, воплощалась память о потерянной родине и воплощалось главное в их духовной жизни.

Каковой бы не была их страстность, конфликты, порой раздирающие Коломбельский приход, каждый раз заканчивались примирением враждующих сторон. В конечном итоге добро побеждало зло и в Св.-Сергиевский храм возвращались мир и покой. Этому очень способствовали мудрое руководство митрополитов Евлогия и Владимира, такт и отзывчивость епархиальных секретарей и, на месте в Коломбеле, неременное наличие самоотверженных и глубоко порядочных церковных деятелей.

Глава 1. Металлургическое общество Нормандии и его русские рабочие

Металлургическое общество Нормандии

В 1912 г. был основан на территории поселков Коломбель и Мондевиль (на севере от г. Кан) крупный металлургический завод. Он окончательно оформился в послевоенные годы под наименованием Металлургического общества Нормандии (*Société métallurgique de Normandie — SMN, СМН*). Завод работал в полном режиме до 1940 г., относительно легко пережив последствия мирового экономического кризиса начала 1930-х годов. Его служащие и рабочие, в том числе и русские, меньше чем во многих других французских предприятиях пострадали от безработицы.

В 1924–1939 гг. общее количество рабочих и служащих СМН колебалось между 3 000 и 5 000. Местное население неохотно нанималось на металлургический завод, где работа была очень тяжелой и зарплата относительно невысокой. Многие из французских рабочих были пришельцами из других, более бедных чем Нормандия, областей Франции, главным образом из соседней Бретани. Было много и рабочих-иностранцев. По данным Алена Лемореля³ они составляли в 1933 г. (максимальный процент за все время) 36,9 %, в 1939 г. — 20 %, в 1945–1947 гг. — также 20 %, а затем все меньше и меньше.

В 1923 г., среди иностранных рабочих, выходцев из России было 23,6 %, (из Польши — 18,7 %). И позже в 1920–1930 гг., вкуче с польскими гражданами (среди которых было немало неполяков), русские продолжали быть самыми многочисленными иностранными рабочими, составляя до 30 % иностранцев. В 1924 г. насчитывалось на заводе СМН 314 русских рабочих (188 из Польши), в 1928 г. — 437 (440 из Польши), в 1930 г. — 334 (544 из Польши).⁴ После расселений военного времени, русских

оказалось значительно меньше среди рабочих СМН, часть из них, к тому же, приняла французское гражданство, что затрудняет подсчеты. Судя по имеющимся данным, русских было в первые послевоенные годы вдвое меньше, чем в довоенные. Последние дожившие до пенсионного возраста русские рабочие СМН ушли на покой, а затем и в мир иной в 1960-е – 1970-е годы.

Подавляющее большинство иностранных рабочих СМН, в том числе и русских, проживало в поселках Коломбель, Мондевиль и Жибервиль, ближайших к заводу. В 1936 г. Коломбель насчитывал 3 455 жителей, Мондевиль — 4 878 и Жибервиль — 1 772, и русские составляли лишь небольшой процент их населения. В довоенные годы транспортные средства между их местом жительства и г. Кан были неудобны, и рабочие СМН нередко ощущали себя замкнутыми в большом многонациональном гетто, из которого не так уж просто было выбраться «на волю». Русские, как и прочие иностранцы, жили преимущественно в некоторых отдельных районах, но всегда вперемешку с другими жителями. Николай Николаевич Гукович, русский уроженец Коломбеля, вспоминал о своем доме в 1930-е годы на ул. дю Буа: в нем с квартирой его семьи соседствовали еще 4 семейные квартиры. В одной проживали также русские — казаки, в трех остальных: украинцы, поляки и бретонцы.

По мере расширения деятельности металлургического завода, постепенно развилось около него строительство служебных и жилых помещений. У главного входа завода были построены «Grands Bureaux» («Большая Контора») — центр управления предприятием, из которого исходили все наиболее важные для рабочих инструкции и решения. Вблизи от административного здания — особняки разной степени роскоши: директора, инженеров и мастеров. Дальше — поселки с квартирами для семейных рабочих, обычно трехкомнатные, с удобной кухней, но без ванной комнаты и внутреннего туалета. Каждой семье

предоставлялся к тому же участок земли под сад и огород. На периферии находились «лагеря» (cantonnements) — каменные постройки барачного типа для холостых рабочих. Они изначально населялись по четыре в одной комнате, каждая из них с отдельным выходом на улицу. Но вскоре в комнатах стали жить по двое или даже только по одному рабочему. Холостые рабочие из этих поселков также получали возможность обрабатывать предоставленные им огороды. Один из таких лагерей, прозванный по главным его обитателям «Русским лагерем», находился вблизи от того места, где в 1926 году была построена православная церковь.

К политике Metallургического общества Нормандии в социальной сфере вполне применимо понятие «патернализм». Хотя зарплата до 1960 годов оставалась невысокой, и потерять работу в дисциплинарном порядке было несложно, дирекция завода стремилась создать для рабочих достаточно привлекательные условия жизни. Такая политика способствовала сохранению социального мира на предприятии, но также уменьшала текучесть кадров и крепче привязывала набравшихся опыта рабочих к их месту жительства. «Патернализм» СМН воплощался в самых разных сферах жизни: экономической, социальной и культурной.

Русские рабочие СМН

По официальным данным, в департаменте Кальвадос в 1926 г. проживало всего 706 русских: 603 русских мужчин и 103 женщины. К 1931 г., при общем количестве 805 русских, проживало в департаменте 618 мужчин и 187 женщин (1/4). Русские, занятые в местной экономике, занимали четвертое место среди иностранцев, проживающих в департаменте, после итальянцев, бельгийцев и польских граждан, среди которых числилось немало западных украинцев, более тянувшихся к русским, нежели к полякам. В первые годы фактически никто из русских

не просил французского гражданства, и они оставались бесподданными, обладающими лишь второсортным, так называемым «нансеновским паспортом».

В 1926 г. в Кальвадосе работало 559 русских, из которых 421 было занято в металлургической промышленности. В 1931 г. работающих русских числилось 526, из которых 349 в металлургии. Помимо СМН, в департаменте Кальвадос существовал лишь еще один крупный металлургический завод: предприятие Cégédur в Див-сюр-Мер (Dives-sur-Mer), насчитывающее до 2 000 рабочих. В Диве также образовалась русская рабочая колония, но значительно менее многочисленная, чем в Коломбеле. Главным источником русской рабочей силы на заводе СМН были приехавшие в Нормандию по контракту бывшие участники Белого движения, проживающие в Тунисе, на Балканах и в восточной Европе. В сотрудничестве с белым командованием, Metallургическое общество Нормандии стало подписывать с группами бывших белых военных временные контракты на взаимно одобренных условиях. Благодаря исследованиям Клода Руже (Claude Rouget)⁵, данные об исходном месте жительства и количестве русских, подписавших коллективный контракт с СМН можно указать в виде таблицы:

Партии русских рабочих-контрактников

Июнь/май 1922	Бизерта	180
Апрель/май 1923	Марсель/Бизерта	150
Март 1924	Польша	60
Июнь 1924	Сербия	50
Август 1924	Польша	50
Май 1926	Сербия	40
Июль 1926	Болгария/Греция	60
Ноябрь 1928	Болгария	60
Ноябрь/дек. 1928	Венгрия	40

Общее число рабочих на таблице — 690, но Руже считает, что они составляют лишь часть русских рабочих, принятых по коллективному контракту. Если учесть все случаи, когда в тот же день поступало на завод 4 русских или более, их количество равняется 1 200, а общее количество русских рабочих, принятых по контракту, превышает 2 000. Последние русские, подписавшие контракт при поступлении на завод, обозначены в документах в июле 1929 г. Позже русские нанимались на службу только в индивидуальном порядке и без особого контракта.

Можно считать, что в течение 1920–1930-х гг. около 3 000 русских побывали рабочими на заводе СМН, но в первое десятилетие многие из них оставались на месте недолго. За период с 1922 по 1930 г. среди рабочих контрактников холостяки провели в среднем 1 год на заводе, семейные — 3,5 года. Среди рабочих, поступивших в эти годы на завод без контракта в индивидуальном порядке, холостяки в среднем провели на заводе 4,2 месяца, семейные — 15 месяцев.

С начала 1930-х годов мировой экономический кризис в значительной мере коснулся и Франции. Приезды русских из-за границы в поисках более выгодной работы в этой стране сильно сократились и почти прервались поступления русских на завод СМН. В тридцатые годы количество русских на предприятии осталось почти стабильным (ок. 300 рабочих) и увольнений по экономическим причинам среди них было немного. Клод Руже изучил карточки 270 русских рабочих, занятых на предприятии в 1940 г. На них, среди прочего, была указана их оценка непосредственным начальством. На 86 карточках значилось: «необходимый, непременно сохранить»; на 21 карточке — «прекрасный рабочий»; на 42 — «очень хороший рабочий»; на 31 — «хороший рабочий». Только у 58 русских рабочих (ок. 20 %), оценка была «удовлетворительный», «посредственный», «очень посредственный» или вовсе отсутствовала.

Лишь некоторым одиноким русским удавалось найти супругу на месте. За период 1920–1940 гг. Клод Руже насчитал 106 браков русских эмигрантов в местных мэриях. В Коломбеле зарегистрировано 42 брака, в Кане — 35, в Мондевиле — 16 и Жибервиле — 13. В ниже приведенной таблице указано гражданство женщин, вступивших в брак.

Жены русских рабочих

	1920-1924	1925-1929	1930-1934	1935-1939	Общее число
Француженки	8	15	14	12	49
Русские	—	1	7	4	12
Славянки	—	6	11	18	35
Другие	1	—	3	8	10

Учитывая жен русских эмигрантов, приехавших уже замужними в Нормандию, общее число замужних женщин определяется около 200. Примерно 1/3 из них были русскими, 1/3 — славянками и 1/3 — француженками.

В первые времена детей у русских в Кальвадосе рождалось мало, но с конца 1920-х годов наблюдается значительное увеличение количества рождений. В одном Коломбеле с 1928 по 1939 г. Руже насчитал 70 рождений детей в семьях с русскими отцами. В среднем у чисто русских семей (55) было 1,62 ребенка, у смешанных — 1,71.

Некоторые русские, не очень многие, становились французскими гражданами. До 1927 г. подать прошение можно было только после 10-летнего проживания в стране, с этого года трехлетнее пребывание во Франции стало достаточным. Тем не менее в 1936 г. в деп. Кальвадос насчитывалось лишь 80 натурализованных выходцев из Российской Империи всех национальностей. Начиная с 1931 г. от 3 до 5 русских семей в год подавали прошение о предоставлении французского гражданства, но Клод Руже не нашел ни одного одинокого русского, пожелавшего стать французом.

В метрических книгах Св.-Сергиевского коломельского храма велась запись всех православных, погребенных русским духовенством. Не все они были русскими и не все были рабочими СМН или членами их семей, но подавляющее большинство состояло из представителей местной русской эмигрантской общины.

Похороны 1926–1954 гг.

1926: 3 3 м	1927 Нет данных	1928: 12 7 м - 2 ж - 3 д	1929: 8 5 м - 1 ж - 2 д	1930: 8 4 м - 1 ж - 4 д
1931: 14 9 м - 1 ж - 4 д	1932 : 10 5 м - 3 ж - 2 д	1933: 8 7 м - 1 д	1934: 11 9 м - 2 д	1935: 14 10 м - 1 ж - 3 д
1936: 11 7 м - 2 ж - 2 д	1937: 8 5 м - 2 ж - 1 д	1938: 8 6 м - 1 ж - 1 д	1939: 14 8 м - 4 ж - 2 д	1940: 13 11 м - 1 ж - 1 д
1941: 11 7 м - 1 ж - 1 д	1942: 11 9 м - 1 ж - 1 д	1943: 8 3 м - 3 ж - 2 д	1944: 10 6 м - 2 ж - 2 д	1945: 3 3 м
1946: 7 5 м - 1 ж - 1 д	1947: 9 8 м - 1 д	1948 Нет данных	1949: 9 9 м	1950: 11 9 м - 2 ж
1951: 11 8 м - 3 ж	1952: 11 9 м - 2 ж	1953: 6 5 м - 1 ж	1954: 6 4 м - 2 ж	

м: мужчины, ж: женщины, д: дети до 17 лет

*Причина смерти православных мужчин в 1928–1954 гг.
(Всего 181 умерших мужчин, отсутствуют 1927 и 1948 гг.)*

1. Туберкулез: 50.
  2. Сердечно-сосудистые заболевания: 37.
  3. Рак: 22.
  4. Несчастные случаи: 24 (8 — вследствие военных действий в 1940-е годы).
  5. Ранение на заводе: 14.
  6. Заболевания легких: 11.
  7. Желудочно-кишечные заболевания: 4.
  8. Самоубийства: 3.
- Неизвестные или прочие причины смерти: 27.

Средний возраст умерших православных мужчин

1928 37 лет	1933 39 лет	1938 46 лет	1943 51 год	1949 58 лет	1953 58 лет
----------------	----------------	----------------	----------------	----------------	----------------

Средняя продолжительность жизни мужчин во Франции

1928 53 года	1933 55 лет	1938 57 лет	1943 60 лет	1949 62 года	1953 65 лет
-----------------	----------------	----------------	----------------	-----------------	----------------

Белые воины, казаки, украинцы

Как и во многих других местах русского рассеяния во Франции, большую часть русских беженцев в Нормандии составляли бывшие участники Белого движения. Среди них было много казаков. Некоторым из беженцев, немногим, удалось выехать со своими семьями. Многие были выходцами из среднего сословия Российской империи, прошедшими Мировую и Гражданскую войну (самые молодые — только Гражданскую). Большинство из них были офицерами в нижних чинах: от подпоручика до капитана. На заводе Коломель работал лишь один генерал (А.А. Куявский⁶), и в архивных документах прослеживается только несколько полковников.

Уроженец Коломбеля Н.Н. Гукович вспоминал, что когда ген. Куявский проходил вдоль железнодорожного пути из своего дома на завод (где он работал кладовщиком), русские рабочие, занятые на пути, опускали рельсу на землю и принимали стойку смиренно, не обращая внимания на своих товарищей — французских рабочих, которым также невольно приходилось отдавать честь русскому генералу.

Судя по метрическим записям, русских дворян в Коломбеле было немало, но представители родовитого дворянства, и тем более аристократии, были редки. Нам довелось обнаружить лишь одних титулованных дворян — барона Владимира Густавовича Кеппена и его супругу⁷, прихожан храма в 1920-ые годы. К тому же не было выявлено никаких русских знаменитостей, постоянно проживающих в г. Кан или в его окрестностях. Зато известно, что таковые встречались среди русских, приезжающих провести летний отдых в морских курортах нормандского побережья, (например Марина Цветаева

в недалекий Див-сюр-Мер), и что им тогда приводилось посещать коломбельский храм.

Одной из особенностей коломбельской русской колонии был очень большой процент казаков в ее рядах. Статистических данных на этот счет не имеется, но, опираясь на воспоминания местных русских (подтвержденных данными из метрических книг), можно считать, что они составляли не менее половины русского населения. Большинство казаков воевало в белых войсках на юге России, прошло через Крымскую эвакуацию, побывало на о. Лемнос или в Галлиполи, а затем было переведено в Болгарию или в Сербию. Самыми многочисленными и общественно активными были донцы, но встречалось немало кубанцев, были терцы⁸ и даже несколько уральских казаков. Казаки организовались в Общеказачью станицу имени атамана Каледина. Станицей управлял выборный станичный атаман, у нее была своя отдельная библиотека и даже с 1934 г., в течение нескольких лет — своя собственная русская школа.

Среди рабочих СМН было немало украинцев (была также украинская группа в Див-сюр-Мер). Часть из них эвакуировалась в ноябре 1920 г. с войсками ген. Врангеля, но некоторые, в том числе участники борьбы украинских самостийных войск, попали в Нормандию из Польши. К тому же среди лиц, официально зарегистрированных как польские граждане, было также немало украинцев, главным образом галичан, в большинстве католиков-униатов. За неимением своего священника до послевоенного времени, многие из униатов (особенно униатки — жены русских рабочих) посещали русский православный храм.

В довоенные годы большинство украинцев мирно сожительствовало с русскими. Они наравне с ними участвовали в местной общественной и церковной жизни, придавая ей порой свой особый колорит. Но уже с 1920-х годов в рядах украинцев встречались националисты, стремившиеся жить отдельно от русских. Положе-

ние обострилось после Второй мировой войны. В конце 1947 г. появился в Коломбеле священник галичанин, и вокруг него образовалась униатская община человек в 50, отчасти состоявшая из вернувшихся в унию некогда перешедших в православие верующих. С 1951 года стал регулярно приезжать в Коломбель священник Украинской автокефальной православной церкви. Под давлением заводских властей русскому настоятелю пришлось время от времени уступать ему храм для устройства богослужений.

Работа на заводе и места жительства русских

К концу 1920-х годов зарплата разнорабочих достигала 18–19 франков в день, обеспечивая им терпимую, но скудную жизнь⁹. Работа на заводе была тяжелой и изматывающей. Случались и смертельные случаи: в довоенный период таким образом погибло 9 русских. Ранения разной степени опасности были обычным явлением, и настоятелю православного храма часто приходилось посещать пострадавших русских рабочих в городской больнице г. Кан.

Об условиях труда на заводе свидетельствует летописец русской эмиграции П.Е. Ковалевский¹⁰, в сентябре 1935 г. гостивший у о. диакона Евгения Попова:

Работа на заводе — тяжелая, но заказов много и безработицы нет. Дьякон недавно едва не погиб, и был спасен совершенно чудесно. Из печи выходила болванка стали, которую надо на ходу перевернуть щипцами (болванка раскалена добела и весит 1 ½ пуда). Он взялся не вовремя, и она начала уходить в валы и потащила его за собой. К счастью, он перелетел через раскаленную сталь и упал у печи, а то бы сгорел в одно мгновение.

В случае смерти семейного рабочего (или невозможности далее занимать рабочее место), его жена сохраняла свое жилье и ей предоставлялась работа на заводе. Если она обладала нужными знаниями (в первую очередь французского языка), это могло быть место в заводской конторе, если же нет, ей предлагали работу по уборке помещений или по изготовлению мешков для угля. Сле-

дует отметить, что при острой нехватке русских женщин, большинство вдов по истечении траурного года без труда находило себе нового мужа и прекращало работу.

В ноябре 2010 г. Н.Н. Гукович рассказывал автору настоящих строк¹¹:

Все русские были наняты СМН в качестве рабочих. Один или два русских были инженерами, но они окончили образование во Франции. Было несколько техников, которым была оказана некоторая протекция потому, что их жена была французенкой. Я думаю в частности о Бахалове¹². Его жена была учительницей. Это был серьезный человек, который не работал прокатчиком, а техником в лаборатории, производил анализы. Но таких было очень мало. Почти все другие, в том числе бывшие инженеры, морские офицеры или механики были чернорабочими. Очень немногие успели стать мастерами. Чтобы стать мастером на СМН, надо было иметь рабочий стаж в 30 лет, а 70 % русских рабочих умирало до достижения пенсионного возраста.

Я видел, как [П.М.] Соловьев переворачивал болванки весом в 900 кг. в 1956 г. Он родился в 98 году, ему было 58 лет. Он работал, обутый в сабо, на блуминге. Болванка подкатывалась, накалившая до бела. Работа длилась 20 минут. Затем он отдыхал 20 минут. Рабочие пользовались железными штангами, болванки подкатывалась на роликовом конвейере, и они должны были их переворачивать. Или возьмите волоочильный стан. Надо было подождать появления маленькой болванки, накаленной до бела, затем поймать ее щипцами, перевернуть на 360° и втолкнуть в новую фильеру. Это была очень тяжелая работа, с большой текучестью рабочих.

Обычно, в 80 % случаев, сыновья продолжали работать на СМН. Окончив начальное образование, они поступали в школу СМН, из которой выходили с дипломом о профессиональной подготовке. Очень быстро эти дети белых русских, поступившие рабочими на завод, получали повышение, становились мастерами, бригадирами, чертежниками. Все они говорили по-французски. Около сотни сыновей работало на заводе в годы, когда многие из их отцов были еще не старыми и продолжали на нем работать.

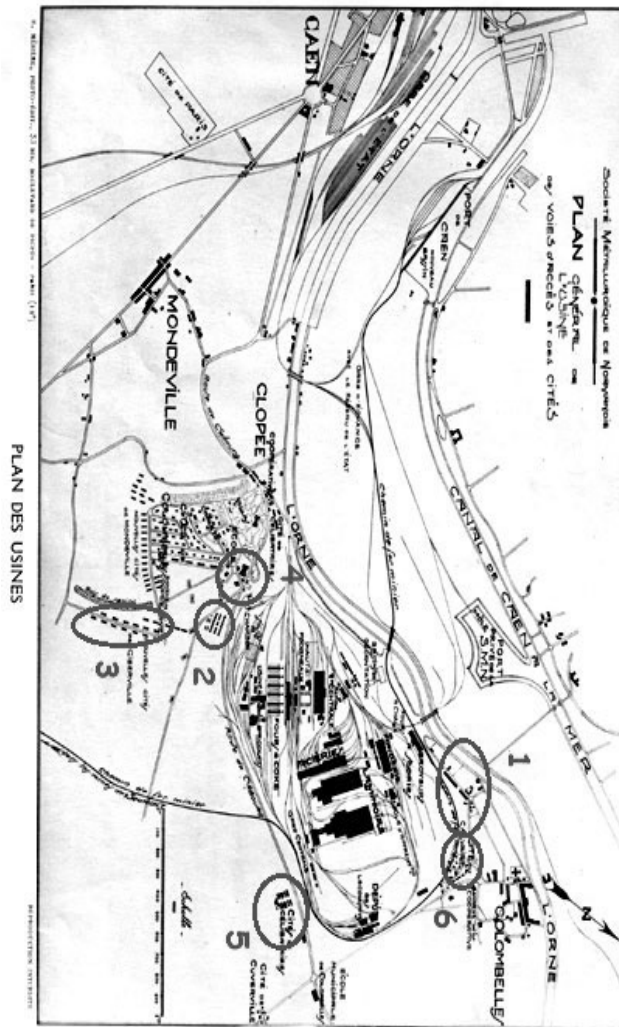
Основываясь на изучении архивных данных, опубликованных Клодом Руже, можно достаточно подробно определить место жительства русских рабочих завода СМН в довоенные годы. Составленная им таблица воспроизводится здесь в упрощенном виде:

Место жительства русских рабочих

	1926	1931	1936
Сите дю Кальвер (Поселок Распятия)	175 жителей 0 русских	149 жителей 3 русских	159 жителей 5 русских
Сите де Павийон (Поселок отдельных домиков)	290 жителей 0 русских	291 житель 54 русских	315 жителей 60 русских
Сите де селибатер (Поселок холостяков)	323 жителя 64 русских	314 жителей 33 русских	118 жителей 49 русских
Кантонман рюс (Русский лагерь)	197 жителей 195 русских	158 жителей 101 русских	102 жителя 43 русских

Русские рабочие жили и в некоторых других местах в окрестностях завода, в частности (как Н.Н. Гукович) на рю дю Буа в Жибервиле. Можно себе представить расположение названных мест по приведенной ниже карте (середины 1930-х годов), опубликованной Клодом Руже.

В Сите дю Кальвер в Коломбеле, недалеко от православного храма, жили русские инженеры и русский священник. В Сите де Павийон, а также поблизости на рю дю Буа, жили семейные рабочие. В отдалении от них находился Кантонман рюс (также называемый Ферма Белланже). В 1926 г. русская церковь была возведена вблизи этого «русского лагеря», в то время главного скопления русских, работающих на заводе. Позже, по мере потери удельного веса населения «Русского лагеря», церковь оказалась на значительном расстоянии от главных поселений ее прихожан. Со временем Кантонман рюс был отчасти превращен в поселок для семейных рабочих. Там, например, жил с многодетной семьей диакон русской церкви о. Евгений Попов.

1. Кантонман рюс (и русская церковь). 2. Сите де Павийон. 3. Рю дю Буа.
4. «Гран Бюро». 5. Сите де селибатер. 6. Сите дю Кальвер.

Не все местные русские примирялись с жизнью в заводских бараках или в домах рабочих поселков. Некоторые поселялись самостоятельно в окружающих местах или в городе Кан, откуда приезжали в Коломбель на велосипеде или трамвае.

Быт и культурная жизнь

Николай Николаевич Гукович вспоминал годы своего детства в Коломбеле. Его двухэтажная квартира в доме для семейных была просторнее, чем многие другие в рабочих поселках.

В нашем доме не было ванной комнаты. У входа направо была маленькая кладовка, где хранили часть одежды, картошку, овощи и куда нас приводил мой отчим, когда мы были непослушны, перед поркой нам надо было там стянуть короткие штаны. У нас была большая комната, которая служила гостиной и обогревалась печкой, уголь для нее мы получали от завода, по определенной квоте. Вода и электричество были бесплатны. Комната была устроена на русский вкус, обвешана портретами, были часы с вестминстерским боем. Затем была лестница с поворотом: место, где нас ставили в угол, было полно дыр, потому что мы отцарапывали гипсовую штукатурку. На втором этаже было три комнаты: одна для трех мальчиков — Николая, Георгия и меня, вторая для Веры, Наташи и Ирины, в глубине — комната родителей. Количество комнат зависело от количества детей.

В саду, конечно, были огурцы и укроп, которого сажать не надо было: он рос с года на год от собственных семян. У нас там был сарай, в котором хранились разные вещи. Были курятник и кролики. В огороде — навозная яма, куда мы ходили выливать горшки, ведра и пр. Помимо огурцов, росли помидоры, капуста, бураки (мы так их называли, не знали слова, как это уже, свекла). Было время огурцов и время капусты, их хранили в бочках. Капусту терли и в нее добавляли большие желтые яблоки. Изготавливали маринованные вишни и маринованные грибы. В те годы в лесах было полно грибов, рыжиков и других. Наш сосед Таменцев¹³ построил печь для куличей. На Пасху там пекли, по очереди, куличи для всего поселка.

На каникулы мы не уезжали, даже после 1936 года¹⁴. Работали на огороде. Бывали на море, там были семейные пляжи, у русских были излюбленные места. Ходили мы пешком вдоль правого побережья Орны, в Саленель, напротив Уистреама, на расстоянии 12 километров. Позже особый автобус привозил нас в Кан, на площадь Куртон. Оттуда узкоколейка нас довозила вдоль канала Орны до пляжа Рива-Белла.

Утром в воскресенье мы ходили в церковь, а после обеда занимались огородом. Ходили и в гости. Это был праздничный день, многие ходили в церковь. Они там встречались с Россией и могли общаться с людьми, которых не видели в течение недели или не могли повидать на работе.

Среди русских рабочих СМН особенно тяжело жилось холостякам. У них была возможность проводить свой досуг в одном из местных русских кафе-ресторанов. Н.Н. Гукович вспоминает: «Там много пили. В своем кругу до бесконечности повторяли под водочку и под огурчик те же рассказы и иногда ссорились: один воевал у Ренненкампа, другой — у Самсонова. И надо было выдерживать трехсменную работу. Без семьи, без детей у них не было мотивации к продолжению жизни. И умирали они раньше семейных».

Журналист Николай Рошин¹⁵ описал свою поездку в Коломбель в газете «Возрождение» от 30 августа 1932 г.: «Коломбель, французская земля, русская страда. Тяжкий труд, адский пламень, блеск жидкой стали, огонь в лицо, в глаза, стальная пыль в легкие... А по вечерам — вот этот трактир, да еще один, напротив, «Ермак», русский борщ, и водка, и разговоры, и крики до драк...».

Как и во всех иных местах эмигрантского рассеяния во Франции, правонарушения с участием русских были немногочисленны. За период 1923–1939 гг. местная газета «L'Ouest-Éclair» упоминает около 40 правонарушений, вовлекших русских эмигрантов: в среднем 2,5 за год, причем в первые годы таких случаев было значительно больше, чем в последующие. Среди описанных событий

нет ни одного убийства. Чаще всего названы кражи (15), затем драки (10), случаи бродяжничества (4) и пьяного дебоша (3). Помимо этих «криминальных» происшествий, в газете указано на 4 самоубийства или попытки самоубийства.

По мере своих сил и возможностей, русская колония в г. Кан и окрестностях организовывала культурные мероприятия или участвовала в тех, которые имели место по иной инициативе в городе Кан или в Коломбеле. Прекрасный церковный хор под управлением Г.М. Бахалова, например, давал также светские концерты. Активно посещались местными русскими выступления в Кане или на месте других хоров, а также гастрольные выступления парижской Русской оперы. По инициативе русской колонии в кинозале, расположенном при «Гран Бюро», устраивался просмотр фильмов, представляющих русских и Россию. На ежегодных детских елках была и художественная часть. В Коломбеле также организовались выступления приезжих докладчиков на различные темы. Отметим, к примеру, лишь несколько культурных мероприятий, отраженных в газетах «L'Ouest-Éclair» и «Возрождение» в 1927–1939 гг.

15 июня 1927 г. в газете «Возрождение» была опубликована статья о «Дне русской культуры», ежегодно отмечавшемся в разных местах русского рассеяния день рождения А.С. Пушкина:

В воскресенье русская колония в Коломбеле праздновала «День русской культуры». Русское общественное собрание организовало драматически-музыкальный вечер. Было поставлено несколько отрывков из произведений русских классиков. Затем хор, спевший несколько вещей русских композиторов, вызвал очень долгие аплодисменты. Оркестр, к сожалению еще малочисленный, тем не менее показал большую технику, сыгранность и музыкальность исполнения. В зале царил непринужденное интимное настроение, передавшееся и гостям-французам.[...]

Организатор вечера — Русское общественное собрание — во главе с Н.В. Зеленским, может поздравить себя с

успешным разрешением большой и общественно-ценной задачи.

В субботу, 18 июля 1930 г., выступал в Коломбеле знаменитый квартет Кедровых¹⁶. На следующий день, в воскресенье, он чередовался с местным хором в русской церкви во время литургии.

8 августа 1931 г. в Коломбеле, в зале «Жан-Жорес» состоялся музыкально-танцевальный вечер, организованный местным отделением Галлиполийцев, с отчислением сбора с лотереи-удочки в пользу Союза русских военных инвалидов. Программа вечера: водевиль в 1 действии «Голод не тетка». Пение: арии из опер, романсы и разнохарактерный дивертисмент. Начало вечера в 20 час. 30 м. Танцы до 2 час. ночи.

28 октября 1933 г. состоялся в Кане концерт хора парижского кафедрального собора под управлением Н.П. Афонского¹⁷. На следующий день хор Афонского пел в Коломбеле.

В «Возрождении» от 7 сентября 1934 г. было объявлено:

В воскресенье, 9 сентября, в помещении «Гран Бюро» (зал синема), состоится вечер русского творчества при участии Ю.А. Кутыриной, церковного хора под управлением Г.М. Бахалова и струнного оркестра под управлением А.Н. Кириллова. Весь чистый сбор поступит на постройку колокольни при церкви.

В «L'Ouest-Éclair» от 27 марта 1934 г. указывается, что в воскресенье 25 марта 1934 г. в Кане «труппа парижской Русской оперы в полном составе, которую мы уже имели возможность оценить во время этого сезона», даст представление оперы «Князь Игорь».

В ноябре 1935 г. и в феврале 1937 г. местное отделение Национального союза нового поколения (НСНП) устраивало вечера с артистической программой в пользу Союза русских военных инвалидов, которым особенно тяжело тогда жилось во Франции.

Русская опера вновь приезжала на гастроли в Кан в феврале 1938 г. В воскресенье 6 февраля днем было представление «Бориса Годунова», а вечером — «Князя Игоря».

7 марта 1939 г. квартет Кедровых вернулся в Кан и участвовал в представлении в зале «Гильбер».

Коломбельская русская библиотека в 1925 г. уже насчитывала ок. 500 книг и взносы ее читателей достигли 2 180 фр. (Существовала также библиотека при Казачьей станицы им. атамана Каледина.) В настоящее время в ней числится около 2 000 книг, но читателей почти не осталось...

Как можно было и ожидать, в библиотеке богато представлена русская классика. Много в ней книг и авторов Серебряного века (напр. 6 книг Андрея Белого). Широко представлены авторы эмиграции: на первом месте романы ген. П.Н. Краснова, некоторые из которых зачитаны до почти полного уничтожения. Советская литература также в наличии: больше всего книг Максима Горького и Алексея Толстого. Поэтов, дореволюционных и эмигрантских, в библиотеке относительно немного (например три сборника Бальмонта и Блока, два — Ахматовой и Георгия Иванова, один — Есенина, ни одного — Цветаевой).

В русском переводе читали в Коломбеле некоторых известных иностранных писателей, в первую очередь французских (Жюль Верн, Дюма, Виктор Гюго, Мопассан). Есть в библиотеке книги и не художественные, но относительно немного. Исторических трудов, книг на военные темы и воспоминаний о Белом движении меньше, чем можно было бы ожидать. Среди русских военных авторов первое место занимает ген. Н.Н. Головин (6 книг). Встречаются книги религиозной направленности. Есть и мыслители, среди эмигрантских на первом месте Бердяев (5 книг). Библиотека выписывала также журналы «Часовой» и «Современные записки».

Следует учесть, что русские, особенно семейные, редко жили совсем без книг дома. Помимо Евангелия и

Молитвослова, которые были у большинства из них, часто стояли на домашних полках русские классики — прозаики и поэты (в первую очередь, конечно, Пушкин, который в библиотеке представлен лишь одним собранием сочинений).

Союзы и организации

Деятельность казачьих организаций была очень активной в Коломбеле. О ней оповещала читателей газета «Возрождение». Она, к примеру, сообщила о том, что 14 мая 1933 г. «в 15 час., общественная станица имени атамана Каледина в Коломбеле устраивает лекцию ген. секретаря казачьего союза проф. А.П. Маркова, на тему: „Сегодня в России и в казачьих краях“. После лекции собеседование». 7 сентября 1934 г.: «Занятия в станичной четверговой школе им. атамана Каледина, возобновились под руководством старого опытного педагога Г.П. Дощечникова¹⁸, в помещении французской школы. Перед началом учебных занятий будет отслужен молебен в церкви 23 сентября. Предварительная запись учеников на новый учебный год производится у атамана станицы С.П. Супруна¹⁹ и у секретаря родительского комитета В.И. Александрова²⁰». «19 сентября [1937 г.] в 15 ч., в помещении при ресторане г. Мальчикова, состоится открытое казачье собрание, организуемое местными общеказачьими станицами, на которое приглашаются казаки всех казачьих войск. С докладами выступят приезжающие из Парижа: секр. Донского атамана, Г.Н. Колесов, на тему: «Зарубежное казачество» и ген. З.С. Алпатов: «Союз казачьих войск». «Общее собрание станиц, а равно и казаков, не состоящих в организациях — 27 марта [1938 г.] в 15 час., в ресторане „Ермак“, для обсуждения вопроса по выборам Донского атамана за границей».

В Коломбеле и в ближайших поселках было много членов Русского общевойскового союза и Союза галлиполицийцев во Франции (отдела Общества галлиполицийцев).

Они играли существенную роль в общественной, а также и в церковной жизни. Общество галлиполицийцев было создано в ноябре 1921 г. в Галлиполи группой офицеров, с согласия ген. Кутепова и под его председательством. Оно организовало в местах российского рассеяния культурные и развлекательные события, обеспечивало связь и взаимную поддержку своих членов, поставляло бойцов для подпольной борьбы ген. Кутепова и его преемников в России. Союз Галлиполицийцев во Франции, под председательством ген. М.И. Репьева, насчитывал 21 отделение в стране. Коломбельское отделение возглавлял капитан Кирьянов²¹, затем шт.-капитан Яструбецкий²².

Русский общевойскового союза (РОВС) был основан и возглавлен 1 сентября 1924 г. ген. Врангелем с целью объединения всех русских воинских и военно-морских чинов, оказавшихся за рубежом. После смерти ген. Врангеля в апреле 1928 г., РОВС был возглавлен ген. Кутеповым, с января 1930 г. — ген. Миллером, после похищения последнего в сентябре 1937 г. — ген. Архангельским. В РОВС-е состояли не отдельные лица, а воинские организации: Союз галлиполицийцев, полковые, морские и казачьи объединения и другие. В конце 1920-х годов в РОВС-е числилось около 60 000 человек (во Франции — 20 000), и он был в то время очень активной и самой крупной организацией русской эмиграции.

Русский общевойскового союза в какой-то мере участвовал в создании Коломбельского прихода. 16 сентября 1925 г. начальник 1-го отдела РОВС ген. Шатилов²³ обратился к митрополиту Евлогию с письмом, где он писал: «При недавнем посещении мной группы русских воинских чинов, работающих на металлургическом заводе в сел. Коломбель, близ гор. Кан (деп. Кальвадос), мне было сделано от лица группы заявление о желательности учреждения в сел. Коломбель постоянного прихода.» Ген. Шатилов указывал, что настоятелю прихода будет предоставлено заводской администрацией жилье и что она также

позаботиться о помещении для церкви. Прихожане же возьмут на себя обеспечение настоятеля «ежемесячным вознаграждением».

Первые годы прихода оказались беспокойными: возник конфликт между настоятелем и большинством прихожан. 17 мая 1927 г. капитан Кирьянов, председатель отделения Союза галлиполийцев, обратился к митр. Евлогию с письмом, в котором он писал:

Отделение Союза Галлиполийцев в Коломбеле в собрание своем от 8 мая с.г., выслушав заявления многих членов союза о прискорбном состоянии местного церковного прихода, постановило обратиться к Вашему Высокопреосвященству и молить Вас ускорить разрешение создавшегося печального положения в нашем приходе. /.../ У каждого из нас является желание, как можно скорее видеть конец этих прискорбных явлений.

Митрополит Евлогий велел ответить капитану Кирьянову, что он принимает необходимые меры для исправления положения.

Иногда воинским союзам приходилось брать на себя функцию представителя русских эмигрантов перед французскими властями и общественностью, как например после убийства 6 мая 1932 г. в Париже президента Французской Республики Поля Думера кубанским казаком Павлом Горгуловым. 14 мая 1932 г. газета «L'Ouest-Éclair» опубликовала письмо вдове президента от местной русской колонии, подписанное настоятелем храма о. Михаилом Соколовым, председателем местного отделения РОВС генералом Куявским и атаманом казачьей станицы полковником Кузнецовым:²⁴

Ужасное преступление, которое Вас только что коснулось, а также коснулось всей Франции таким трагическим образом, потрясло до глубины души всех русских эмигрантов, членов русской колонии в Коломбеле. Мы считаем необходимым изъяснить Вам нашу глубокую симпатию и заверить Вас, что несчастье Франции — и наше несчастье. Наша боль тем более сильна, что покойный президент был верным другом России.

В русской церкви часто служили молебны и панихиды, заказанные местными воинскими объединениями. Некоторые из этих богослужений имели широкое общественное значение. В номере «Возрождения» от 19 ноября 1938 г., например объявлялось, что «по инициативе группы РОВС и галлиполийского отделения в Коломбеле, 21 ноября, после литургии, будет отслужен молебен о спасении родины с установленными поминовениями».

Бывшие русские военные, как и прочие участники Первой мировой войны, приглашались на различные официальные торжественные церемонии, и регулярно 11 ноября, в день окончания Мировой войны, на поминовения ее жертв. 11 ноября 1934 г. траурное торжество приняло особый характер: недавно (9 октября) был убит в Марселе Александр I, король Югославии — страны, образовавшейся по почину Сербского королевства, верного союзника Франции и России в военные годы. Перед выстроенными рядами настоятель православной церкви о. Михаил Соколов отслужил панихиду, описанную в номере от 12 ноября газеты «L'Ouest-Éclair»:

У памятника [погибшим военным], перед столом, покрытым черной материей, прозвучали литургические молитвы, произнесенные русским попом из Коломбеля, к которому присоединился русский хор этого поселка. И одним из наиболее волнующих моментов этой церемонии был тот, когда мы услышали в ночи, одновременно с шелестом шелка колышущихся на ветру флагов и вымпелов, эти теплые и низкие голоса, поющие на неизвестном нам языке, но с вполне понятными для нас интонациями, возносящими молитвы за тех, кто здесь, на земле, стали защитниками Правды и Долга.

В Коломбеле активно работало отделение Национального союза нового поколения (НСНП)²⁵. Как и в ряде других русских колоний во французской провинции, деятельность НСНП здесь зародилась в 1934 г. Председателем местного отделения стал М.Л. Ольгский²⁶. Другим руководителем НСНП в Коломбеле был активный участник в местной приходской жизни А.Д. Арестов, долголетний

член приходского совета и церковный староста в послевоенные годы. Судя по объявлениям в газете «Возрождение», за два года, с марта 1934 по март 1936 г., НСНП устроил всего 46 собраний: 37 «закрытых», на частных квартирах, только для членов союза и приглашенных ими лиц, и 9 открытых, для всех желающих, в общественных помещениях. Доклады на собраниях читались как местными, так и приезжими друзьями членами союза, они касались разнообразных и часто актуальных тем и привлекали немало слушателей. Приведем несколько характерных примеров.

12 мая 1934 г. с докладом выступил известный «кутеповский террорист», кумир белой молодежи капитан В.А. Ларионов: «От белого фронта к подпольной борьбе». 28 июля 1934 г. выступал с докладом приехавший из Белграда председатель исполнительного бюро и идеолог НСНП М.А. Георгиевский, на тему «Христианство и социализм». «В воскресенье 4 ноября [1934 г.], в 15 ч. 30 м., в зале французской кантины состоится публичное заседание кальвадосского отделения НСНП: «Наш ответ годовщине октября». 13 октября 1935 г. был прочитан доклад на тему: «История революционных движений до 1917 года», 31 октября — «По политической экономии и о административном устройстве СССР». 18 января 1936 г. был доклад «Корпоративизм», 15 января — «ГПУ-НКВД», 1 февраля — доклады «Революция 17-го года» и «По политической экономии». 7 марта 1936 г. на собрании группы НСНП читались доклады: «Современная пехота» и «Белая борьба». 22 марта — «НСНП и казачество» и «информация о СССР».

М.Л. Ольгский покинул Нормандию лишь в 1939 г., и есть все основания предполагать, что деятельность Союза нового поколения в Коломбеле не прекращалась до военного времени.

В 1930-е годы существовало во Франции несколько русских юношеских организаций, охватывающих сотни детей и подростков в Париже и в провинции. Одной из них

была Национальная организация русских разведчиков (НОРР). Полковник П.Н. Богданович, основатель и начальник НОРР, поставил организацию под покровительство вел. кн. Ксении Александровны. Он стремился воспитывать детей в подчеркнута военном духе и в почитании монархических основ Императорской России. Зачинщиком работы и начальником первой «бригады» разведчиков в Коломбеле стал М.Л. Ольгский, в 1931 г. приехавший в Кан из Финляндии, где он в юности участвовал в русском скаутском движении. Коломбельская НОРР скоро окрепла и развилась и в последние довоенные годы насчитывала около 70 детей и подростков. Самым радостным воспоминанием бывших коломбельских разведчиков и разведчиц остались летние лагеря, устраиваемые в лесу Сенгле, в 30 км на юге от Кана.

Приведем несколько оповещений о деятельности НОРР в Коломбеле из газеты «Возрождение»:

«В воскресенье 4 ноября [1933 г.], после литургии, в русской церкви Коломбеля будет отслужен молебен о благополучии 20-го отряда Национальной организации русских разведчиков. После молебна у церкви состоится церемония принесения торжественного обещания». «В воскресенье 18 августа [1934 г.], по случаю праздника Нац. организации русских разведчиков, будет отслужен молебен и состоится годичная дача торжественного обещания 20-м отрядом. Приглашаются все члены колонии». «В воскресенье 4 ноября [1934 г.], после литургии, в русской церкви Коломбеля будет отслужен молебен о благополучии 20-го отряда Национальной организации русских разведчиков. После молебна у церкви состоится церемония принесения торжественного обещания». 27 января 1935 г. на приходской елке состоялось представление «У костра». «Сценка из лагерной жизни с участием 20-го отряда НОРР».

В июне 1939 г. полковник Богданович назначил генерала А.А. Куявского начальником новосозданного Нормандского района НОРР.

Глава 2. Военное и послевоенное время в Коломбеле

Военные годы (1940–1945 гг.)

Франция вступила во Вторую мировую войну 3 сентября 1939 г. Победенная Германией, она была частично оккупирована немцами с 22 июня 1940 г.

К 1940 г. на заводе СМН работало около 300 русских (включая 30 принявших французское гражданство). Но с лета 1940 г. работы стало меньше, и вынужденное сокращение рабочего времени (и зарплаты) коснулось многих. В будущем можно было опасаться и полной безработицы.

В ноябре 1940 г. французскими властями было принято распоряжение, позволяющее немецким фирмам производить по своему усмотрению в оккупированной зоне Франции (в том числе и Нормандии) наем рабочих для немецких заводов. Многие русские, лишённые заработка или опасавшиеся за свое будущее на заводе, воспользовались этой открывшейся возможностью. Первый групповой отъезд русских из Коломбеля в Германию имел место в конце февраля – начале марта 1941 г. Он коснулся, по подсчетам Клода Руже, более полусотни русских рабочих (семейные уезжали одни, с целью содержания из Германии родных, оставшихся на месте). К июню 1941 г. около трети коломбельских русских рабочих уже переехало в Германию.

Отношение к русским эмигрантам во Франции в те годы определенно изменилось к худшему. После подписания в августе 1939 г. советского-немецкого договора, многим французам Сталин представлялся в качестве врага и надежного союзника Гитлера, а все русские, поселившиеся во Франции, — потенциальными предателями, будущей «пятой колонной». Немецкая победа еще более укрепила такое отношение. Были случаи, когда немецким оккупационным властям приходилось принимать меры для защиты русских от преследований со стороны

слишком усердствующих французских коллаборантских властей. Это давало русским эмигрантам лишний повод не чураться предложений о найме на работу в Германии, тем более, что можно было подписать контракт на короткое время, на год или даже на полгода. Некоторые из уехавших действительно возвращались во Францию по окончании оговоренного срока.

Вторая волна отъездов в Германию, менее значительная, имела место с лета 1942 г., после того как 28 августа управлением СМН было принято решение уволить часть персонала, ввиду нестерпимых сокращений поставок сырья, в первую очередь угля. В конце 1942 г. на заводе уже оставалась только половина русских рабочих довоенных лет.

Н.Н. Гукович, в те годы подросток, вспоминает о военном времени в Коломбеле:

У меня сохранилось воспоминание: во время оккупации были дни, когда говорили, что церковь будет перемещена в Германию. Я задавал себе вопрос, как это сделают: поставят ли ее на рельсы или на колеса, чтобы ее перевезти в Германию? Речь шла о перевозке церкви в Германию, потому что много мужчин выехало добровольно туда на работу. Мой дедушка поехал. За исключением таких людей как мой отчим Кириллов²⁷, у которых были семьи, уехали холостяки или все те, как мой дедушка, кто не был обременен семьями. А также и молодые, вроде меня, но которые были старше меня на 5 или 6 лет, т.е. родившиеся в 1924–1925 гг. Я думаю, что было около сотни уехавших. На 80 % они не вернулись. Некоторые уехали и в обязательном порядке, через СТО²⁸.

В декабре 1942 г., в т.н. Смоленском манифесте, бывший советский генерал А.А. Власов призвал русских к вооруженной борьбе против большевиков в союзе с Германией. Многочисленные добровольческие батальоны из бывших советских граждан, уже воюющие в составе Вермахта под немецким командованием, были официально объявлены частями Русской освободительной армии (РОА) с правом ношения ее знака. Призывы генерала

Власова к борьбе против большевизма, опубликованные в французских газетах и пропагандируемые немцами в русской эмиграции, особого отклика у коломбельских русских не возбудили. Но встреча с выходцами из СССР у них состоялась: сперва с советскими военнопленными, а позже и с власовцами. Н.Н. Гукович повествует об этих событиях:

Первые советские граждане, которых я видел, были пленные, похожие на монголов. Они жили за решеткой в бараках и охранялись немцами. И немцы нам не препятствовали с ними общаться. Мы знали русский язык и понимали, что они нам говорили: «Я голоден». Мы тоже были голодными. Нам выдавались печенья с витаминами, и мы их передавали пленным на виду у немцев. Эти были пленными, но позже появились власовцы.

У нас был расположен полк²⁹ Власовской армии в замке Борегар [Beauregard], в Эрувиль-Сен-Клер, там были расквартированы советские граждане в немецкой форме. Для нас это было скорее экзотическим, странным явлением. Это были главным образом русские, но встречались и татары. Однажды меня повел с собой 17-летний парень — татарин, я смог бы и сейчас найти это место. Мы сели спиной к насыпи заводской железной дороги, и он мне сказал, что научит меня петь «Катюшу» и словам песни. За полчаса я научился петь «Катюшу». Это был паренек с раскосыми глазами и с немецким штыком на поясе.

Все русские их принимали, офицеров, конечно. У моих родителей, я помню, были за столом три или четыре офицера в немецкой форме, в частности некто Виталий. Не было простых солдат. Я не помню, ходили ли они в церковь, если они и приходили, то в штатском. Я только видел на Пасху в 1944 г. двух офицеров, но немцев, которые стояли перед иконостасом на стойке смирно. Некоторые русские возмущались, что они сохранили на поясе свои пистолеты. Я думаю, что это были офицеры-командиры русских в Борегаре.

6 июня 1944 г. началась высадка англо-американских войск на побережье Нормандии, в том числе и в районе г. Кан. В ходе военных действий завод и окружающие его рабочие поселки были почти полностью уничтожены.

Когда разразилась бомбежка и обстрел стал нестерпим, немецкие власти организовали высылку местного населения в места, отдаленные от боев. Большинство русских, разбросанные в сельской местности, нашли временное убежище в соседнем департаменте Орн. Некоторые затем переселились в иные места, остальные смогли вернуться в Коломбель лишь в 1945 г., где им было предоставлено временное жилье. Многие из русских получили работу по разгребанию развалин старого завода и по постройке нового. Но не все кто подал прошение о возвращении на работу были приняты, ввиду тяжелого экономического положения СМН. В итоге лишь около сотни прежних русских рабочих вернулись на завод.

Послевоенные годы

После Второй мировой войны советский патриотизм и «возвращенческие» настроения широко распространились в русской эмиграции. Возник при содействии советского посольства и быстро развился мощный Союз русских патриотов (затем — Союз советских патриотов). Две единственные русские газеты первых послевоенных лет: «Русский (затем «Советский») патриот» и «Русские новости» пропагандировали возвращение в СССР. 14 июня 1946 г. советским правительством была провозглашена амнистия для белых эмигрантов, и они призывались просить советское гражданство. Во Франции советскими гражданами стало от 6 000 до 10 000 человек, но действительно вернулось на родину не более 2 000 (из общего числа около 65 000 человек).

Мотивации новоявленных советских патриотов были очень различными: усталость от беженских будней, престиж Сталина — победителя Гитлера, вера в решительные перемены в СССР, провозвестником которых считали возрождение Московской Патриархии. В Коломбеле Союз советских патриотов организовался под руководством настоятеля Св.-Сергиевской церкви иером. Павла (Гольше-

ва). Но, по имеющимся сведениям, союз набрал не очень много членов и быстро сошел на нет. Среди рабочих СМН в СССР выехало лишь несколько человек, в индивидуальном порядке. Главный руководитель союза о. Павел вскоре покинул Нормандию и вернулся на родину в июле 1947 г.

Русские рабочие СМН лишь в меньшинстве были семейными. Но и в семьях жены по большей части не были русскими, и, за исключением некоторых славянок, не говорили по-русски. Отцы семейств обычно плохо знали французский, некоторые не могли даже прочитать французской газеты. Несмотря на приходскую школу, деятельность русских разведчиков до войны и позже активные попытки о. Димитрия Хвостова (настоятеля в 1949–1956 гг.), подрастающее поколение быстро теряло живую практику русского языка. Дети русских рабочих СМН учились в местных французских школах и, хотя многие из их друзей были русскими, они в основном вращались во французской среде. Не забывая, что их отечеством была Россия, они сознавали, что их родина — Франция.

Представитель молодого поколения Николай Николаевич Гукович (1931–2012 гг.) — живой, хотя и не во всем характерный пример, воспитывался родителями и отчимом в крепком русском духе. Призванный в армию, он участвовал в Алжирской войне, затем работал инженером на заводе «Радиотехник» («Radiotechnique») в г. Кан. Несмотря на жену-француженку и детей-католиков, Николай Гукович сохранил до своей кончины знание русского языка, верность русским корням и православному приходу. Но среди русских детей, воспитанных в Коломбеле, таких как он оказалось в итоге очень немного. Н.Н. Гукович вспоминает:

У нас не было французских друзей. Не было дома ни одной французской книги. Надо было говорить по-русски. Нас пичкали: «Говори по-русски!» Я вспоминаю однажды, в 1945 г., мне было 14 лет, мы гостили в деревне у моего дедушки Ивановского в деп. Шер. Он сидел в конце стола,

я — направо от него. Были все ребята и надо было говорить по-русски. А мы в 13-14 лет, с дипломом окончания начальной школы, уже начинали говорить дома по-французски. После 10 минут, я заговорил по-французски. Дед схватил ложку и — по лбу. И дал мне монетку, чтобы не было шишки. Но он был прав.

В конечном итоге, все мы, дети первой эмиграции, добились некоторых успехов в жизни. Главный лейтмотив наших родителей был: «Никогда не забывайте родину ваших родителей!» Они на этом очень настаивали. Второе было: «Работайте!» Так как они не были активистами СЖТ³⁰, их целью не была борьба с руководством предприятия. «Работайте, чтобы стать во Франции тем, чем мы бы стали в России, если бы мы там остались».

Глава 3. Первые годы прихода (1925-1928 гг.)

Основание прихода

Как и почти все русские православные приходы, основанные во Франции в 1920–1930-е годы, приход в Коломбеле возник вследствие двойного почина: местной инициативы верующих и решительной поддержки со стороны высшей церковной власти в Западной Европе в лице митрополита Евлогия.

Митрополит Евлогий (Василий Семенович Георгиевский, 1868–1946 гг.), сын деревенского священника, был в 1903 г. хиротонисан во епископа Люблинского, в 1905 г. стал епископом Холмским и Люблинским, в 1914 г. — архиепископом Волынским и Житомирским. В 1921 г. он был назначен управляющим Русскими православными приходами в Западной Европе и возведен патриархом Тихоном в сан митрополита. В 1927 г. митр. Евлогий порвал с Синодом Русской Православной Церкви Заграницей (РПЦЗ) главным образом из-за спора о подчинении германских приходов. В 1930 г., по причине отказа прекратить свое участие в собраниях в защиту гонимой Русской Церкви, он был отрешен от должности и запрещен в церковнослу-

жении митр. Сергием. В 1931 г. митр. Евлогий был принят по своей просьбе в юрисдикцию Константинопольского патриархата. В 1945–1946 гг. он предпринял шаги к возвращению под омофор Московского патриархата, но большинство его духовенства и паствы за ним тогда не последовало.

Одной из главных своих церковных задач митр. Евлогий видел в основании новых приходов и действительно в два довоенных десятилетия были им освящены многочисленные храмы по всей Франции. Первое время возникающую церковную общину обычно обслуживали приезжие священники. Митр. Евлогий вспоминает:

В Коломбеле, значительном заводском центре Нормандии, в департаменте Кальвадос, церковная жизнь началась так же, как почти всюду — с вызова священника на большие праздники. Я посылал о. Гавриила Леончукова, протоиерея Чернавина, о. Фащевского, о. Шефирцы и, наконец, о. Георгия Спасского³¹. Обычно приход возникает от религиозной ревности и творческих дарований командированного священника. Один приедет, механически отслужит праздничные службы — «и с колокольни долой»; другой зацепится, начинает завязывать связи с богомольцами, располагает их к созданию прихода. Таким зачинателем прихода в Коломбеле был о. Георгий Спасский.

Местная заводская администрация, равнодушная к вопросам христианской веры, проявила, однако, полную готовность поддержать религиозные побуждения русских рабочих, учитывая культурно-просветительное и морально-отрезвляющее влияние церкви на рабочую массу. С честными, трезвыми, морально-приподнятыми рабочими иметь дело приятнее, и труд таких людей производительней. Когда выяснилась реальная возможность организовать храм и приход, я послал постоянного священника — протоиерея Д. Троицкого (из Берлинской Тегельской церкви). При нем началось устройство церкви.³²

Первый сохранившийся в архивах документ, отображающий почин местных русских в создании коломбельского прихода — обращение от 8 апреля 1925 г.

в центральную церковную власть хорунжего Лиманского³³. Он писал: «Русские люди, живущие в Colombelles и работающие на металлургическом заводе, хотели бы пригласить в день светлого воскресения, а если можно и раньше, чтобы желающие могли отгответь, духовного отца. Если это возможно, не откажите в любезности сообщить заранее кто из священников и когда именно сможет приехать».

В сентябре того же года начальник 1-го отдела РОВС ген. Шатилов, вернувшийся из поездки в Коломбель, обратился к митр. Евлогию, указав, что ему «было сделано от лица группы заявление о желательности учреждения в сел. Коломбель постоянного прихода». А 6 октября 1925 г. хорунжий Лиманский вновь обратился к митр. Евлогию:

5 октября по старому стилю и 18-го по новому — праздник всех казачьих войск и, в частности, войсковой праздник Кубанских казачьих войск. Казаки глубоко чтут этот праздник и уполномочили меня просить Ваше Высокопреосвященство не отказать в командировании священника к этому дню, а если возможно будет прислать священника 17-го вечером, это как раз будет в субботу, чтобы отслужить вечерню.

17 и 18 сентября 1925 г. служил приехавший из Парижа в Коломбель о. Феодор Поставский³⁴.

Перед учреждением прихода и присылкой в Коломбель настоятеля на постоянное жительство, следовало решить два основных вопроса: обеспечение священнику достаточного содержания и нахождение надлежащего помещения для храма. Весной 1926 г. организовался под председательством инженера Н.М. Григорьева³⁵ «Временный церковно-приходской комитет», перед которым стояло выполнение этих двух задач. Вопрос о содержании настоятеля должен был решиться путем предоставления ему не слишком тяжелой работы на заводе (позже было решено организовать среди прихожан для его содержания ежемесячное обложение). В сочетании со взносами за требы и квартирой, предоставленной СМН, это должно

было обеспечить сносное существование коломбельскому священнику.

29 сентября 1926 г. настоятелем коломбельского прихода был назначен прот. Димитрий Троицкий. Митрофорный протоиерей Димитрий Иоаннович Троицкий (1886–1939 гг.), сын священника, окончил Казанскую семинарию, был рукоположен в 1909 г. Он исполнял обязанность полкового священника в Мировую войну и Гражданскую войну (на юге России). В 1921–1922 гг. он был помощником настоятеля Св.-Николаевского собора в Ницце, затем настоятелем церкви Тегельского кладбища в Берлине (1922–1925 гг.), Св.-Алекса́ндро-Невской церкви в Льеже (1925–1926 гг.), Св.-Сергиевской церкви в Коломбеле (1926–1927 гг.), Св.-Николаевской церкви в Русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа (1927–1932 гг.), Галлиполийской церкви в Париже (1932–1933 гг.), Св.-Серафимовской церкви в Париже (1933–1939 гг.). С 1936 г. о. Димитрий Троицкий был благочинным приходов в Париже и окрестностях.

17 октября 1926 г. состоялось «собрание русских православных людей, проживающих в местечке Коломбель и его окрестностях», на котором было принято решение создать приход и были произведены выборы его руководства. Церковным старостой был избран Н.М. Григорьев, его помощником — И.И. Синявский³⁶, а также избрали трех членов приходского совета и ревизионной комиссии.

Постройка и освящение Св.-Сергиевского храма

3 июня 1926 г. Н.М. Григорьев и секретарь церковного комитета Д.Н. Зеленский³⁷ обратились к г-ну Моретт, директору СМН, со следующим письмом:³⁸

Многочисленные русские рабочие заводов Общества, которые в своей большей части — православные христиане, сильно чувствуют ущерб, связанный с отсутствием священника как в отношении богослужения, так и в отношении нравственности в их колонии. [...] Надежды колонии обращены на Вас, г-н Директор, так как Ваше благожелательное

отношение к нам стало известно с первых наших шагов в Кане. Комитет русского православного прихода имеет честь обратиться к Вашему благоволению дабы Вы оказали нам помощь, обеспечив постройку здания самого простого вида, расположенного в Ферме Белланже, для нашей церкви, нашего духовного центра, а также предоставив жилье поблизости нашему священнику, который поступит на завод в качестве рабочего до того момента, когда состояние прихода позволит ему всецело посвятить себя своим прямым обязанностям.

По воспоминаниям Ангелины Ивановской,³⁹ к директору завода отправилась делегация местных русских рабочих. Некоторые из них одели по этому случаю сохранившиеся военные или морские мундиры. Делегаты попросили директора лишь о предоставлении заводом строительных материалов, изъявив готовность самим построить церковь от фундамента до купола и окрасить ее стены снаружи и внутри.

В июле 1926 г. Н.М. Григорьев мог сообщить митр. Евлогию, что дирекция завода выработала проект здания храма и готова предоставить для его постройки необходимые средства.

30 октября 1926 г. о. Димитрий докладывал митр. Евлогию, что администрация завода окончательно приняла решение о постройке храма и ассигновала на нее 50 000 фр. Он писал: «Почтительно прошу Ваше Высокопреосвященство разрешить и благословить произвести закладку храма в честь святого преподобного отца нашего Сергия Радонежского, Российского Чудотворца, в воскресенье (25 октября) 7 ноября сего года». Письмо было надписано митр. Евлогием: «Душевно радуюсь. Бог благословит. Послать приветствие.»

Владыка Евлогий повествует:

Заводское управление, в лице директора М. Morett'a и его помощника М. Meunier, проявило исключительную щедрость: нам не только дали место для построения храма, но отпустили и средства (около 80 000 франков) на его сооружение. Один из инженеров, женатый на русской,

М. Dhôme⁴⁰, пожертвовал 9 000 франков, А.С. Чудинов⁴¹ из симпатии к о.Троицкому, которого он знал по Ницце, прислал 1 500 франков; создан солидный денежный фонд, и решено было строить просторный каменный храм с цветником вокруг церкви. Таков был проект.⁴²

Как пишет Лиз Лалонд:

Постройка храма была в основном произведена самими членами русского православного прихода, в впечатляющем духе сплочения и самоотдачи. Каждый приносил что мог из своего умения и свободного времени после тяжелого труда на заводе (или в другом месте, так как некоторые русские, работающие на шахтах в деп. Кальвадос или в Див-сюр-Мер, также участвовали в постройке по воскресеньям). Церковь была построена по чертежам бывшего полковника русской армии, демобилизованного и поселившегося в Нижней Нормандии в начале 1920 годов.⁴³

15 марта 1927 г. о. Димитрий Троицкий уже мог сообщить митрополиту Евлогию, что постройка храма закончена:

Светлое, каменное здание, с громадными окнами, увенчано посередине большим голубым куполом с православным восьмиконечным крестом. С западной, южной и северной стороны эти русские символы видать издали. Завод же поставил нам и деревянный иконостас. В настоящее время вся сила прихода направлена к тому, чтобы этому храму внутри придать православный — русский вид.

В своем письме о. Димитрий выражает надежду, что иконопись и внутренняя отделка храма будут окончены к концу Великого поста и что освящение церкви сможет состояться в одно из воскресений после Пасхи. Но освящение пришлось отложить из-за разразившегося тогда конфликта между старостой Григорьевым и о. Димитрием. После назначения нового настоятеля, прот. Иакова Китарева, приход успокоился и освящение храма было назначено на воскресенье 11 декабря 1927 г. Для проведения торжества приехал митр. Евлогий, в сопровождении прот. Георгия Спасского, о. диакона Евгения Вдовенко⁴⁴, реген-

та соборного хора Н.П. Афонского и части его хористов. После освящения заводская администрация пригласила русскую колонию на прием.

В краткой речи митрополит Евлогий поблагодарил директора завода и администрацию, которые вошли в нужды русской колонии и стараются удовлетворить ее духовные потребности. Директор завода в ответной речи сказал, что он всегда готов идти навстречу русским, особенно семейным, и высказал надежду, что русская эмиграция, неся тяжкие невзгоды, скоро вернется на родину.⁴⁵

Храм стал постепенно обустраиваться и украшаться. 6 мая 1928 г., в своем докладе приходскому собранию, староста М.Н. Слепушкин⁴⁶ указал, что в основном храм готов: «Быть может, еще многое и многое желательно и следовало бы сделать, но можно смело сказать, что церковь и настоящим своим видом вообще удовлетворяет вполне требованиям незаурядного русского православного заграничного храма».

Тяжба в приходе (1927–1928 гг.)

Коломбельский приход в 1927–1928 гг. претерпел кризис, о котором вспоминает митр. Евлогий:

О. Троицкий, человек неуступчивый и властный, понимал авторитет священника слишком внешне. Это повело к столкновениям с инженером Григорьевым, главным деятелем по построению храма и лицом, настолько пользовавшимся доверием у администрации завода, что он был посредником между французской и русской стороной. Я послал о. Н. Сахарова из Парижа умиротворять тяжбу, но из этого ничего не вышло.⁴⁷

Вследствие коллективной отставки несогласного с настоятелем приходского совета, на 17 марта 1927 г. было созвано приходское собрание, под председательством присланного митр. Евлогием из Парижа прот. Николая Сахарова⁴⁸. Собралось 87 человек. «Церковный староста Н. Григорьев и члены старого совета Ергин⁴⁹ и Д. Зеленский указали ряд фактов, доказывающих слишком

самостоятельные действия отца настоятеля. После ряда заявлений прихожан приступили к выборам старосты и членов совета. Переизбранными оказались Григорьев и все прежнее руководство прихода.

18 апреля 1927 г., препровождая протокол собрания митр. Евлогию, прот. Троицкий назвал обвинения в свой адрес «беспочвенными». Он сообщил, что переизбрание Григорьева не признает и утверждает на должности старосты «следующего по числу голосов избранного кандидата», Н.И. Ластовца⁵⁰ (за которого голосовало лишь 10 человек). 29 апреля о. Димитрий, обращаясь к епархиальному секретарю Т.А. Аметистову⁵¹, писал, что он видит только два выхода из положения: либо не утверждать в старосты Григорьева, либо «принести в жертву протоиерея Троицкого и назначить его в другой приход». 5 мая митр. Евлогий предложил о. Димитрию «переменить место службы».

17 мая капитан К.А. Кирьянов, председатель местного отделения Союза галлиполийцев, просил Владыку «о скорейшем разрешении создавшегося положения», указав: «Церковь в настоящее время посещается всего незначительным числом молящихся, хор по многим причинам не поет, духовный подъем прихожан пал. У каждого из нас является желание как можно скорее видеть конец этих прискорбных явлений». 11 июня 1927 г. прот. Димитрий Троицкий был официально уволен от должности настоятеля коломбельского прихода, но не получил нового назначения и продолжал исполнять свои прежние обязанности.

Пока о. Димитрий оставался на месте, смута не прекращалась. 20 июня обратилась к митр. Евлогию группа прихожан с коллективным письмом, закрепленным 73 подписями. Они писали, что настоятель подвергался «систематическим оскорблениям» со стороны старосты Григорьева и указывали на глубокий кризис церковной жизни:

Храм ко дню Св. Троицы не только не был украшен зеленью и цветами, как это принято по уставу и старинным русским обычаям, но даже не подметен. Свечной ящик остается без присмотра, и выемка выручки его производится бесконтрольно. В дни Великого поста церковным старостой велась пропаганда не говеть и при этом по адресу настоятеля передавались злостные сплетни.

26 июня 1927 г. состоялось приходское собрание, созванное о. Димитрием. Оно собрало 53 прихожанина, но несогласная с настоятелем группа сторонников Григорьева собрание вскоре покинула и осталось только 40 человек. На этом собрании было оглашено «обращение 73-х» и избран церковным старостой М.Н. Слепушкин. 14 июля, под подписью Н.М. Григорьева, 4-ех членов совета и председателя ревизионной комиссии Н.Д. Зеленского, было составлено обращение в Епархиальный совет, где объяснялось, что собрание, созванное о. Димитрием, было незаконным по ряду причин, в частности потому, что оно собралось «без ведома и участия приходского совета».

16 июля 1927 г. было сообщено о. Димитрию из Епархиального управления, что он назначен «временно исполняющим пастырские обязанности при церкви Русского дома в Сент-Женевьев-де-Буа». Но пока о. Димитрию не был назначен заместитель, страсти не утихали, и 18 июля дирекция завода отобрала у русских ключи их храма и закрыла его до умиротворения колонии. 24 июля 1927 г. приехавший из Парижа прот. Николай Сахаров председательствовал на новом приходском собрании, «на правах благочинного». Он объявил прихожанам, что староста Григорьев и его приходской совет уходят в отставку. О. Николай также сообщил, что вскоре будет назначен в Коломбель новый настоятель — прот. Иаков Ктитарев, из Бельгии.

Митр. Евлогий так вспоминает о завершении приходской смуты: «После обсуждения конфликта на Епархиальном съезде я перевел о. Троицкого в «Русский дом»

в Сен-Женевьев, а в Коломбель направил протоиерея Иакова Ктитарева из Шарлеруа (Бельгия). О. Иаков быстро утешил взбаламученное море, пристыдив тяжущихся. «Стыдно завода! Он столько для нас сделал, проявил такое великодушие, а мы — споры, дразги, ссоры...»⁵²

Протопресвитер Иаков Николаевич Ктитарев (1878–1953 гг.), из семьи духовенства, окончил С.-Петербургскую духовную академию и был рукоположен во иерея в 1904 г. Сперва назначенный в Баку, он с 1913 г. стал законоучителем Смольного института (в С.-Петербурге) и настоятелем его церкви. Член Церковного управления на юге России в Гражданскую войну, о. Ктитарев затем жил и служил на Кипре, в Константинополе, в Чехословакии и Бельгии. О. Иаков был настоятелем Св.-Сергиевской церкви в Коломбеле (1927–1928 гг.), затем настоятелем Св.-Николаевского храма в Булонь-Бийянкуре (1928–1936 гг.), вторым священником Св.-Александроневского собора (1936–1942 гг. и 1946 г.), настоятелем церкви Святой Троицы в Озуар-ля-Ферьер (1943–1946 гг.). С 1934 по 1946 г. о. Иаков был членом Епархиального совета митр. Евлогия.

21 августа 1927 г. о. Иаков созвал приходское собрание, на котором он подчеркнул, что «работа приходского совета не есть какое-то автономное общественное творчество, а прежде всего помощь настоятелю». Собрание, которое началось в некотором возбуждении, успокоилось, и уставные выборы прошли гладко. Старостой был вновь избран М.Н. Слепушкин.

Вскоре приходские страсти опять возгорелись вокруг старосты. Несмотря на призывы к успокоению, о. Иакова, на следующем приходском собрании, созванном 6 мая 1928 г., «выяснилось крупное недовольство слабой деятельностью старосты. Ему вменялось в вину неприятие мер к привлечению новых прихожан, небрежное отношение к храму, неупорядоченность и неготовность к богослужениям, когда не раз приходилось старосту вы-

зывать во время службы из его квартиры, крайняя нераспорядительность, бесхозяйственность».

8 июля 1928 г. на новом приходском собрании была единогласно принята «резолюция в Епархиальное управление», с просьбой об увольнении Слепушкина из-за его «нестерпимо небрежного отношения к своим обязанностям, тогда как в приходе необходимо иметь «деятельного, одушевленного любовью к церкви, внимательного к церковным нуждам старосту».

На следующий день после этого собрания о. Иаков указывал в письме Т.А. Аметистову: «Дольше со старостой терпеть нельзя. От этого страдают церковные интересы. Хозяйство и отчетность в хаотическом состоянии. На мои требования он не обращает внимания». Епархиальное управление, в итоге решило «предложить г. Слепушкину подать прошение об увольнении от должности церковного старосты», но Слепушкин, вызванный в Париж, оспаривал свою вину и тянул время. 22 сентября 1928 г. он отправил в Епархиальное управление оправдательное письмо на 22 (!) страницах, обвиняя о. Иакова в качестве главного своего врага, «незаслуженно и безосновательно» его унижающего, и выставляя его, как жадного к любой наживе человека. И все же строптивый староста вынужден был сдаться и 25 сентября попросить Епархиальное управление об освобождении от должности, что последовало 1 октября 1928 г.⁵³

2 декабря 1928 г. (уже при новом настоятеле о. Михаиле Соколове) в замен Слепушкину был выбран церковным старостой на приходском собрании помощник старосты и помощник заведующего русской столовой («кантиной») А.Г. Стрельник.⁵⁴

Глава 4. Расцвет приходской жизни в Коломбеле (1928–1939 гг.)

Отец Михаил Соколов и отец Евгений Попов

14 октября 1928 г. настоятелем Св-Сергиевского храма в Коломбеле был назначен о. Михаил Соколов. После переживаний и бурь первых лет, приходская жизнь в Коломбеле постепенно успокоилась и стала вполне соответствовать своему прямому назначению.

Митрофорный протоиерей Михаил Алексеевич Соколов (1901–1981 гг.) родился 5 мая 1901 г. в г. Бердянске, учился в Петроградском 1-м кадетском корпусе, который окончил в 1916 г., затем участвовал в Первой мировой войне. Когда вспыхнула белая борьба против большевиков, Михаил Соколов поступил на морскую службу на юге России. Он служил на Черном и Азовском морях на вооруженном ледоколе «Гайдамак» и на эскадренном миноносце «Пылкий». После эвакуации Крыма в ноябре 1920 г., он последовал с русской белой эскадрой в Бизерту. В 1923 г. Михаил Соколов перебрался во Францию. Он жил под Парижем, работал на заводе, стал активным членом РСХД. Окончив Св.-Сергиевский богословский институт, Михаил Соколов был рукоположен в иерея 8 октября 1928 г. и назначен 14 октября настоятелем в коломбельский храм. Он исполнял эти обязанности до 15 декабря 1942 г. В 1941 г. он был возведен в сан протоиерея. С 1942 по 1961 г. прот. Михаил Соколов был настоятелем Св.-Серафимовского храма на ул. Лекурб (в Париже). Затем он переехал в США, в 1962–1966 гг. служил в Троицком кафедральном соборе в Сан-Франциско (Северо-Американская Митрополия), с 1966 по 1979 г. был настоятелем Рождественского храма в том же городе, позже вышел за штат.

Митрополит Евлогий дает высокую оценку нелегкой, но плодотворной деятельности нового настоятеля:

[Я] в Коломбель послал священника Михаила Соколова, окончившего Богословский институт. О. Михаил — прекрас-

ный священник-идеалист, готовый всю душу отдать пастве. Матушка его тоже редкая: тактичная, просвещенная, умная, оказывающая доброе влияние и на своего мужа, и на весь приход. Первое время о. Михаилу было тяжело. Много, чему он бывал свидетелем, его по молодости лет удручало. Он приезжал ко мне и со слезами рассказывал, какое равнодушие, какое невнимание к церкви наблюдается среди русской колонии, какое пьянство... «Служишь постом в пустой церкви, доносятся пьяные, грубые песни, раздаются под окнами нарочитая, во всеулышание, отвратительная ругань...» И все это безобразие о. Михаил с Божией помощью преодолел. /.../ О. Михаил пользуется полным уважением прихожан и заводского управления. Он умеет умиротворять, сглаживать углы и обходить «камни преткновения». Когда параллельно общей приходской школе прихожане-казаки открыли свою, станичную, о. Михаил, не споря с сепаратистами, начал обучать детей в обеих школах.

Недавно, осенью 1936 года, я был приглашен на торжественное празднование десятилетия прихода, и в ознаменование юбилея прибили при входе в церковь мраморную доску. На торжестве присутствовали все главные инженеры завода, давшего средства на постройку церкви. Много лестных отзывов слышался я от них о батюшке, о прекрасном храме, о русских тружениках...⁵⁵

О. Михаил был женат на Наталье Ивановне, ур. Сырневой. В Коломбеле у них родилось два сына: Сергей (в 1929 г.) и Алексей (в 1932 г.). Н.Н. Гукович вспоминает:

О. Михаил Соколов покинул Коломбель, когда мне было лет десять, поэтому моя сознательная память о нем — 2-3 года.⁵⁶ Он был морским офицером. Его жена была красивая. Мы мало общались с его детьми, двумя сыновьями: в возрасте 7-8 лет они были изъяты из русской колонии и посланы в [русский] кадетский корпус под Парижем. Для нас это было потрясающим выдвигением: они красовались в замечательной форме, в погонах. О. Михаил для нас был просто «батюшка», он нас учил молитвам. Одну из молитв я так и не смог выучить наизусть с начала до конца, это «Верую во единого Бога», мне она казалась очень длинной, полной славянских слов и для меня непонятной. Он меня научил молитве «Отче наш». Для нас это был помощник

Господа Бога, так как он нам давал причастие. Его уважали, он был на своем месте. Он крестил фактически всех детей, родившихся до 1940 года. Он оставался здесь долго, во время, когда русские поняли, что вернуться в Россию они не смогут и что нужно с этим смириться. Они тогда обращались к Богу, через церковь. А в церкви кого они видели? Отца Михаила.

В июне 1930 г. о. Михаил Соколов поддержал прошение псаломщика Св.-Сергиевской церкви Е.И. Попова митрополиту Евлогию о посвящении его в диаконский сан. Чтец Евгений Попов получил также тогда весомую поддержку от регента знаменитого квартета Кедровых. Приехавший для концерта в пользу храма в Коломбель квартет пел в церкви на литургии 15 июля 1930 г., и Н.Н. Кедров высоко оценил голос псаломщика во время службы. Зная, что о. Евгений приезжает в Париж на епархиальный съезд, Кедров обратился к митр. Евлогию:

Отрадное впечатление осталось у нас о прекрасном, вдохновенном служении отца Михаила, стройном одухотворенном пении хора и о чтении Апостола чтецом Евгением Ивановичем Поповым. Обладая ровным, красивого тембра голосом, басом, и имея происхождение из звания духовного, и получив образование в Воронежской семинарии, он возымел прекрасное искреннее желание посвятить себя во диаконский сан. Присоединяя и свое скромное ходатайство пред Вашим Высокопреосвященством об удовлетворении прошения Е.И. Попова, горячо надеюсь, что с помощью Божией сумею преподать ему указания, пользуясь кратковременным его пребыванием здесь.

Митрофорный протоиерей Евгений Иоаннович Попов (1897–1983 гг.), из семьи духовенства, родился в Воронежской губернии, учился сперва в Воронежской духовной семинарии (не окончил), затем в Харьковском университете. Е.И. Попов воевал в Мировую войну, затем в Гражданскую войну на юге России, в чине поручика. Он эвакуировался с Русской армией генерала Врангеля в ноябре 1920 г., прошел Галлиполи, затем, вывезенный в Болгарию, был расквартирован в Шумене, в качестве офи-

цера Технического батальона. Как и многие его боевые товарищи, поручик Попов попал по контракту во Францию, в данном случае рабочим на завод СМН. С 1926 г. Евгений Попов занимал должность псаломщика Св.-Сергиевской церкви в Коломбеле. 13 июля 1930 г. он был посвящен в диакона. Рукоположенный во иерея 28 сентября 1943 г., о. Евгений остался на должности псаломщика в Коломбельском приходе, затем, уже в качестве священника, обслуживал места расселения коломбельцев в департаменте Орн. В апреле 1945 г. он был назначен настоятелем Воскресенской церкви в Бельфоре, где среди его прихожан, как и в Коломбеле, было много русских, работающих на местных промышленных предприятиях. В 1950 г. О. Евгений стал благочинным приходов восточной Франции и в 1952 г. был возведен в сан протоиерея.

О. Евгений был женат на Евгении Михайловне, ур. Кривошеевой, и у них было две дочери — старшая Людмила и Валентина (род. в 1927 г.) и два сына — Иван и Сергей, родившиеся в 1931 и 1932 гг.

Несмотря на скудость обстановки, диаконский дом был широко открыт для заезжих гостей. Посетивший в августе 1932 г. Коломбель писатель и журналист Николай Рошин, например, ночевал у о. Евгения:

На ночь я остановился у дьякона, широкогрудого жизнерадостного человека. Дьяконом он стал случайно, — студент из семинаристов, наследственно прилежный к церкви, уехал в Париж делегатом на церковный съезд и неожиданно для всех вернулся дьяконом. Вечером мы поджидали его с завода: матушка и четверо детей, из которых нетерпеливее всех — двухлетний Ванька, Ванька-разбойник, известный всему краю весельчак и задира, большеглазый и загорелый до того, что даже каменный живот его коричневет, частенько он без стеснения ходит нагишом.

Дьякон пришел после десяти — черный, в лохмотьях, пропахший гарью. Мылся за стеной, отплевывался, смеялся, грохотал грудным баритоном, командуя к обильному ужину. Уже все спало, когда бродили мы с ним между длинных гряд его огорода, тянувшегося далеко под гору, к самому каналу.

Вдали, над горой стояло красное высокое зарево — там выливали шлак.

П.Е. Ковалевский гостил у о. Евгения в сентябре 1934 г.:

У о. диакона — четверо детей: две девочки и два мальчика и очень милая жена. Как они живут, просто не понимаю. Получает он 700 фр. в месяц, и на это надо нанять квартиру, купить уголь и прокормить, и одеть шестерых. Редко видел таких упорных и стойких людей. В церкви ему дают официально 150 фр., но эти деньги уходят на дополнительные расходы. Домик у них рабочий, но уютный. Положили меня наверху, в лучшей комнате, с одним из маленьких, напоив и накормив, чем могли, очень обильно и хорошо.

О. Евгений служил вдохновенно, и у него был прекрасный голос. Среди недостатков кипящего энергией диакона Евгения Попова (чем-то напоминающего диакона Ахиллу из «Соборян» Лескова) были некоторая несдержанность и нетактичное обращение с людьми (исчезнувшие в более зрелые годы). У него не раз возникали конфликты с теми или иными русскими коломбельцами. После его посвящения в священники, в 1943 г., эти свойства привели к заострению его отношений с настоятелем, о. Павлом Голышевым. Но благодаря мудрому духовному руководству митр. Евлогия мир вскоре водворился в приходе. Назначенный в 1945 г. в Бельфор о. Евгений в течение 36 лет был там прекрасным настоятелем.

Церковные старосты и хозяйство прихода

В приходах митр. Евлогия, живущих по правилам приходского устава 1918 г., роль выбранного прихожанами церковного старосты была весьма значительной. На старосте лежали все хозяйственные заботы прихода, но он также был главным помощником настоятеля в ряде иных вопросов приходской жизни.

2 декабря 1928 г. был выбран в старосты Александр Георгиевич Стрельник, помощник заведующего столовой для русских рабочих. Он стал также казначеем прихода и оказался вполне на своем месте.

В докладе Епархиальному управлению от 29 июля 1929 г. о. Михаил Соколов подчеркивал эффективность деятельности А.Г. Стрельника в деле сбора тех 5 франков, которые прихожане обязались ежемесячно вносить на содержание священника и храма. Одной из причин его успеха было то, что «неудобно отказать» помощнику заведующего кантиной. Но теперь, когда он ушел со своей службы, деньги стали поступать труднее. Мешает сбору средств и текучесть состава прихода: многие, отбив срок по контракту, уезжают в другие места Франции. О. Михаил огорчается, что, несмотря на все старания, «хозяйство церковное очень бедно. Нет до сих пор даже второго облачения на св. престол и жертвенник, повседневное священническое облачение истрепалось, и переменного ему нет».

28 февраля 1930 г. А.Г. Стрельник обратился к о. настоятелю с просьбой об освобождении его от должности старосты «вследствие трудности совмещения личной работы с вышеупомянутой деятельностью». 23 марта 1930 г. общее собрание прихожан избрало старостой Василия Софроновича Яструбецкого.

Во Франции в то время стал разрастаться экономический кризис, оказавший влияние и на финансовое положение прихода. 24 марта 1931 г., в совместном обращении в Епархиальное управление, о. Михаил и староста Яструбецкий указывали, что «доходность церкви за истекший 1930 г., по сравнению с прошлым 1929 г., сильно упала» и будущее, «принимая во внимание настоящий экономический кризис, представляется полным самым плохим, в денежном смысле, возможностей». 5 апреля 1930 г., на общем приходском собрании было решено «произвести специальный сбор по подписным листам для образования фонда помощи безработным при Свято-Сергиевской православной церкви в Коломбеле» и «войти в соглашение с владельцами местных русских ресторанов на предмет выдачи безработным и больным удешевленных

обедов по талонам, выдаваемым приходским советом и оплачиваемым им же владельцам ресторанов заранее».

28 февраля 1931 г. пришлось констатировать на общем собрании, что «положение сильно ухудшилось и особенно в отделе самообложения, несмотря на энергичные меры, принимавшиеся приходским советом». Нелегки были обязанности церковного старосты и его деятельность часто создавала ему противников. 23 марта 1932 г. Яструбецкий, доведенный до этого шага недоброжелательством некоторых прихожан, попросил о. Михаила об освобождении от должности. Но на общем собрании, созданном 12 июня, после объяснений, данных церковным старостой, было постановлено:

После обмена мнениями присутствующих членов собрания выяснилось, что уход был вызван тяжелой моральной обстановкой, созданной для церковного старосты без всяких к тому оснований небольшой группой членов прихода, а посему собрание просит В.С. Яструбецкого продолжать его работу на пользу церкви и выставить его кандидатуру на сегодняшних выборах на должность церковного старосты.

В.С. Ястребецкий согласился вновь представить свою кандидатуру и был переизбран 32 голосами (на 54). В следующем году, на приходском собрании 5 марта 1933 г., ему была «за самоотверженную работу» выражена благодарность прихожанами. Но меж тем у старосты Яструбецкого оставалось много противников. 18 апреля 1934 г., препровождая протокол приходского собрания в Епархиальное управление, о. Михаил донес о его неудовлетворительных итогах:

Я как настоятель могу удостоверить и считаю своим долгом Вам донести, что собрание и вообще большинство прихожан настроены против церковного старосты и казначея [В.Я Чайкина⁵⁷], считая и их финансовый отчет за 1933 год, и вообще деятельность неудовлетворительными. После собрания часть прихожан заявила мне, что они в связи с последним общим собранием не находят возможным участвовать дальше в самообложении и даже предполагают

выйти из прихода. Наконец церковный староста и весь состав ревизионной комиссии подали заявление о своем отказе от занимаемых ими должностей.

О. Михаил просил об отмене постановлений собрания и о разрешении провести новое, что ему было предоставлено постановлением Епархиального совета. Второе общее собрание имело место 20 мая 1934 г. Отчет старосты за 1933 г. был утвержден. Затем обсуждалось «заявление церковного старосты В.С. Яструбецкого о сложении им с себя обязанностей церковного старосты». Постановили его отставку принять, но предоставить ему «право жить, как и прежде, в церковной сторожке, в районе ограды, до тех пор, пока он не найдет себе помещения для жилья». Новым старостой был избран Д.П. Широчинский⁵⁸ и страсти вскоре успокоились.

24 сентября 1934 г. в Епархиальном совете констатировали, что приход «после пережитого большого кризиса оправился благодаря усердию и деятельности нового церковного старосты и казначея. Приход не только уплатил долги, но и соорудил каменную двухэтажную колокольню, в нижнем этаже которой устроено помещение для собраний приходского совета и комната для сторожа». 25 февраля 1935 г. Епархиальный совет отметил, что за истекший год Коломбельский приход «усилился духовно и материально» и его «денежное хозяйство приведено в порядок и окрепло настолько, что год сведен благополучно, с погашением долговых обязательств».

И дальше приходской совет, при деятельном участии старосты Широчинского, секретаря Нелипа⁵⁹ и казначея Цымбала⁶⁰ продолжал успешно работать на благо прихода. 30 мая 1937 г., на приходском собрании, все трое были переизбраны единогласно открытым голосованием. 6 марта 1938 г. на приходском собрании был впервые избран в приходской совет Александр Данилович Арестов.⁶¹

2 мая 1938 г. Епархиальный совет решил особо «отметить внимательное отношение Коломбельского

прихода к материальному положению своего причта и повышающего все время содержание его в связи с ростом дороговизны жизни и до известной степени с увеличением заработной платы прихожан».

Церковная жизнь

В большинстве своем прихожане Св.-Сергиевской церкви были рабочими СМН с семьями. Но круг прихожан был все же шире: храм посещали и иные местные русские эмигранты, а также православные — не русские. В церкви бывали и русские парижане, отдыхающие на Нормандском побережье или гостившие у знакомых в окрестностях г. Кан. Но таких летних посетителей воскресных литургий выследить невозможно. Среди событий, вовлекших в коломбельский храм приезжих русских парижан, отметим отраженную в метрических записях прихода свадьбу, 12 июля 1937 г., псаломщика Введенской церкви в Париже Димитрия Андреевича Клепинина (33 г.) и Тамары Федоровны Баймаковой (40 л.). Свидетелями жениха были штабс-капитан Александр Гаврилович Ергин и подпоручик Владимир Гаврилович Цымбал, свидетелями невесты — Петр Владимирович Ярославский⁶² и Тамара Гавриловна Пимененко. Принявший сан в том же году о. Димитрий Клепинин, настоятель Покровского храма на ул. Лурмель в Париже и ближайший сотрудник матери Марии (Скобцовой), был, как и она, арестован немцами в феврале 1943 г. и погиб в лагере Дора в феврале 1944 г. В 2004 г. он был причислен к лику святых Священным синодом Константинопольского Патриархата.

На основе данных из метрических книг Коломбельского храма, нами была составлена таблица, отображающая крещения в довоенные годы. На ней указано вероисповедание родителей и их национальность (но только в отношении русских и французов). Отмечены также обращения в православие.

Крещения в 1925–1939 гг.

1925: 1 Пр./пр.: 1 Рус./фр.: 0	1926: 6 Пр./пр.: 5 Пр./кат.: 1 Рус./фр.: 1	1927: 24 Пр./пр.: 17 Пр./кат.: 4 Рус./фр.: 0	1928: 23 Пр./пр.: 14 Пр./кат.: 9 Рус./фр.: 0	1929: 19 Пр./пр.: 10 Пр./кат.: 8 Рус./фр.: 1
1930: 31 Пр./пр.: 15 Пр./кат.: 16 Рус./фр.: 3 Обращено: 3	1931: 36 Пр./пр.: 24 Пр./кат.: 11 Рус./фр.: 2 Обращено: 1	1932: 24 Пр./пр.: 17 Пр./кат.: 7 Рус./фр.: 3 Обращено: 1	1933: 22 Пр./пр.: 4 Пр./кат.: 14 Рус./фр.: 5 Обращено: 2	1934: 31 Пр./пр.: 16 Пр./кат.: 15 Рус./фр.: 9
1935.: 17 Пр./пр.: 10 Пр./кат.: 6 Рус./фр.: 1 Обращено: 1	1936: 18 Пр./пр.: 8 Пр./кат.: 9 Рус./фр.: 3 Обращено: 1	1937: 16 Пр./пр.: 4 Пр./кат.: 11 Рус./фр.: 3	1938: 23 Пр./пр.: 9 Пр./кат.: 13 Рус./фр.: 4 Обращено: 1	1939: 21 Пр./пр.: 7 Пр./кат.: 10 Рус./фр.: 3

За период 1925–1939 гг. общее количество крещений, произведенных духовенством коломбельского прихода, — 312, т.е. (учитывая 2 первых года с немногими требованиями) в среднем около 20 крещений в год. За все эти годы было также совершено 10 обращений в православие. При 161 крестинах (51,5 %) оба родителя были православными. При 134 крестинах (42 %) матери были католичками. Помимо католиков встречаются старообрядцы, протестанты, армяно-григорианцы, мусульмане. При 6 крестинах оба родителя были греко-католиками (униатами).

За все эти годы было только 38 крестин, при которых отец был русский, а мать французская гражданка. Низкая цифра жен французов на таблице объясняется двояко: во-первых, по большей части матери католички были не француженками, а поляками или западными украинками-униатками; во-вторых, даже в тех случаях, когда их брак имел место в православной церкви, дети русских и французов в большинстве крестились и воспитывались в католичестве.

Статистика церковных браков — ценное указание об уровне духовной жизни прихода. На основе записей

в метрических книгах, нами была составлена следующая таблица.

Браки в 1927–1939 гг.

1927: 2 Пр./пр.: 2 Рус./рус.: 2	1928: 1 Пр./кат.: 1	1929: 8 Пр./пр.: 6 Пр./кат.: 2 Рус./рус.: 6 Рус./фр.: 1 Рус./пол.: 1	1930: 8 Пр./пр.: 6 Пр./кат.: 2 Рус./рус.: 3 Рус./фр.: 1 Рус./пол.: 4	1931: 7 Пр./пр.: 6 Пр./кат.: 1 Рус./рус.: 4 Рус./пол.: 2
1932: 10 Пр./пр.: 5 Пр./кат.: 5 Рус./рус.: 3 Рус./фр.: 2 Рус./пол.: 2	1933: 5 Пр./пр.: 1 Пр./кат.: 4 Рус./рус.: 1 Рус./фр.: 2 Рус./пол.: 2	1934: 5 Пр./пр.: 4 Пр./кат.: 1 Рус./рус.: 2 Рус./пол.: 2	1935: 6 Пр./пр.: 3 Пр./кат.: 3 Рус./рус.: 1 Рус./пол.: 4	1936: 7 Пр./пр.: 1 Пр./кат.: 6 Рус./рус.: 1 Рус./фр.: 3 Рус./пол.: 3
1937: 7 Пр./пр.: 4 Пр./кат.: 3 Рус./рус.: 3 Рус./пол.: 4	1938: 9 Пр./пр.: 4 Пр./кат.: 3 Рус./рус.: 2 Рус./фр.: 4 Рус./пол.: 1	1939: 4 Пр./пр.: 2 Пр./кат.: 2 Рус./рус.: 1 Рус./пол.: 3		

На первом месте в таблице указано вероисповедание жениха, на втором — невесты. Почти все женихи были русскими и православными, две невесты были протестантками. У двух невест было болгарское подданство, у одной — чехословацкое гражданство и еще у одной — югославское подданство. За период 1927–1939 гг. церковных браков было всего 79 (в среднем — 6 в год). В 45 случаях (57 %) оба бракосочетавшиеся были православными, в 32 случаях (40,5 %) — жених был православный и невеста католичка. 25 свадеб (33 %) были чисто русскими. В 13-ти из них (17 %) жених был русский, а невеста — француженка. В 31 свадьбе (41 %) жених был русский, а невеста — польская гражданка, либо католичка (или униатка), либо православная.

Несмотря на отдаленность храма от некоторых рабочих поселков и на трехсменный график работы на

заводе, в воскресные и праздничные дни литургию посещало немало верующих. Пасха Господня наполняла храм и церковный двор. Н.Н. Гукович вспоминает о днях своего детства:

Не все посещали церковь. Те, кто женились на француженках, польках или униатках в церковь не ходили. Но большинство ходило в церковь. Главной причиной было желание встретиться вне рабочего места. СМН занимала большое пространство и русские только изредка встречались на рабочем месте. Они только у церкви могли говорить по-русски, обмениваться новостями. Они таким образом несколько утоляли ностальгию по своей стране, встречаясь перед иконостасом или в ограде. Они варились в славянском соку. В воскресенье церковь была полна⁶³, люди стояли тесно, но я редко видел их стоящими во дворе, за исключением больших праздников. Женщины стояли налево, мужчины — направо, они никогда не смешивались. На всенощную приходили мало, бывали в храме только в воскресенье. У меня нет воспоминаний о всенощных. Накануне церковных служб, и особенно на Пасху, мы все умывались. У нас не было ванны, и вода кипятилась в баках, чтобы мы могли полностью вымыться. На Пасху ограда была полна и приходили даже любопытствующие французы, я на Пасху прислуживал. В церкви святости куличи и пасхи перед иконами Божьей Матери и Спасителя.

Вспоминала о праздниках в храме и Ангелина Ивановская (родившаяся в 1922 г. в Бизерте):

В центре наших праздников стояла церковь. На Рождество, конечно, когда дети ходили с большой раскрашенной звездой, крутя ей вот таким образом, от одного дома к другому. Двери открывались, и они получали конфеты. Но главным праздником была Пасха. Готовили куличи, пасху, красили яйца. В субботу, к ночному богослужению, матери всегда приносили корзинки с куличом и покрашенными яйцами, чтобы их освятил священник. Затем каждый возвращался домой, где большой стол был заготовлен заранее. Первый кто подымал бокал восклицал: «Христос Воскресе!» и застолье ему отвечало. И сразу же закусывали кусочком селедки с крутым яйцом, и начинался обильный ужин с закусками, холодным мясом и с куличом вместо хлеба, соленое и сладкое прекрасно перемешивалось. В вос-

кресенье мужчины ходили в гости к дамам, которые их ожидали с пирогами, закусками, графинчиком водки. Они иногда возвращались немного навеселе! В понедельник дамы ходили в гости друг к другу и соревновались в кулинарных талантах.⁶⁴

С весны 1929 г. регентом церковного хора был Г.М. Бахалов. Подпоручик и чтец Георгий Михайлович Бахалов (1899–1965 гг.), участник Гражданской войны на юге России, в ноябре 1920 г. эвакуировался в Галлиполли. Затем, в составе Александровского военного училища, был переведен в Болгарию и позже выехал во Францию. Он занимал должность регента церковного хора в течение всех довоенных лет и долгое время после войны. Бахалов был членом приходского совета, казначеем прихода и короткое время (1951–1953 гг.) — церковным старостой. В 1933 г., в 34-летнем возрасте, Г.М. Бахалов женился на французенке, учительнице Антуанетте Лекорню, детей у них не было. Жили Бахаловы в Коломбеле в отдельном доме, «недалеко от кладбища», вспоминает Н.Н. Гукович. Георгий Михайлович «работал в химической лаборатории СМН, в должности младшего служащего. Ходил он всегда в косоворотке».

В 1930 г. было решено хор вывести из его «любительского» положения. Постановили, что отныне «платный хор должен петь на литургиях в воскресенье и на всенощных под двенадцатые праздники. Плата одному голосу за службу 10 фр., и из этого расчета в смету введено 4 000 франков». Позже, когда экономическое положение прихода стало значительно ухудшаться, плата из приходский сумм была отменена и введена кружка «на хор».

Уже в 1929 г., по свидетельству П.Е. Ковалевского, коломбельский церковный хор был «очень хороший». Неоднократно хору и его регенту выражалась благодарность от приходского собрания и от митр. Евлогия. В июле 1930 г. посетивший Коломбель Н.Н. Кедров в письме митр. Евлогию упомянул о «стройном, одухотворенном пении хора». Порой церковный хор превращался в светский.

В августе 1932 г. диакон Евгений Попов рассказывал Николаю Рошину:

У меня отрада большая — хор. От предков — любовь к пению. Начали со смешного — никто, конечно, не знал, не учился. /.../ Пели мы в церкви семь человек. Послушали нас как-то французы, и вот однажды — приглашение в город на благотворительный вечер. Очень волновались — какие мы певцы! Вышли, начали петь, и слышим, что плохо, перепугались. И чем же кончилось — уехали охрипшие с деньгами, с подарками. А через неделю пригласили уже в частный дом, к одному богачу. Давал бал. И там — шампанское и по сто франков на человека. С тех пор прямо в славу вошли, а казалось бы — перед музыкальным человеком и петь стыдно — что за пение!

Недолгое время наряду с приходом в Коломбеле существовал русский православный приход и в Див-сюр-Мер. Здесь, на берегу моря, в 20-ти километрах на северо-восток от Кана, в 1920-х годах образовалась русская рабочая колония. Известно о ее существовании с марта 1926 г. Настоятель коломбельского прихода изредка посещал дивских православных, и на месте было найдено подходящее помещение для церковных служб. Но в середине 1930-х годов у дивской общины возникла мысль соорудить настоящую постоянную церковь, приписанную к Коломбельскому храму и обслуживаемую его настоятелем. В ноябре 1936 г. 37 православных из Див-сюр-Мер обратились к митр. Евлогию с прошением:

Мы, нижеподписавшиеся, имеем честь смиренно ходатайствовать пред Вами о разрешении открыть у нас в Див постоянную церковную общину в честь Покрова Пресвятыя Богородицы, приписную к Коломбельскому православному приходу. От Свято-Сергиевской церкви в Коломбеле мы находимся в 18-ти километрах, и это обстоятельство не дает нам возможности часто в ней бывать, желание же иметь богослужения большое.

Подготовительные действия к открытию общины нами произведены: дирекция завода по нашей просьбе уже отвела просторную комнату для оборудования церкви;

настоятель Коломбельского прихода священник о. Михаил Соколов, которому Вы поручили обслуживать православных в Нормандии, дал дирекции завода и нам свое согласие периодически совершать богослужения, а Коломбельский приходской совет отпустил нам во временное пользование иконы для иконостаса и некоторый инвентарь.

В субботу 14 ноября [1936 г.] о. Михаил совершил у нас всенощную, а в воскресенье 15-го, при большом стечении верующих и присутствии директора завода — божественную литургию и молебен. После богослужения состоялось общее собрание, на котором о. Михаил познакомил нас с тою работою, которая была произведена для открытия общины и предложил нам избрать, впредь до Вашего милостивого решения, временный церковный комитет, которому необходимо поручить руководство активной подготовительной работы. Означенный комитет был выбран в составе господ Г.И. Скоблика, Я.Л. Бармы и Н.К. Спицына.

Основание церковной общины в Див-сюр-Мер было одобрено Епархиальным советом митр. Евлогия 21 января 1937 г. Было постановлено: «Принять к сведению и исполнению благословение Его Высокопреосвященства на открытие церковной общины в гор. Див, с назначением храмового праздника в честь Покрова Пресвятыя Богородицы» и «означенную общину числить приписною к Коломбельскому приходу».

Летом 1938 г. Див-сюр-Мер посетил митр. Евлогий. В декабре о. Михаил ему писал: «После Вашего летнего приезда в Див, там произошло большое изменение: приходской совет разрушил и перестроил церковь. Теперь она в два раза больше, чем была раньше, и имеет очень просторный алтарь».

Церковная ограда и Св.-Сергиевский храм

В конце 1930-х годов митр. Евлогий вспоминал:

Храм во имя Преподобного Сергия Радонежского окружен прекрасным цветником с тропическими растениями, с клумбами... Завод дал еще кусок пустыря, чтобы его обработали. Приход на церковной земле выстроил «Русский

приходский дом». Еще раньше здесь же была устроена колокольня, приобретены колокола; в нижнем этаже колокольни помещается библиотека, комната для заседаний приходского совета и комната для сторожа.⁶⁵

Капитальным строительством колокольня была воздвигнута лишь в 1934 г., когда удалось собрать на ее постройку достаточно средств. П.Е Ковалевский, сопровождающий в сентябре 1934 г. в Коломбель митрополита Евлогия, так описывает церковную ограду: «Около церкви возвышается только что отстроенная колокольня, а под ней — две комнаты «церковного дома». К сожалению, постройка не закончена, но все же видно, что сделано много. Кругом цветы, фонтаны, все сделано с любовью и необычайно красиво». Тогда же был освящен митрополитом малый купол для колокольни.

Работы в церковной ограде были вскоре завершены, и к десятилетию основания прихода она приняла нарядный вид. 14 сентября 1936 г. Епархиальный совет с удовлетворением констатирует:

Рядом с храмом сооружена колокольня с набором колоколов, в нижнем этаже которой находится библиотека и комната церковного старосты. Вокруг храма разведен прекрасный цветник, поддерживаемый заботами старосты Д.П. Широчинского, неустанного труженика на пользу храма и прихода. К десятилетию со дня основания церкви построено на церковной усадьбе особое здание, где помещается зал для собраний. Это здание было открыто и освящено также в день посещения Владыки Митрополита. В этом зале состоялось под председательством Его Высокопреосвященства собрание многочисленных прихожан (зал может вместить более ста человек) на котором настоятель сообщил историю прихода и его храма, дал многочисленные интересные статистические справки, а прибывший с Владыкою Митрополитом архимандрит Никон⁶⁶ прочел доклад на тему «Преподобный Сергий и судьбы России», поднявший дух слушателей и укрепивший их веру в грядущее спасение России.

Св.-Сергиевский храм в Коломбеле обогащался иконами и утварью в течение всех лет своего существования.

Иконы, украшающие храм в 1930-е годы, были отчасти уничтожены в июне 1944 г. Некоторые из них, менее пострадавшие от бомб и снарядов, были спасены, отреставрированы и поныне способствуют нарядности убранства церкви.

В марте 1927 г. в «воззвании православным людям» о. Димитрий Троицкий писал: «Храм уже построен. Мы должны придать ему русский православный вид. Многие прихожане предложили свой труд написать иконы, сделать внутреннюю уборку храма, приготовить подсвечники, аналои и другую церковную утварь». Он в том же месяце докладывал митр. Евлогию:

Нашлись люди, которые предложили свой труд — написать иконы, сделать внутреннюю уборку храма, насадить около храма цветник, выточить подсвечники, аналои и прочую церковную утварь. На холст, краски, художественные материалы и дерево нужно не мало средств. С помощью Божией, я надеюсь, что и этот последний этап строительства пройдет без особых затруднений. /.../ Сейчас мы приступаем к написанию икон в иконостасе и к внутренней уборке храма. Эта работа займет весь Великий пост.

6 мая 1928 староста Слепушки докладывал прихожанам:

Пришлось заново перекрасить внутренность храма: как стены, так и потолок в надлежащий цвет, а также и алтарь, пополнить и исправить иконопись, устроить клиросные ограды, аналои, подсвечники, паникадила. Приобретена люстра, серебряные, позолоченные сосуды: чаша, дискос, лжица, тарелочка, ковшик. Получено в собственность церкви из Биаррицкого прихода полное священническое облачение, Евангелие, дарохранительница и прочее. Освящен храм. Получена от Высокопреосвященнейшего Владыки Митрополита Евлогия икона Черниговской Божией Матери и от протоиерея Спасского икона Христа Спасителя. В ноябре получено было от попечительницы г-жи Доом на ремонт храма 1 000 фр. Большим украшением храма послужили 2 иконы в киотах от Галлиполийцев, одна от Алексеевцев, другая от Дроздовцев и 2 хоругви-иконы, пожертвованные церкви местным казачьим объединением.

Церковная утварь храма приобреталась, но постепенно. 29 июля 1929 г. о. Михаил Соколов докладывал: «Икон в церкви мало, Голгофы и запрестольного креста совсем нет. Ремонт и покраска ведутся своими силами». 18 октября того же года ему писали из Епархиального управления, что присылается в Коломбель книга «Апостол», и икона «Благовещение». Икон Св. Троицы и св. апостолов Петра и Павла пока не имеется, но они будут высланы «по получении их из румынского синодального склада». 5 апреля 1931 г. на годичном собрании прихожан указывалось, что известная благотворительница и парижский церковный деятель М.В. Ратькова-Рожнова⁶⁷ подарила церкви «безвозмездно много икон и плащаницу».

О том, как расписывался храм в 1930-е годы, вспоминал митрополит Евлогий:

О. Михаил пригласил отличного живописца, который украсил всю церковь стенными иконами. Главная икона — изображение в рост человеческий Преподобного Сергия Радонежского; вокруг нее небольшие иконы его учеников: каждая из них дар, принесенный Коломбельскому храму монашествующими друзьями о. Михаила из Богословского Института⁶⁸. Инженер Григорьев, один из главных тружеников по постройке храма, опоясал церковь тропарем Преподобному Сергию, написав его славянской вязью.⁶⁹

К десятилетнему юбилею прихода в 1936 г. году стали готовиться, в частности, путем украшения храма. На заседании Епархиального совета 14 сентября 1936 г. было доложено по этому поводу: «Храм непрерывно благоукрашается, произведена прекрасная роспись орнаментов прихожанином Н.М. Григорьевым. Иконостас и стены украшены большими, высокохудожественными иконами художника Сергеева. Самый состав икон отвечает мысли изобразить в этом храме, посвященном Преподобному Сергию Радонежскому, иконы его учеников». Полковник Василий Васильевич Сергеев (1877–1946 гг.), член Общества «Икона», был известным в те годы ико-

нописцем. Он участвовал, например, в росписи иконостаса Св.-Алекса́ндро-Невского храма в Льеже. В письме старосте А.Л. Чернобаеву от 2 июля 1945 г., в пору, когда ему была поручена приходом задача восстановления иконописи в Коломбельской церкви, он указывал: «Вам конечно известно, что я писал все иконы в коломбельском храме (кроме некоторых, писанных Григорьевым и Стеллецким)».

Иконы Св.-Сергиевского храма отражали не только желание обеспечить подобающее убранство православному храму. Они также были вкладом памяти прихожан о родных и о себе, о чем свидетельствуют дарственные надписи на некоторых из них. Н.Н. Гукович, например, нам поведал: «Налево от входа, посередине, установлена большая икона: икона Святого Николая, покровителя моряков. Это икону принесла в дар церкви моя мать в 1937 г., в память о моем отце, который был моряком, и потому что меня также зовут Николаем». На большой иконе Св. Трифона Вятского можно прочитать: «В память рабов Божиих иерея Гавриила и Екатерины» — эта икона была сооружена в память родителей о. Александра Ергина. Под иконой святых Зосимы и Савватия Соловецких сохранилась надпись о том, что она «сооружена группой Терских казаков в Коломбеле в молитвенную память умерших воинов» (указано 14 мужских имен, а также «Николай и Надежда»). Икона св. Татианы (на левой стене храма) была сооружена в память родителей Поликарпа и Татианы старостой Дмитрием Поликарповичем Широчинским (1934–1941 гг.).

Приходская школа

Впервые мысль открыть русскую приходскую четверговую⁷⁰ школу возникла в 1928 г. у о. Иакова Ктитарева. Главной трудностью в этом отношении было отсутствие подходящего помещения, так как попытки таковое получить от СМН не увенчались успехом. Но школа тем не

менее открылась. 10 марта 1929 г. о. Михаил Соколов докладывал на общем собрании прихожан:

В области просветительства необходимо упомянуть о недавно открывшейся и уже функционирующей церковно-приходской школе. Трудности при этом необходимейшем начинании были весьма велики и главная их них — отсутствие помещения. Занятия производятся пока в частной квартире, но есть надежды, хотя очень слабые, на наем специальных нескольких комнат на стороне. Занятия производятся по четвергам и посещаются 12-тью девочками и 3-мя мальчиками, которым преподается Закон Божий, русский язык и география России. Несмотря на трудности, с Божьей помощью и при всеобщем усилении прихожан, дело обещает расширяться.

Побывавший в Коломбеле в мае 1929 г. П.Е. Ковалевский писал, что, по рассказу о. Михаила, школу «посещает до 60 человек» и что «скоро будет сто». 8 июля 1930 г., митр. Евлогий сообщил о. Михаилу: «Преподается Божие благословение /.../ Т.М. Пчелянскому и его супруге за предоставление помещения для школы и безвозмездное преподавание. Учительнице Н.С. Поповой за безвозмездное преподавание. Попечительнице школы баронессе Е.С. Кеппен за заботы ее о школе».

Школой в те годы заведовали Т.М. и А.И. Пчелянские, и запись детей производилась у них на дому. Тимофей Максимович Пчелянский (1892–? г.), прапорщик флота, участник Гражданской войны на юге России, приехал в Коломбель из Бизерты с женой и двумя дочерьми в сентябре 1922 г. Его супруга Александра Ивановна (1895–? г.) была профессиональным педагогом, также как и учительница Нина Семеновна Попова, ур. Толстая (1895–1991 гг.).

В первые годы, до постройки прицерковных зданий, занятия происходили на дому у родителей, где по очереди собирались дети одного возраста или уровня. Помимо Пчелянских и Поповой, преподавала в школе еще и Мария Николаевна Гусарова, супруга В.Д. Гусарова⁷¹, а также (Екатерина Мелетьевна?) Данилова, жена заводского санитаря.

17 июня 1932 г. о. Михаил Соколов писал в Епархиальный совет, что получил прошение от «педагогического совета русской четверговой школы в Коломбеле о принятии ее в ведение прихода и о присвоении ей названия Коломбельской церковно-приходской школы». Приходской совет постановил «принять с сегодняшнего числа русскую четверговую школу в Коломбеле в ведение Св.-Сергиевского православного Коломбельского прихода, применительно к главе 9-ой приходского устава». 5 марта 1933 г. решение приходского совета было единогласно одобрено на очередном годовичном приходском собрании.

18 октября 1938 г. П.Е. Ковалевский отмечал в своем дневнике: «Днем у меня была учительница из Коломбеля, [Н.С. Попова] рассказывала о школьных невзгодах у них в колонии. Казаки не соглашаются посылать детей в русскую школу, так как «они сперва казаки, а потом русские», и существует две параллельные школы по 30 детей, что осложняет дело». Действительно, осенью 1934 г. отдельно от приходской школы, открылась в помещении французской школы «станичная четверговая школа им. атамана Каледина». Ей руководил донской казак, член Войскового круга, Григорий Прокопьевич Дощечников. В 1930 г. он покинул завод СМН, но остался в Коломбеле и стал зарабатывать на жизнь столярным делом, а позже и оплатой его педагогической деятельности (он также руководил одним из местных русских хоров). Как и приходская, казачья школа организовала детскую елку в январе месяце. Закон Божий в ней преподавал о. Михаил Соколов.

Особая казачья школа, видимо, не пережила военного времени. В сентябре 1943 г., принимая приход от о. Михаила Соколова, новый настоятель храма иером. Павел Голышев писал: «При приходе существует детская четверговая школа, в которой преподается Закон Божий о. настоятелем и русский язык, и история России двумя учительницами. Дети, по своим знаниям, разбиты на три

группы. Существует два параллельных отделения школы: одно в Colombelles, другое в Giberville».

Глава 5. Коломбельский приход в военное лихолетье (1940–1946 гг.)

Приход под немецкой оккупацией (1940–1944 гг.)

В сентябре 1939 г. Франция вступила во Вторую мировую войну. Военное время отразилось на приходской жизни еще до немецкой победы в июне 1940 г. 21 января 1940 г. состоялось заседание приходского совета, созванное о. Михаилом Соколовым с целью обсуждения положения, созданного новыми обстоятельствами. В своем докладе настоятель указал, что, так как прихожане-рабочие мобилизованы на заводе и работают в три смены, включая воскресенье, созывать общее собрание — нецелесообразно: «Кроме малочисленности, оно может быть и совершенно случайного состава, свободных от работы в этот день прихожан, и его решения могут носить такой же случайный импровизированный характер, без знания техники и навыков в работе на пользу прихода, и не исключена возможность, что решения эти будут вредными и разрушать с таким большим трудом налаженную организацию работы в приходе.» Было решено продлить в 1940 г., без перевыборов, полномочия старосты Д.П. Широчинского, его помощника Г.М. Климова⁷², казначея В.Г. Цымбала и секретаря П.П. Нелипа.

После оккупации немцами северной Франции и ее западного побережья военные действия прекратились 22 июня 1940 г. 8 августа 1940 г. о. Михаил написал длинное письмо митр. Евлогию о новой обстановке в приходе. Большинство прихожан, указывал он, пока никуда не уезжали.

Церковная жизнь у нас идет, слава Богу, относительно нормально, насколько это возможно. Посещаемость церкви не уменьшилась. Во время Петрова поста ежедневно служились, для укрепления верующих, молебны с акафистами, а

в каждый воскресный день после литургии с начала войны молебен обязательный для всех. Работы по росписи церкви, несмотря на всё это, ведутся и близки к завершению. Относительно взносов самообложения пока еще трудно сказать, но можно ожидать ухудшения, т.к. из-за безработицы материальное положение прихожан конечно значительно изменилось.

4 января 1941 г. о. Михаил, описывая трудные обстоятельства прихода в условиях военного времени, писал митр. Евлогию: «Все это, конечно, сильно меня беспокоит: и судьба моих духовных детей, с которыми я так сжился за 12 с лишним лет совместной жизни, и судьба нашего дорогого храма и его с таким трудом собранного имущества, каждая вещь которого (я говорю не только об иконах, число которых уже превышает сотню) сделана в память усопших родственников пожертвовавшего, и судьба моей собственной семьи...».

Приходское собрание удалось созвать только 8 июня 1941 г. Оно решило, «ввиду изменившихся обстоятельств, главным образом отлива прихожан на работы в Германию, статью прихода по самообложению здесь на месте установить, учитывая и еще возможный отлив прихожан». Также было постановлено «содержание причта установить в зависимости от действительных возможностей и сложившихся обстоятельств, /.../ предоставив приходскому совету право в течение года производить изменения, повышая или понижая произведенную по статье ассигновку». Был выбран единогласно открытым голосованием новый церковный староста — Ф. Д. Мануйлов⁷³, его помощником был избран Н. А. Смирнов⁷⁴.

21 июня 1941 г. о. Михаил обратился в Епархиальное управление. Упомянув, что «постановлением Епархиального совета Дивский приход закрыт как самостоятельная единица ввиду разъезда на работы прихожан», он просил разрешения оставить в Коломбеле новый дивский антиминс, а сдать вместо него старый, коломбельский.

10 ноября 1941 г. диакон Евгений Попов известил члена Епархиального совета архимандрита Никона, что он, как и другие, собирается уехать на работу в Германию. Тем не менее, указывал о. диакон: «Церковная приходская жизнь у нас проистекает под знаком благополучия. Много уехавших прихожан, а также оставшиеся семьи поддерживают связь с приходом, в результате получилось некоторое улучшение. О. Михаилу трудно, но выходит из положения, думаю и в дальнейшем Господь Бог поможет ему в служении».

Отъезды из Коломбеля в Германию, вызванные все ухудшающимся положением русских рабочих на заводе, в эти месяцы приняли повальный характер. 9 декабря 1941 г. о. Михаил писал в Епархиальное управление, что в Германию уехали помощник старосты Н.А. Смирнов, казначей В.Г. Цымбал, секретарь П.П. Нелипа и член совета И.И. Синявский: «первые два остались совсем без работы, а Нелипа и Синявский должны были в скором времени лишиться ее». Все они просили освободить их от должности и в совете осталось теперь всего пять человек.

В декабре 1941 г., как и прочие русские приходы митр. Евлогия, Коломбельский приход предоставил ряд предметов церковной утвари парижскому Комитету взаимопомощи русской эмиграции во Франции⁷⁵. Объявленной целью была передача пожертвованной церковной утвари православным храмам, открывающимся на занятой немцами территории СССР. Но в большинстве случаев эти пожертвования были переданы православным общинам русских пленных и перемещенных лиц в самой Германии. Коломбельский приход пожертвовал «комплект священнического облачения», «покров белой материи», книгу Апостол и 10 икон.

Приходское общее собрание, состоявшееся 29 марта 1942 г., прошло при председателе о. Михаиле, тов. председателя Ф.Д. Мануйлове и секретаре Г.М. Бахалове. Оно собралось лишь 10 прихожан. В протоколе отмечено увели-

чение месячного жалования отцу настоятелю (на 400 фр.) и исполняющему должность псаломщика П.В. Ярославскому (на 100 фр.).

10 июля 1942 г. о. Михаил обратился к митр. Евлогию с просьбой утвердить Ярославского в штатной должности второго псаломщика:

В вверенном мне приходе есть долголетний прихожанин Петр Владимирович Ярославский, лично Вам известный. Уже 13 лет он ревностно исполняет обязанности чтеца и певца на клиросе, не пропуская ни одного воскресного или праздничного богослужения, а когда свободен от работы на заводе, то и будничного. Помогает он мне постоянно и при совершении треб, и вообще в церковной работе. За все сие Вы наградили этого смиренного и верного труженика церковного, поставив его сначала в стихарь, а затем, в 1938 году, в иподиакона.

Свою просьбу о назначении П.В. Ярославского о. Михаил обосновал тем, что недавно вернувшийся в Коломбель после шестимесячного пребывания в Германии о. Евгений Попов нашел работу, позволяющую ему посещать храм лишь по воскресеньям. К тому же он готов при первой возможности покинуть приход, если где-либо найдет условия, дающие ему возможность лучше прокормить свою семью. Митр. Евлогий уважил просьбу о. Михаила.

26 августа 1942 г. о. Михаил оповестил Епархиальное управления о том, что в ближайшие дни он получит «ящик с иконами и церковной утварью закрывшегося Дивского прихода». Эти предметы «предназначаются для какой-нибудь из церквей в России» и будут им сданы в конце сентября, когда он предполагает приехать в Париж.

30 ноября 1942 г. о. Михаил Соколов был назначен митр. Евлогием (с 15 декабря) настоятелем Св.-Срафимовского храма в Париже⁷⁶ и замещен в Коломбеле иеромонахом Павлом (Гольшевым). 3 января 1943 г. новому настоятелю были сданы о. Михаилом «церковная печать, метрические книги, церковные документы, приходская книга, церковный архив и имущество храма».

Будущий архиепископ Павел, Георгий Павлович Гольшев (1914-1979 гг.), сын горного инженера, эмигрировал в 1918 г. за границу с родителями, которые обосновались в Бельгии. Получив в Бельгии среднее образование, он поступил в парижский Св.-Сергиевский богословский институт, который окончил в 1938 г. Постриженный в монахи в 1936 г., он в 1938 г. был посвящен во иеромонаха. С 1938 по 1942 г. он занимал должность пом. настоятеля Св.-Георгиевской церкви в Антверпене. В январе 1942 г. о. Павел был выслан немцами во Францию. После кратковременного служения в качестве пом. настоятеля в Бельфоре и Марселе, он был назначен 15 декабря 1942 г. и.д. настоятеля (затем настоятелем) Св.-Сергиевского храма в Коломбеле. Возведенный в сан игумена в мае 1945 г., о. Павел стал после освобождения Нормандии активным членом Союза советских патриотов и председателем его местного отделения.

Освобожденный от настоятельства в Коломбеле, о. Павел с 1 июля 1946 г. стал духовником основанного до войны матерью Марией (Скобцовой) объединения «Православное Дело». В 1946 г. иг. Павел выбрал юрисдикцию Московской Патриархии, и в 1947 г. был назначен настоятелем ее храма в Тулоне. В сентябре 1947 г. он уехал в СССР и был принят в братию Троице-Сергиевской лавры. Затем о. Павел был преподавателем Одесской и Ленинградской семинарии, приходским священником. В 1957 г. возведенный в сан епископа, он с 1964 г. был архиепископом Новосибирским и Барноульским, перемещен в 1972 г. на Вологодскую архиепархию, и в том же году уволен на покой. В конце 1975 г. архиеп. Павлу было разрешено выехать во Францию. Вернувшись в юрисдикцию Константинопольской Патриархии, архиеп. Павел в последние годы жизни обслуживал Св.-Николаевский храм в Брюсселе.

Н.Н. Гукович вспоминает:

О. Павла Гольшева я хорошо помню. Он много нами занимался. В его время, под оккупацией, больше не было

разведчиков, и он сам занимался детьми. В рясе, с крестом на груди, он нас водил в Коломбельский лес после литургии, проводили мы там воскресенье после обеда. Мы играли в лесу под его присмотром. Он был высокий и худой, настоящий монах, но мы, дети, его любили.

Созванное 8 марта 1943 г. о. Павлом приходское собрание единогласно выбрало в приходской совет двух новых членов: от сестричества — А.А. Яковлеву⁷⁷ и «из прихожан» — Н.М. Григорьева (отошедшего от приходских дел еще в 1927 г.).

С 1 июня 1943 г. клир Коломбельской церкви обогатился новым духовным лицом — священником Александром Семеновым-Тянь-Шанским, назначенным пом. настоятеля.

Александр Дмитриевич Семенов-Тянь-Шанский (1890–1979 гг.) окончил в 1914 г. юридический факультет Петроградского университета, а в 1916 г. ускоренные офицерские курсы при Пажеском корпусе. Он вышел в л.-гв. Егерский полк, в чине поручика воевал в Мировую войну, затем и в Гражданскую. Он эмигрировал в Берлин, позже — во Францию. Окончив Св.-Сергиевский богословский институт в 1942 г., он был рукоположен во иерея 21 мая 1943 г. и назначен вторым священником в Коломбельскую церковь.

Покинув Коломбель в январе 1944 г., о. Александр стал настоятелем храма и законоучителем в детском доме в Веррьер-ле-Бьюссон, в 1947–1955 гг. был настоятелем храма в женской обители в Розэ-ан-Бри, в 1955–1957 гг. — настоятелем Покровской церкви в Париже. В 1957–1979 гг. о. Александр занимал должность настоятеля Знаменского храма в том же городе. Постриженный в монашество в 1966 г., он был в 1971 г. посвящен во епископа Зилонского, викарного Западноевропейской русской архиепископии. Много уделяющий внимания педагогической деятельности, владыка Александр был духовным руководителем Национальной организации витязей (НОВ).

Весной 1943 г. стараниями о. Павла открылся в замке Морто-Кулибёф (Morteaux-Coulibœuf, деп. Кальвадос) «эвакуационный центр» для русских детей из мест, в которых им грозили воздушные налеты союзной авиации. Духовное окормление детей было поручено о. Александру. В сентябре 1943 г. о. Павел писал митр. Евлогию:

В связи с бомбардировками и опасностью высадки в наших краях, по настоянию французских местных властей был открыт мною детский эвакуационный центр, на неопределенный срок. Эвакуации подлежат дети, проживающие только на части территории прихода, и по желанию родителей. Сейчас в указанном центре находятся 30 детей, которые останутся там и на зиму и будут посещать местную французскую школу, а по вечерам заниматься дома по Закону Божьему и русскому языку.

В 1943 г. о. Павел также отчитывался митр. Евлогию и о своей пастырской деятельности в «двух группах военнопленных из России», которые находились в районе его прихода.

24 сентября 1943 г. диакон Евгений Попов обратился к митр. Евлогию с прошением о рукоположении его в сан иерея. Он писал: «Я окончил 5 классов Воронежской духовной семинарии и состоял студентом Харьковского Императорского университета. Для пополнения своего богословского образования я обязуюсь заниматься и сдать экзамен по Вашему указанию и в указанный Вами срок». Митр. Евлогий в тот же день принял резолюцию: «Согласен рукоположить просителя в сан иерея, с оставлением его на занимаемом месте до тех пор, пока он не сдаст испытания на звание иерея, куда он должен представить копию этой моей резолюции. А затем — к духовнику для испытания, советов и, если не окажется препятствий, к рукоположению 14/27 сего сентября».

О. Евгений приехал в Париж и посетил о. Михаила Соколова, который 27 сентября 1943 г. заявил: «По испытании совести ставленника диакона Евгения Попова пре-

пятствий к рукоположению его в сан иерея не встречаю». В тот же день о. Евгений был рукоположен митр. Евлогием в Св.-Александро-Невском соборе «с оставлением его на занимаемом месте до тех пор, пока он не сдаст экзамена на звание священника при Сергиевской духовной академии в Париже».

Не все в Коломбеле одобряли посвящение о. Евгения. Не одобрял его и настоятель о. Павел. Он донес начальству, что к нему явилась группа прихожан, заявившая, что поведение бывшего диакона «смущает их христианскую совесть» и что они выйдут из прихода в случае его назначения в Коломбель. Сам же он обвинял о. Евгения в грубости и в «пристрастии к вину» и считал, что он совершенно не подходит для работы с детьми. В итоге, о. Евгений продолжал занимать в Коломбеле лишь место псаломщика и это положение его сильно тяготило.

Конфликт между о. Павлом и о. Евгением усугубился в начале 1944 г. 31 января о. Павел обратился к митр. Евлогию с письмом, содержащим длинный перечень обвинений, предъявленных им о. Евгению. 7 февраля 1944 г., епархиальный секретарь иг. Савва⁷⁸ выслал последнему этот список в сокращенном виде. Отец Евгений обвинялся в неаккуратном исполнении своих псаломческих обязанностей и в пропаганде среди прихожан против о. Павла. К тому же он грубо ответил о. Павлу, запретившему служить молебен по просьбе местных русских военных-власовцев, а также хотел «компрометировать» о. Павла в их глазах. Он, тем не менее, позже отслужил без разрешения молебен у власовцев. О. Евгений обвинялся также в нетрезвом поведении в местном русском ресторане и во время рождественского обхода прихожан. Вдобавок утверждалось, что из-за поведения о. Евгения один прихожанин «ушел в Евангельское вероисповедание».

Митр. Евлогий поддержал о. Павла и приказал «потребовать от священника Е. Попова объяснения в изложенных здесь обвинениях». Объяснения были пред-

ставлены в письме митр. Евлогию от 23 февраля 1944 г., в котором о. Евгений отвергал почти все предъявленные ему обвинения:

«Я работаю в 15 км от моего дома, чтобы содержать семью и для того, чтобы попасть на вечерние службы, должен уходить с работы в 2 часа дня. Получаю от прихода 250 фр. в месяц содержания, которое не возмещает пропущенные рабочие дни. Нужда в самом необходимом заставляет больше работать. /.../ Между тем на все двенадцатые и большие праздники я на божественной литургии бываю». О. Евгений никогда не вел пропаганды против о. Павла, несмотря даже на то, что ему о. Павел запрещает служить литургию в коломбельском храме. По поводу запрета служить у власовцев он заявлял: «Мне было известно со слов офицера, что командир о. Павла не пропустит в воротах, поэтому во избежание неприятности, я стал просить о. Павла взять меня с собой, и он разрешил, но только петь в хоре, на что я согласился. Говорил я не в грубом тоне, а в спокойном и даже в просительном тоне. /.../ Командир заявил, что он о. Павлу не доверяет». Он, действительно, затем служил без разрешения у «русских солдат», в чем он раскаивается. «В нетрезвом виде с момента моего рукоположения во иерея ни один прихожанин не мог [меня] видеть, ибо в таком состоянии я не был, и надеюсь не увидит». «Во время обхода на Рождество я был совершенно трезв и выглядел нормально, что могут подтвердить все мои прихожане у которых мы были».

Уход по его вине прихожанина к баптистам — чистая клевета, пущенная в ход новоизбранным в совет Н.М. Григорьевым, от которого в прошлом уже много пострадал приход. В заключение о. Евгений просил митр. Евлогия назначить следствие, если у него будут сомнения в правдивости его объяснений.

Дознание по тяжбе между о. Павлом и о. Евгением было поручено митр. Евлогием о. Иакову Ктитареву. 15 марта 1944 г. о. Иаков написал обоим священникам письмо с просьбой о полюбовном примирении, прежде чем начать официальное расследование. О. Евгению он указывал: «Обстоятельства современной жизни чрез-

вычайно трудны, и я уверен, что Вы найдете в себе силу побороть всю необычайную тяжесть переживаемых волнений. Как Владыка был бы рад, если б я мог получить от Вас уведомление, сказать ему, что все с Божьей помощью ликвидировано. Такое же письмо пишу и о. Павлу».

19 марта 1944 г. состоялось общее годовое собрание в присутствии 36 прихожан. Был одобрен отчет прихода и расхода за 1943 г., представленный казначеем Г.М. Бахаловым. Ф.Д. Мануйлов был переизбран церковным старостой, Г.М. Климов — его помощником. В своем докладе о. Павел призвал к умиротворению приходской жизни:

В Церкви должен быть мир, а мы все спорим, создаем всякого рода дразги и многих заставляем этим замкнуться в скорлупе личной жизни. Мы забываем, что сейчас мы в каждую минуту можем умереть, хотя бы от первой бомбы, и предстать пред Высшим Судьей. Мы готовимся вернуться на родину. Со ссорами ли мы вернемся туда? Там жили под ужасным гнетом, что скажут они о нас, живших свободно? Они скажут: про церковь нам говорили много плохого, вот по вас теперь мы посмотрим, что она такое. И что бы они увидели? Не лучше ли и не легче ли было бы нам жить, соблюдая заповедь Христовой любви?

На этом приходском собрании состоялось примирение о. Павла и о. Евгения. 30 марта 1944 г. о. Павел писал Владыке митрополиту: «О деле о. Евгения Попова я должен сказать, что на общем собрании о. Евгений у меня попросил прощения, и я ему с радостью все простил, с условием, что он на деле покажет, что он совершенно изменил свое поведение. После чего мы братски облобызались и находимся в настоящее время в самых искренних отношениях». 17 апреля 1944 г. о. Иаков Ктитарев известил о. Павла, что дознание о его тяжбе с о. Евгением прекращается.

Человек в нравственном отношении негибкий, о. Павел не допустил к участию в голосовании на приходском собрании, из-за его «незаконного сожительства»,

влиятельного прихожанина, члена ревизионной комиссии и владельца местного русского ресторана Г.М. Мальчикова⁷⁹. Мальчиков обратился с протестом к митр. Евлогию. Получив копию жалобы от Епархиального управления, о. Павел ответил митр. Евлогию, указывая что по приходскому уставу положение Мальчикова ему не позволяет голосовать и что, к тому же, он в храме появляется только «раз или два в год». В более общем плане, о. Павел писал:

Познакомившись на личном опыте с духовностью эмиграции, я примкнул к тому числу священнослужителей, которые стараются поднять уровень этой духовности в мирянах, а прежде этого в своей собственной священнической среде, идя напрямик, не боясь искоренять встречающиеся на пути плевелы. В приходской же работе, прежде всего борюсь с нарушителями седьмой заповеди, разрушающими основу семьи. /.../ Здоровая часть моего нынешнего прихода также одобряет мое поведение, восстают же против него лишь те, которым это невыгодно, люди, которые только носят имя православных, а на деле поступают хуже язычников.

20 апреля 1944 г. митр. Евлогий получил жалобу из Коломбеля, подписанную 43 прихожанами. Они выражали свое возмущение «вредною деятельностью секретаря церковно-приходского совета г. Григорьева и его жены, исполняющей должность просвирни, выразившуюся в распространении ложных слухов и клеветы на священника о. Евгения Попова и других прихожан», а также «безобразным поведением» г-жи Григорьевой на общем собрании 19 марта, «в результате которого ушли лучшие люди прихода».

Но вскоре развернулись судьбоносные события, выявившие всю тщетность приходской смуты и разбросавшие большинство ее участников по разным уголкам французской провинции.

Разрушение храма и исход прихожан (1944–1945 гг.)

На рассвете 6 июня 1944 г. началась высадка союзных войск на нормандском побережье, открывшая новый

и драматичный период в жизни коломбельского храма. В дни боев и исхода прихожан, к тому же приход оказался без своего пастыря о. Павла, гостившего тогда в Див-сюр-Мер и оказавшегося отрезанным от Коломбеля линией фронта. 21 июня 1944 г. помощник старосты Г.М. Климов описал в письме о. Михаилу Соколову события этих первых военных дней:

Попытаюсь рассказать по порядку. Был алерт⁸⁰ в ночь с воскресенья на понедельник; по тому, как шла бомбардировка Кана и побережья стало ясно, что события приняли серьезный характер. На утро /.../ началось массовое движение немецких танковых частей через Орну, по новому деревянному мосту. Стало ясно, что мы оказались в центре операций. К вечеру было брошено англичанами несколько бомб очень крупного калибра. Разрывались на берегу Орны против наших огородов. Камнями и осколками от этих взрывов были сильно повреждены наши квартиры и дом, где жили Сальниковы⁸¹. Танки стали на позицию по дороге от кооператива и около нашей церкви. С обеих сторон начался артиллерийский огонь. Большой четырехмоторный английский авион⁸² был сбит и упал недалеко от церкви на поле Юбера и долго горел. К вечеру стало ясно, что выжить в нашем районе будет трудно. Немцы сами советовали эвакуироваться. Часов в 11 вечера начался массовый уход жителей двух бараков./.../

Сильный артиллерийский бой продолжался. Мы и оставшиеся отсиживались в погребах нашего дома. К нам присоединились Сальниковы. Снаряды почти непрерывно летели через наши головы, рвались на огороде, на заводе, в парке. В четверг огонь перенесли по баракам и первые же снаряды англичан попали в площадку на верху церковной лестницы и в ограду против бывшей квартиры Митрича⁸⁵. Этими взрывами снесена колокольня, сильно пробиты стены, вырваны двери в церкви. Видимо в ограду попали еще несколько снарядов, т.к. почти все иконы со стен упали, особенно в алтаре. Шкаф для облачений раскололся. Вся церковь, престол, жертвенник засыпаны и завалены обломками икон и штукатурки. Страшное, незабываемое зрелище. Наутро несколько мужчин и дам пошли в церковь, собрали всю утварь и облачение и снесли на квартиру Кузнецова.

В субботу утром был получен приказ от немцев очистить этот район Коломбеля от гражданских⁸⁴ и дано было полчаса времени. Наспех собрались. Нагрузились вещами и отправились в школу, где нас поместили в окопы. Пережили мы там жуткую ночь. От взрыва снарядов звенело в ушах./.../ После первой ночи в Коломбельской школе я ходил домой. Жуткая картина: бараки полуразрушены снарядами, трудно пройти от обломков и все время визг пролетающих снарядов и грохот взрывов. Наш дом был еще цел. Взяв необходимое, я быстро возвратился.

Во вторник утром немецкими властями был отдан приказ о немедленной эвакуации всей коммуны Коломбель и начался великий исход. Через Жибервиль, под обстрелом английских батарей, двинулись в путь. Мы, три семьи Сальниковы, Минеевы и наша, нагрузили остатки «богатств» на заводскую случайно попавшуюся шарежку⁸⁵ и, проехав примерно сто километров в шесть дней, находимся в настоящее время в департаменте Орн около маленького городка Courtomer. Живем на гербаже⁸⁶, где нам хозяева доставили маленький домик в две комнаты. После ужасов пережитого, жизнь кажется раем, хоть летают птицы смерти, слышатся взрывы и ходят танки, но боев нет. Как будем жить вообще один Бог знает, на Него надежда. Да защитит и сохранит Он нас всех!

10 июня 1944 г., еще до эвакуации, собрались на ул. де Рош в Мондевиле, под председательством о. Евгения Попова, наличные члены приходского совета и ревизионной комиссии. Они констатировали, что связь с о. Павлом прервана, так как он находится в г. Див и приехать в Коломбель не может, «что вследствие обязательной эвакуации Коломбеля никто при храме оставаться не может», «что сам храм, поврежденный бомбардировками, открыт и никакой защиты для находящегося в нем имущества не представляет», «что отведенные вдали от храма прихожане будут нуждаться в духовном окормлении», «что связь с Епархией прервана и нельзя рассчитывать на быстрое восстановление». Вследствие этого они постановили:

1) почитать себя правомочным временным до восстановления нормальных церковных условий церковно-приходским советом,

2) предложить священнику Попову впредь до возвращения о. настоятеля или до возобновления связи с Епархиальным советом принять на себя обязанности настоятеля прихода,

3) поручить ему сосредоточить в его руках и обеспечить наилучшее хранение и безопасность св. антиминса с сосудами и другими священными предметами и о нахождении для совершения служб церковных книг под его личную за то ответственность.

10 июля 1944 г. о. Евгений писал митр. Евлогию, что он 25 июня встерчался с о. Павлом и передал ему антиминс. Он сообщал: «Я продолжаю служить в своем святом уголку божественные службы: вечерню, утреню, обедницу и молебны, удовлетворяю духовные нужды окружавших меня людей, которые хотят молиться, ибо много у нас скорбей, бед и всяких неожиданностей, и только усердные молитвы могут вернуть нам душевное спокойствие».

30 июля 1944 о. Павел писал митр. Евлогию:

С Божьей помощью прибыл в Courtomer эвакуационный центр нашей местности. Местная администрация отвела мне комнату в частном доме, в центре выше названного городка; прихожане же мои распределены по фермам в окружных деревушках. Надеюсь в ближайшие дни наладить богослужебный вопрос, что будет не совсем легко, ибо приход разбросан примерно на сто километров. Может быть мне придется даже иметь два центра.

В письме от 9 августа о. Павел указывал, что ему предоставили «отдельный небольшой дом-библиотеку» в поместье Лонэ (Château de Launay), в Куртомере, для собственного жилья и устройства церкви. «Ежедневно я путешествую, чтобы время от времени посетить всех прихожан. В конце текущей недели я думаю с Божьей помощью отправиться за пятьдесят километров отсюда, в место, где проживает о. Евгений и недалеко от него довольно большая группа, очень разбросанная, наших русских беженцев».

К концу августа 1944 г. была освобождена от немцев вся Нормандия. 27 августа о. Павел сообщил митр.

Евлогию, что он приехал в Коломбель два дня тому назад, «посмотреть, что стало с церковью и ее имуществом, и чтобы устроить на работу хотя бы некоторое количество ее прихожан». Он продолжал:

Церковь наша очень пострадала. С крыши попадали все черепицы, нет ни окон, ни дверей и попорчено очень много икон, почти все, но стены стоят. Мне обещали уже сделать что-нибудь, чтобы покрыть крышу. В моем жилище осталась только одна комната с дырой в потолке, без окна и двери, но все же жить можно в ней. Церковная утварь почти вся уцелела. Послезавтра, опять на велосипеде, с Божией помощью должен отправиться в Courtomer, где устроена походная церковь, и оттуда проеду в Dancé, где проживает о. Евгений. Ввиду того, что здесь уже есть маленькое количество прихожан, то думаю окончательно вернуться сюда через неделю.

Чтобы помочь восстановлению Коломбельской церкви, митр. Евлогий приказал устроить особый денежный сбор во всех храмах епархии и распорядился о выдаче 5 000 фр. из средств Епархиального управления. 27 октября 1944 г. Владыка распорядился назначить о. Евгения Попова «временным исполняющим пастырские обязанности в районе рассеяния прихожан Коломбельского прихода, на правах походного священника» и выдать ему «из имеющихся при Александро-Невском кафедральном храме священные сосуды, если таковые имеются, и св. антиминс, и по возможности все необходимое для священнослужения».

Общее собрание коломбельских прихожан состоялось после литургии 24 декабря 1944 г. «во временном помещении церкви, Château Legonides, в бывшей квартире господина Лубенец». Присутствовало 13 прихожан. Единогласно был выбран заместителем церковного старосты А.Л. Чернобаев⁸⁷. Было постановлено в отношении ремонта храма «просить настоятеля нашего храма о. Павла и заместителя церковного старосты А.Л. Чернобаева ходатайствовать перед администрацией местного завода о таковом».

Было также решено довести до сведения Епархиального управления, что приход отказывается платить о. Евгению жалование псаломщика, потому что «о. Евгений Попов в данное время не исполняет должности псаломщика при нашей церкви, а таковую должность исполняет с сентября месяца 1944 года его прежний заместитель Г.М. Бахалов». Митр. Евлогий (11 января 1945 г.) принял решение прекратить плату псаломнического вознаграждения о. Евгению с 24 декабря 1944 г. и перевести его на содержание его новых прихожан в департаменте Орн.

11 января 1945 г. митр. Евлогий получил письмо от о. Павла, где последний писал:

Пошел пятый месяц, как вернулся я, за мной и некоторое количество прихожан из мест нашей эвакуации в пределы Свято-Сергиевского прихода. Ввиду непригодности храмового помещения для совершения в нем богослужений, мною оборудована комната в частном доме для этой цели. Там неотступно каждое воскресенье и каждый праздник служит божественная литургия, а накануне этих дней — всенощная. Сперва при этих богослужениях присутствовало очень мало людей, за невозвращением прихожан на свои места, но постепенно, в связи с водворением их на своих старых местах, количество молящихся стало увеличиваться, хотя еще приходят в несравненно меньшем количестве чем прежде.

В местах временного пребывания бывших прихожан Коломбельского храма церковная жизнь велась самостоятельно, и возникла там мысль придать такому положению официальную санкцию. 18 февраля 1945 г. прихожанам в Bellon-sur-Huisne и Dancé, а 25 февраля в Saint-Hilaire-sur-Risle, о. Евгений предложил основать отдельную церковную общину в департаменте Орн, что было одобрено собраниями. В Сент-Илере «постановили, принимая во внимание 1) дальность расположения от Коломбеля, невозможность иметь связь; 2) по причине разрушенных домов не иметь возможность пока вернуться в Коломбель; 3) временное пребывание наше в деп. Орне

неизвестно когда кончится», просить архиеп. Владимира⁸⁸ (управляющего епархией ввиду болезни митр. Евлогия) о разрешении организовать «временно отдельную церковную общину во имя святителя Николая, память которого празднуется 9 мая».

16 марта 1945 г. архиеп. Владимир разрешил создание новой церковной общины, но обслуживал ее о. Евгений недолго. 23 марта он был назначен (с 1 апреля 1945 г.) исполняющим должность настоятеля Воскресенского храма в Бельфоре. Настоятель Бельфорской церкви о. Илия Мелия был переведен в Коломбель в качестве второго священника.

Коломбельский приход в послевоенное время (1945–1946 гг.)

Уже с некоторых пор о. Павел просил назначить ему в Коломбель помощника, так как ему трудно было, помимо своих прямых прихожан, окормлять лагерь бывших военных — советских граждан, расположенные в Нормандии. На этом основании архиеп. Владимир постановил:

10/23 марта 1945 г. священник Илия Мелия, согласно прошению, назначен вторым священником в Коломбель ввиду того, что кроме прихода, в окрестностях Коломбеля находятся лагерь русских военных, обслуживать кои необходимо одному из них. Священник Илия Мелия обождет заместителя, коему должен сдать приход в Бельфоре.

Священник Евгений Попов, исполняющий пастырские обязанности в районе расселения прихожан Коломбельского прихода, назначается и.д. настоятеля Бельфорского прихода с первого апреля 1944 года.

Протоиерей Илия Ильич Мелия (1915–1988 гг.), по национальности грузин, родился в Кутаиси. Его семья покинула Грузию в 1922 г. и обосновалась в Бельгии. Окончив Намюрский университет, Илья Мелия учился с 1935 по 1940 г. в Св.-Сергиевском богословском институте и окончил его в звании кандидата богословия. В 1943 г. он женился в Бельгии на Алле Владиславовне, ур. Мельниковой (1922–2007 гг.). У них родилось 3 ребенка: Нина,

Илья и Кетеван. В августе 1943 г. о. Илия был рукоположен во иерея и назначен настоятелем Воскресенской церкви в Бельфоре. Он там способствовал побегу около 50-ти советских военнопленных, отправляемых на Атлантический вал, которые были упрятаны прихожанами Бельфорской церкви в сентябре–ноябре 1944 г. до освобождения города. С 1 апреля 1945 г. по 1 июля 1946 г. о. Илия служил помощником настоятеля Коломбельской церкви, затем, до 16 сентября 1949 г., стал ее настоятелем. В 1950–1988 гг. о. Илия Мелия был настоятелем грузинского прихода Св. Нины в Париже (в юрисдикции КП). Он активно участвовал в деятельности РСХД и с 1964 г., в качестве доцента, преподавал в Св.-Сергиевском институте историю Древней Церкви и пастырское богословие.

Н.Н. Гукович вспоминал об о. Илие:

Я любил о. Илию Мелия. Он был высокий, а его жена совсем маленькая, крошечная, очень тонкая. Она всегда носила красное платье. Они жили в рабочем доме, около церкви, там, где теперь автомобильная стоянка. Хотя он и был грузином, его очень хорошо приняли. Мои родители отзывались о нем с большим уважением. Мне кажется, что он здесь скучал, и поэтому он отсюда уехал. Молодежь он не занимался: у него не оставалось времени и он сам был отцом семейства. Двое из его детей родились пока он был у нас. Чувствовалось, что он был интеллигентным человеком, которому здесь трудно было развернуться.

Очередное общее собрание коломбельских прихожан состоялось «в помещении храма» 27 мая 1945 г. Присутствовало 11 рядовых членов прихода. Церковным старостой был избран единогласно А.Д. Чернобаев, его помощником, также единогласно, — М. В. Мельников⁸⁹.

18 июня 1945 г. к иером. Павлу обратился иконописец В.В. Сергеев с письмом, в котором он указывал, что резолюцией митр. Евлогий ему предлагается «доверить реставрацию икон коломбельской церкви, поврежденной при бомбардировке». Приход на его обращение отозвался положительно и оказал ему посильное содействие.

По завершении своих летних реставрационных работ в Коломбеле, В.В. Сергеев составил для церковной власти отчет об уже проделанном и о своих планах на будущее. 1 октября 1945 г., в Епархиальном совете слушали:

Сообщение В.В. Сергеева от 29-го августа 1945 г. на имя Высокопреосвященнейшего Владыки Митрополита о том, что он 28 августа вернулся из Коломбеля, куда ездил по просьбе настоятеля прихода для реставрации икон, поврежденных во время военных действий в этом районе. Из сообщения видно, что иконы все пострадали от осколков снарядов, некоторые больше, некоторые меньше. Иконостас не упал, но на нем совершенно уничтожены иконы. В.В. Сергеевым заново написаны иконы Спасителя, Пречистой и архангелов, а также иконы Тайной Вечери над царскими вратами. Кроме того, им поклеены и заделаны дыры на 75% икон больших и аналойных во втором ряду иконостаса. На будущее время, по соглашению с настоятелем, порченые иконы будут присылаться ему в Вильмуасон⁹⁰ и там он их будет поправлять и отсылать обратно. Таким образом он может исправить иконы до Рождества, т.е. примерно к тому времени когда будет отремонтирована вся церковь.

В.В. Сергеев скончался 13 января 1946 г., и неизвестно, в какой степени он смог завершить свою реставрационную работу. Приведение в полный порядок внутреннего убранства храма потребовало еще несколько лет.

В марте 1946 г.⁹¹ иером. Павел оповестил митр. Евлогия о создавшемся в приходе неблагополучном положении, проявившимся на приходском собрании 17 марта 1946 г. Главные страсти разгорелись вокруг деятельности в Коломбеле Союза советских патриотов и участия в ней самого о. Павла Гольшева:

Староста А.Л. Чернобаев в своей речи, целиком направленной против нас, священнослужителей, заявил, между прочим, что местный завод, начавший починку нашего храма, не продолжает ее, потому что я состою председателем местного отдела Союза советских патриотов, о чем якобы было ему заявлено дирекцией завода. Он заключил свое выступление словами: «Могу ли я продолжать работать с

такими священнослужителями? Поэтому я подал в отставку». Несмотря на это, благодаря тому, что группа, ведущая против нас пропаганду, набрала несколько человек, даже не состоящих в приходе, она имела большинство и отставка старосты, поданная, по-видимому, только для проформы, не была принята.

О. Павел приводит ряд нарушений установленных правил на этом собрании. Он обвиняет старосту Чернобаева в неискренности, указывая, что «он сам у себя на квартире устраивал организационное собрание для открытия отдела Союза советских патриотов в нашем крае, и дал письменное обещание вступить лично в Союз, в который я вступил с Вашего благословения».⁹² Но затем Чернобаев заявил, что «по семейным обстоятельствам» он не может вернуться на родину. «Он не вступил и в Союз сов. патриотов, а с того дня он стал требовать и подачи мною отставки от должности председателя. Но не имея серьезного предлога для этого, он и придумал тот, о котором он высказался на общем собрании прихожан 17-го сего марта: что дирекция нашего завода якобы не желает продолжать починку нашего храма, потому что я возглавляю местный отдел Союза советских патриотов». О. Павел обратился за разъяснениями в дирекцию завода, где ему заявили, что «они не вмешиваются в личную жизнь своих служащих, и что задержка с починкой храма объясняется исключительно лишь тем, что завод еще не располагает необходимым для починки материалом, но что, как только таковой прибывает, они починку закончат, ибо об этом особое распоряжение главного директора завода».

4 апреля 1946 г. Епархиальное управление сообщило о. Павлу, что на его донесении митр. Евлогий наложил резолюцию: «Собрание проходило с явным нарушением правил приходского устава и посему отменяется. Ставлю на вид настоятелю, что он допустил такое незаконное собрание, даже не имея приходской книги. Предлагается

созвать немедленно новое собрание, а прежде всего восстановить приходскую книгу, и затем провести новое собрание с соблюдением приходского устава».

В том же апреле 1946 г. о. Павел обратился к митр. Евлогию с просьбой назначить священника для проведения пасхальных служб у бывших коломбельских прихожан, «еще не возвратившихся с места эвакуации в деп. Орн». О. Илия этого сделать не сможет так как будет тогда «служить и затем обходить прихожан в городах Cabourg-Dives и Houlgate». Из Епархиального управления о. Павлу было отвечено, что никого командировать не возможно «за неимением свободных священников».

Новое приходское собрание было созвано после Пасхи, 26 мая 1946 г. На нем присутствовало 56 прихожан. Товарищем председателя о. Павла был выбран местный педагог Г. П. Дощечников, который также был избран и в приходской совет. А.Л. Чернобаев был переизбран в церковные старосты большинством в 37 голосов против 19. На собрании обсуждался «вопрос о заводских квартирах напротив храма» и было решено «поручить приходскому совету походатайствовать перед дирекцией завода о предоставлении таковых, по силе возможности, русским, принимая во внимание и о. настоятеля».

7 июня 1946 г. о. Павел обратился с длинным письмом к митр. Евлогию, в котором он подробно обосновывал свою отрицательную оценку деятельности старосты А.Л. Чернобаева. Он указал, что скоро, благодаря благожелательности дирекции завода, ему и о. Илие будет предоставлена «прилегающая к церкви» отремонтированная квартира. Завод также удовлетворил его просьбу «отвести близлежащие к церкви квартиры русским, несмотря на исключительно трудный квартирный вопрос в нашем районе (8/10 квартир было совершенно уничтожено в июне–июле 1944-го года, и еще почти ничего не отстроено по сию пору)». О. Павел также писал, что на собрание 26 мая староста привел, «можно сказать, всю опустившуюся

духовно и морально, нравственно, почти никогда не посещающую храм, часть нашей местной колонии».

Мы же, конечно, никакой пропагандой не занимались, и несмотря на желание всех более или менее здравомыслящих прихожан наших переменить старосту (последних примерно около 20-ти человек на собрание) все же группа старосты имела большинство. /.../ Я, лично, решил больше не предпринимать никаких шагов о смещении А.Л. Чернобаева с занимаемой им должности старосты, смириться с таким положением и предоставить на усмотрение Вашего Высокопреосвященства решение этого вопроса всецело.

Вопрос о взаимоотношениях о. Павла с церковным старостой и частью его прихожан был решен извне. 25 июня 1946 г. объединение «Православное дело» (общественно-благотворительная организация, основанная в 1935 г. матерью Марией Скобцовой) обратилось к митр. Евлогию с официальной просьбой о назначении иером. Павла Голышева «для обслуживания [его] нужд». Руководство «Православного Дела» уточняло, что о. Павлу «материальная сторона, стол, квартира будут обеспечены объединением». 25 июля на этом обращении митр. Евлогий положил резолюцию: «С особой радостью делаю это назначение с 1-го июля. В Коломбель с этого числа назначается и.д. настоятеля священник И. Мелия».

Глава 6. Приход с 1946 по 1960 г.

Восстановление храма и прихода в 1946–1949 гг.

8 августа 1946 г. скончался митр. Евлогий. Вопреки надеждам большинства русских православных верующих и духовенства во Франции, его преемником был назначен Московским патриархом не архиепископ Владимир (Тихоничский), а митрополит Серафим⁹³, глава РПЦЗ в Западной Европе. 15 августа 1946 г. митр. Серафим обратился к русскому православному духовенству, препровождая ему указ от 9-го августа Московского патриарха о его

назначении «Экзархом Московским» и «Митрополитом Западноевропейский православных русских церквей». О получении и выполнении циркуляра надлежало уведомить Епархиальный совет митр. Серафима «в недельный срок со времени получения его».

В ответ на указ митр. Серафима, настоятели русских православных приходов в юрисдикции Константинопольского патриарха получили от своего священноначалия два циркулярных письма от 29 августа 1946 г. В первом им предлагалось «не смущаться и не считаться с подобными циркулярными распоряжениями митрополита Серафима, оставляя их без ответа, или же отвечать отказом». Во втором циркуляре объявлялось, что «в начале октября месяца сего года, в Париже назначается чрезвычайное Епархиальное собрание для обсуждения вопросов, касающихся настоящего положения нашего экзархата». Настоятелям следует позаботиться о выборе делегатов-мирян на это собрание. (Делегаты Епархиального собрания существенным большинством одобрили выбор архиеп. Владимира юрисдикции Константинопольского Патриархата.)

В эти недели общепархиальные заботы чередовались в Коломбеле с местными. В отношении первых 24 сентября 1946 г. о. Илия писал архим. Савве в Париж:

В воскресенье 22-го сего месяца состоялось чрезвычайное общее собрание прихожан храма преп. Сергия г. Коломбеля. Делегатом от мирян на предстоящий Епархиальный съезд избран Григорий Прокопьевич Дощечников, а кандидатом Алексей Лукич Чернобаев. Собрание вынесло резолюцию в два пункта. 1. Поддержать всецело Его Высокопреосвященство Архиепископа Владимира в той позиции, которую он занял в церковном вопросе. 2. Просить Его Высокопреосвященство обратиться к Вселенскому Патриарху с просьбой принять нашу епархию под свое покровительство уже не временно, а окончательно. На собрании присутствовало 18 членов прихода. 1-ый пункт получил одобрение 16 голосов, против — один, при одном воздержавшимся, а 2-ой пункт — 16 голосов при двух воздержавшихся.

В отношении местных дел главной проблемой было бедственное положение прихода и его прихожан. Еще 30 августа 1946 г. о. Илия обратился к епархиальному секретарю архим. Савве с просьбой освободить приход от епархиального налога (ходатайство было в октябре удовлетворено решением Епархиального совета). Он писал:

Основанием нашего прошения служит печальное состояние нашего храма и подавляющего большинства, если не всех наших прихожан. Храм был сильно поврежден — снаружи оставались одни стены без крыши. Почти все храмовое имущество — иконы и облачение — пропало. Правда, здание реставрируется от «reconstruction»⁹⁴, но все имущество, а также колокола звонницы, должны быть восстановлены нашими силами. А средства прихожан крайне ограничены ввиду того, что почти все потеряли целиком свое имущество. /.../ Теперь приступили к ремонту храма — свода, дверей и окон, и мы хотели бы к престольному празднику или к Рождеству освятить обновленный храм и привести в порядок иконы, облачения, ограду, звонницу и т.д., и все это предмет больших затрат, которые целиком лежат на нас.

15 сентября 1946 г. правление русской библиотеки обратилось к о. Илие с просьбой разрешить «перенести библиотеку в освободившуюся комнату в церковном дворе», так как нынешнее помещение мало пригодно для сохранения книг и «в нескольких местах течет». Ремонтировать же помещение правление не имеет средств.

В приходе болезненно переживали уничтожение во время недавних военных действий колокольной и колоколов. Восстановление колокольного звона стало одной из главных забот прихожан. В ноябре 1946 г. завязались переговоры на этот счет с Маргерит Корниль, хозяйкой литейного колокольного завода Корниль-Аварв в Вилдье-ле-Поэль.⁹⁵ Речь шла о переплавке трех разбитых старых колоколов и об изготовлении двух новых. Но дело затянулось по различным причинам.

25 декабря 1946 о. Илия сообщил архим. Савве две новости, одну — «радостную», вторую — «печальную». Ра-

достная: «В день праздника Знамени пресв. Богородицы начали чинить наш храм: поставили леса, вставили двери и окна и начали даже штукатурировать, но холода заставили прекратить работы». Печальная новость: «На территории прихода появился и обосновался украинский священник — галичанин. Галичане, которые в свое время примкнули к нам и свыше 20 лет оставаясь в православии, сразу перешли к униатскому священнику. Мне называли цифру в 50 человек — перешедших. Большое значение, если не исключительное, имеет национальный признак, не столько самостийность — ибо наши прихожане, и особенно галичане, малокультурны — сколько украинский язык».

6 февраля 1947 о. Илия получил письмо от директора Департамента реконструкции и междуцерковной помощи Международного совета церквей (в Женеве) с известием, что ему будет предоставлена сумма в 26 325 фр. на восстановление церкви. На приходском собрании, состоявшемся 20 апреля 1947 г., при наличии 27 прихожан, о. Илия об этом сообщил присутствующим. Он также описал благотворительную деятельность в приходе, указал о выдаче детям вещей от Русского комитета в Америке. Елка, прошедшая с большим успехом, принесла приходу 6 871 фр. Но настоятель отметил также слабую посещаемость храма прихожанами из школы — детьми. На собрании обсуждался и предстоящий праздник освящения восстановленного храма. Было решено «на покрытие расходов предложить самообложение на 100 фр. с каждого члена прихода».

Первоначально предполагалось освятить храм на Троицу, затем в воскресенье Всех Святых, 8 июня. Но и это не получилось и торжество было отложено на 6 и 7 сентября 1947 г. Тем временем, 24 мая, староста А.Л. Чернобаев подал в отставку от должности, ссылаясь на свое «расстроенное здоровье» (он скончался 6 августа 1949 г.). Временным заместителем старосты был избран приходским советом член совета Е. Т. Цыганков⁹⁶.

На торжества освящения храма в субботу 6 и в воскресенье 7 сентября 1947 г. приехали из Парижа митр. Владимир с келейником и бывшими коломбельцами: о. Александром Ергиним, о. Михаилом Соколовым и В.Я. Чайкиным, а также соборным диаконом Львом Грековым⁹⁷. Приехал также П.Е. Ковалевский, описавший событие в дневнике. Церковь, по его свидетельству, была уже «вновь отстроена, но, конечно, уже не в таком виде, как прежде». «Перед началом всенощной приход устроил торжественную встречу. Помощник старосты, один из членов совета и я пошли на квартиру священника за митрополитом, провели его кругом через лестницу от дороги, усыпанную цветами, наверху которой ожидал староста с хлебом и солью. Служба была очень торжественная. Хор пел исключительно хорошо».

Главное торжество имело место в воскресенье:

Утром торжественная встреча, малое освящение воды и храма, а после него — литургия. Помогали /.../ четыре местных мальчика, так что выносили даже крест. Молебен был во время крестного хода. К концу приехали директор заводов Лакруа и мэр Коломбеля. В их присутствии была освящена доска об обновлении храма. Настоятель, на прекрасном французском языке, сказал от лица Владыки слово, а после него в библиотеке было устроено угощение (белое вино и печенье), на котором были почетные гости. Народа собралось очень много со всех окрестностей, так что двор храма был полон. Очень много детей. Столы были расставлены вдоль церкви и протянулись на много саженей. Наготовили тьму продуктов, и было оживленно и семейно. Говорили и Владыка и местные, и не было никакой официальности.

В своей речи при освящении новой памятной доски о. Илия напомнил о вкладе русских в процветание СМН, которому выразил благодарность за «великолепный подарок» русским рабочим — их церковь. Упомянув об участии русских в войне на стороне Франции. О. Илия свою речь заключил следующим образом:

Французское правительство, которое мы считаем своим долгом поблагодарить в этот день общего торжества, согласилось обеспечить и нам плоды борьбы за национальную реконструкцию в этой стране и предоставить нам все те преимущества, которыми пользуются пострадавшие в этой местности, опустошенной войной. /.../ В восстановлении этой дорогой нам церкви, мы хотим видеть символ братства, объединяющего всех людей доброй воли в тяжелом, но необходимом строительстве все более благоустроенной жизни. В этом Франция, принявшая и в каком-то смысле усыновившая нас, сохраняет выдающееся место, подобающее ее традиционному духу.

31 декабря 1947 г., «за полезную и усердную службу», о. Илия Мелия был награжден скуфьею.

Очередное общее приходское собрание состоялось 29 февраля 1948 г., в присутствии 32 прихожан. Среди прочего был доклад настоятеля по школьному вопросу: «Весь приход, считал он, должен заинтересоваться этим вопросом. Надо обеспечить преемство молодыми поколениями нашего церковного дела. Проведем пропаганду среди родителей и детей. Из приблизительно 30 детей школьного возраста, проживающих поблизости, школу посещают всего 12». Было постановлено «созвать родительский комитет, предварительно устроив общее родительское собрание. На этом собрании обсудить все детали вопроса». Заместитель старосты Е.Т. Цыганков был единогласно избран в церковные старосты.

Дело с колоколами все затягивалось по разным причинам. Удалось окончательно сговориться лишь в декабре 1948 г. В письме от 3 декабря 1948 г. о. Илия сообщал хозяйке завода Корниль-Авар:

Мы согласны на вашу новую, повышенную цену в 198 фр. за кг. переплавленного металла и 491 фр. за кг. новой плавки. Мы исходим из того, что наш заказ определяется в общем весе 156 кг. (из которого 145 кг. поставлено нами) в следующем наборе: фа — 80 кг., ля — 43 кг., до — 24 кг., фа — 9 кг., т.е. 4 колокола. /.../ Колокол весом 9 ½ кг., который мы принесли, будет в таком же виде нами унесен. Что

касается цены, мы согласны на ваше предложение, считая его пределом, за который мы ни в коем случае не можем переступить. Наша главная забота теперь касается даты поставки, /.../ мы желали бы отпраздновать возвращение наших колоколов до пасхального поста и назначить как предельную дату поставки 28 февраля, которую мы желали бы, чтобы вы подтвердили.

11 декабря управление колокольного завода высказало свое согласие на эти условия за исключением предложенной даты, отложив ее на месяц. Но слово свое завод не сдержал, и отправка колоколов была отложена до лета.

В 1949 г. общее приходское собрание состоялось 29 марта, в присутствии 31 члена прихода.

Был заслушан доклад настоятеля храма о. Илии Мелия, в котором тот указал, что за истекший год жизнь прихода пришла в нормальную колею и протекала в нормальной и мирной обстановке. Число прихожан постоянно увеличивается, и посещение храма по воскресным и праздничным дням возрастает. В культурно-просветительной работе нужно отметить реорганизацию церковно-приходской школы, учителем которой добровольно изъявил согласие быть старый учитель с многолетней практикой Г.П. Дощечников, и образование церковного хора под его же управлением из молодежи. В истекшем году была устроена церковно-приходская детская елка, на которую щедро отозвались как родители детей, так и посторонние лица. Елка отличалась большим разнообразием и своею содержательностью. Особую симпатию вызвало в публике выступление хора молодежи при управлении Г.П. Дощечникова.

Сам Г.П. Дощечников затем докладывал собранию о школьных делах, подчеркивая интерес родителей к обучению их детей «русской грамоте и Закону Божьему». «Ввиду перегруженности работой о. настоятеля, докладчик предложил собранию родителей свои услуги заниматься их детьми по воскресным дням, оставив четверги для преподавания Закона Божьего», что было одобрено.

Было заслушано предложение церковно-приходского совета о привлечении в состав совета с участием в его работе

двух членов от молодежи. Общее собрание постановило одобрить предложение церковно-приходского совета, избрать единогласно Ник. Ярославского и М. Бочкарева, и просить о. настоятеля войти с соответствующим ходатайством пред его Высокопреосвященством Митрополитом Владимиром, ввиду их несовершеннолетия [в качестве членов совета]: 24 и 22 года.

7 мая 1949 о. Илия писал митр. Владимиру:

До сих пор вся тяжесть работы по организации приходской жизни падала на старшие поколения. Ввиду разбросанности наших прихожан, сборщикам церковного самообложения приходится трудиться в особо тяжелых обстоятельствах, и потому чувствуется потребность поручить это ответственное дело более молодым прихожанам. С другой стороны, в составе прихожан в возрастном отношении наблюдается двадцатипятилетний пробел — как раз между 25-летним возрастом и 50-летним. У нас нет ни одного представителя этого промежуточного возраста. Избранные молодые люди являются ближайшей сменой активных работников на церковном поприще.

16 мая 1949 г. о. Илия обратился к митр. Владимиру с известием, что ему официально предложили стать настоятелем грузинского прихода в Париже (в юрисдикции Константинопольского патриарха). Основываясь на раннее переданном ему устном согласии на это митрополита, он предложение принял. 20 мая митр. Владимир на прошении положил резолюцию: «Священник Илия Мелия, согласно прошению освобождается от должности настоятеля Коломбельской церкви и приписывается сверх штата и без содержания к Введенской церкви в Париже. Разрешается ему служить в церкви св. Нины в Париже».

Церковная жизнь в 1949–1956 гг.

На прошении о. Илии Мелия от 16 мая 1949 г. митр. Владимир положил и вторую резолюцию: «Священнику Димитрию Хвостову (студенту Богословского института) поручается заменять отца Илию по приходу в Коломбеле».

О. Димитрий Хвостов на месте прижился и 5 июля 1949 г. писал митр. Владимиру: «С Вашего благословения

я уже больше месяца обслуживаю вакантный приход Colombelles (Caen). Прихожане поручили мне просить Ваше Высокопреосвященство назначить меня настоятелем их храма. Если на это имеется Ваше благословение, я с радостью приму сие назначение.» 18 июля 1949 г. состоялась передача церковного имущества новому настоятелю, закрепленная официальным актом.⁹⁸

Протоиерей Димитрий Сергеевич Хвостов (1905–1987 гг.) был сыном Пензенского губернатора, убитого во время покушения на дачу П.А. Столыпина в августе 1906 г. Он в 1920 г. с матерью выехал в Берлин, затем поселился в Париже, где окончил среднее образование. Дмитрий Хвостов был в 1939 г. мобилизован во французскую армию и в 1940 г. попал в немецкий плен, из которого был освобожден в 1945 г. По возвращению в Париж, решив стать священником, он поступил в Св.-Сергиевский богословский институт, окончив его в 1949 г. В апреле 1948 г. Дмитрий Хвостов был рукоположен во диакона, а 3 апреля 1949 г. — во священника и назначен в Коломбель. С 1956 по 1961 г. о. Димитрий был православным военным священником в Алжире, в звании капитана французской армии. В 1961–1965 гг. он настоятель Св.-Николаевской церкви в Лилле. В декабре 1965 г. о. Димитрий перешел в юрисдикцию РПЦЗ, служил пом. настоятеля Воскресенской церкви в Брюсселе (1965–1968 гг.), затем пом. настоятеля Храма-Памятника Св. Иова Многострадального в том же городе (1968–1987 гг.). Возведенный в сан протоиерея в 1966 г., о. Димитрий Хвостов был назначен благочинным приходов РПЦЗ в Бенелюксе.

О. Димитрий Хвостов приехал в Коломбель с женой Марией Николаевной и с 18-летней дочерью Натальей (1931–2007 гг.) — будущим активным церковным деятелем в Париже и инокиней Покровского монастыря в Бюсси-ан-От.

Н.Н. Гукович вспоминал об о. Димитрии:

Приехала к нам фигура — о. Димитрий Хвостов, бывший пленный в течение 5 лет, происходящий из дворянства. Отец его, губернатор, был убит в 1906 году. Матушка у него была малозаметной, но он работал на двоих. Он впечатлял своим ростом, прекрасно владел словом. О. Илия тоже говорил по-французски, но о. Димитрий был первым священником, который так свободно говорил на французском языке, он научился языку в совершенстве во время плена. Он был неутомим. На Пасху он обходил всех прихожан, все семьи. Остальные священники обходили только местных, коломбельцев. У него не было машины и он, в рясе, объезжал прихожан на автобусе. Он очень много знал и немного подавлял людей своими познаниями. Но это случалось больше на уровне наших родителей: мы, молодежь, были им очарованы, он нам очень многое открывал.

Благодаря о. Димитрию, мы ознакомились с русской литературой, с русской музыкой. Когда он приехал, он занялся молодежью, подростками, которыми мы тогда были. Он увидел, что мы не знали русскую литературу. Родители нам о ней немного говорили, но мы были уже офранцужены. Он постарался нас заинтересовать русской литературой. Только тогда я открыл, что были Чехов или Тургенев. Мы ознакомились с «Ревизором», с «Дядей Ваней», с «Вишневым садом». Мы участвовали в маленьких театральных представлениях. Он старался открыть молодежи, что мир не ограничивается одним Коломбелем.

Я немного выделялся от других, так как продолжил свое образование. О. Хвостов ко мне особенно хорошо относился. В 1948 г. [так!] он меня отправил на съезд УМСА в Германии, в Айфель. Там было много священников. Я встречался с молодежью из Ди-Пи [«перемещенных лиц»], с бывшими советскими гражданами, которым было на 2-3 года больше, чем мне. Там я узнал, что существует Прокофьев, Рахманинов.

Когда я уже был студентом, после сдачи аттестата зрелости, о. Хвостов отправил меня в Бьевр, на съезд РСХД. Мы жили в замке, съезд длился 3–4 дня. Я познакомился с молодежью из РСХД, влюбился в девушку — Наташу. Мне показалось, что девушки там были красивее коломбельских. И я увидел, что эти русские, как я, остались русскими. Мы плохо говорили по-русски, были уже офранцужены, а они сохрани-

ли русскость в своей среде. Были известные докладчики, был Оливье Клеман. Я довольно хорошо играл в волейбол, и мы играли в волейбол с ребятами из РСХД. Вечером был костер и мы пели. Мне это казалось чудесным, и я себя спрашивал: почему этого у нас больше нет? Когда мне было 9–10 лет, такое и у нас было. Но мы это потеряли.

Одним из первых дел нового настоятеля о. Димитрия Хвостова был прием в августе 1949 г из литейного завода в Вильдье-ле-Поэль наконец готовых колоколов. Дирекция СМН выявила согласие безвозмездно доставить колокола с вокзала на место. Она взяла на себя и приведение в порядок колокольной (кладка, металлические конструкции и пр.). В инструкции, составленной СМН, указывались и работы в самой церкви: починка ее входных и «внутренних» дверей и ее окраска.

Осенью 1949 г. о. Димитрий Хвостов составил записку, отражающую положение дел в его приходе. Он писал, что в храме, благодаря заботам завода, идет покраска и установление нового иконостаса. Ремонт икон и «предметов церковного убранства» не окончен и должен быть произведен за счет прихода. Личным трудом о. Димитрия «была реставрирована иконная живопись. Заделаны дыры от снарядов. Восстановлены иконы, погибшие от сырости и непогоды. Но это доморощенная работа не может быть сочтена окончательной. Для вызова же специалиста по иконописи приход не располагает средствами». Облачения сильно попорчены. «Удалось восстановить 5 колоколов, но колокольная разрушена». СМН обещало ее восстановить, но пока колокола стоят на клиросе церкви.

Приходская школа под руководством Г.П. Дощечникова, указывает далее о. Димитрий, собирается по воскресеньям на его квартире. У него также собирается кружок молодежи: «Репетиции спектакля, чтение, беседы на литературные и религиозные темы — цель этих собраний. По четвергам уроки Закона Божия для детей от

7–13 лет в помещении настоятеля. Вечером в помещении одной из прихожанок еженедельно спевки церковно-клиросных песнопений, а также светское хоровое пение». Устраивается раз в месяц чашка чая для юношества: на последнем собрании было уже 18 человек. «Частые несчастные случаи, из-за тяжелой заводской работы, требуют посещения больницы и раздачи помощи продовольственными посылками больным госпиталя Саен. Также многочисленные семьи некоторых рабочих требуют помощи в продовольственных посылках, а также денежных стипендий для воспитания молодежи и обучения ее или ремеслу, или школьному образованию».

В письме от 7 октября 1949 г. митр. Владимиру о. Димитрий особенно отметил энергию старосты Е.Т. Цыганкова, благодаря которому «храм принял должный вид и стал доступен к совершению богослужений». Он похвалил труды казначея Г.М. Бахалова, который поправил финансовое положение прихода, и руководителя приходской школы Г.П. Дощечникова, у которого в школе обучается 18 детей и в молодежном хоре участвует 15 юношей и девушек. О. Димитрий также указывал: «Один из прихожан нашего храма, Севастиан Митрофанович Паскаль⁹⁹, не только собственноручно помогает украшать храм, но и щедро жертвует необходимое для его благоустройства. Так, например, им пожертвована люстра-паникадило в 24 свечи — бронза и горный хрусталь».

Похваленный о. Димитрием как щедрый прихожанин (и получивший за это благодарность от митрополита) С.М. Паскаль в ноябре 1949 г. написал донос митр. Владимиру на своего настоятеля. Он сообщал «прискорбный случай»: «Настоятель храма о. Дмитрий Хвостов повел себя очень нехорошо по отношению к религии, под его личным руководством была поставлена пьеса „Борис Годунов“ в одном из местных бистро, на сцене были изображены два пьяных монаха, для чего о. Дмитрий дал свои подрыски, после такого спектакля очень многие верующие возмущались».

Письмо Паскаля было переслано о. Димитрию из Парижа, надписанное митр. Владимиром: «Советую быть осторожным в литературных занятиях с молодежью (костюмы и инвентарь, подходящие для сцены), а С.М. Паскаля успокоить». В ноябре 1949 г. Паскаль отклонил предложение о. Димитрия встретиться, «чтобы все окончательно выяснить». 27 января 1950 г. Г.П. Дощечников обратился к митр. Владимиру от имени приходского совета с необходимыми разъяснениями:

1) Театральное представление, указанное в доносе, не вызвало никакого смущения в приходе. 2) Место представления, обозначенное «в одном из местных бистро» было зал при ресторане одного из наших прихожан, единственное помещение для таких собраний, любезно предоставленное всегда бесплатно его великодушным хозяином. 3) Костюмы, названные в доносе «подрясниками», были ничем иным как старые лохмотья, пожертвованные о. Димитрием на это дело. 4) Обвинение в «надругании над православной религией», возведенное на нашего настоятеля, церковный совет считает совершенно неосновательным и является плодом невежества со стороны доносчика.

Общее собрание прихода состоялось «в помещении храма» 26 февраля в присутствии 24 прихожан. О. Димитрий отметил в своем докладе, что за время его пребывания в должности настоятеля «был произведен капитальный ремонт храма: построен новый иконостас, восстановлена колокольня и квартира под ней и в настоящее время храм принял свой надлежащий вид. Постройки продолжают». С целью омоложения руководства прихода, в добавок к наличным членам совета, было избрано два представителя молодого поколения, а также два других в ревизионную комиссию, и предложено просить митр. Владимира об их утверждении.

В своей борьбе против настоятеля С.М. Паскаль не унимался. 10 июня 1950 г. он был принят в Париже митр. Владимиром, подтвердил свои прежние обвинения и прибавил к ним новые: о. Димитрий, по его словам,

«очень много и открыто курил и вблизи храма Божьего, а также и выпивал иногда после службы у друзей своих». Митрополит просил на этот счет «объяснений» у о. Димитрия, который 14 июня в своем ответе сослался на несколько своих неуспешных попыток примирения с Паскалем со времени начала конфликта. Он отрицал новые обвинения. К тому же Паскаль, по его словам, в приходе не записан, не имеет права голоса на собраниях и является лишь «жертвователем». А некоторые подробности его биографии не дают возможности считать его примерным христианином.

17 июня 1950 г., в письме митр. Владимиру, горячо вступился за своего настоятеля регент и казначей прихода Г.М. Бахалов:

Этот необузданный хохол, получив наследство от своей сожительницы несколько миллионов, вообразил купить нашего настоятеля и приходский совет за пятьдесят серебряников и командовать нами по своему усмотрению. Это ему не удалось. Бес вселился в него, и он дважды осмелился злостно оклеветать того человека, который за год своего пребывания у нас вдунул нам дыхание и жизнь. В этом году у нас число исповедующихся и причастников увеличилось вдвое, если не втрое. Молодежь русская, шатающаяся между католицизмом и безверием, нащупала православный русский путь. Среди взрослых исчезли возвращенцы и невозвращенцы. Число посещающих храм Божий значительно увеличилось. У о. Димитрия для каждого находится слово утешения и одобрения. Что о. Димитрий выпивает — злая выдумка.

28 сентября 1950 г. митр. Владимир положил на последней жалобе Паскаля резолюцию: «На основании полученных от приходского совета донесений с документами считаю инцидент в связи с постановкой «Бориса Годунова» исчерпанным. Очень жалею, что жалобщик не пожелал встретиться с священником Димитрием Хвостовым и на все его призывы к примирению отвечал отказом».

В январе 1951 г. «за усердную и полезную службу Святой Церкви Божией» о. Димитрий Хвостов был награжден набедренником.

18 февраля 1951 г. состоялось приходское собрание в присутствии «73 человек, в возрасте от 18 лет». В своем докладе собранию о. Димитрий описал приходскую жизнь за истекший 1950 год. Он этот доклад пересказывает в письме Епархиальному совету:

Благодаря вниманию металлургического завода, заново отстроена колокольня с помещением, ворота и помещение для собрания. Обещана изгородь и иные мелкие ремонты. Таким образом храм и двор уже обстроены как до разрушения. /.../

Несмотря на большое количество говевших и причастившихся за год прихожан, посещаемость обычных воскресных богослужений весьма мала — среднее пятая часть записанных прихожан, т.е. человек 20. Также посещаемость четверговой школы Закона Божия нерегулярна, и количество детей-учеников значительно меньше имеющейся наличности. Я обратил на это внимание родителей.

Постановление прошлого года привлечь молодежь к активной церковной работе также не дало достаточного результата. Молодым не была дана работа при церкви, а лишь бесполезное участие в церковном совете. Мною были приглашены прихожане пойти больше навстречу нашему юному поколению, дав им возможность занять ответственные перед всем приходом места.

Имея новое помещение для собраний, мною намечено собирать по пятницам прихожан в это помещение, где после краткого молебна состоятся собеседования на религиозные темы, а также и на исторические, и русской литературы, абсолютно неизвестные большинству. Собрания и доклады будут иногда и на французском языке, также как и частично некоторые места богослужения будут читаться на двух языках (напр. Св. Евангелие на литургии). Это необходимо, т.к. молодежь забыла родной язык.

Мною было предложено постепенно создать для молодежи кружок, род братства для обслуживания церкви, изучения славянского языка и просвещения французов православием. /.../

Также мной получен от завода участок земли, из которого будет устроена площадка для игр и спорта, таким образом дети и молодежь получают здоровое развлечение при

церкви и будут проводить свои часы досуга вблизи церкви и настоятеля.

На приходском собрании 18 февраля 1951 г. при двух кандидатах в церковные старосты, Е.Т. Цыганкове и Г.М. Бахалове, был выбран Бахалов 38 голосами (33 было подано за Цыганкова). Выбор старостой Бахалова вызвал резкую реакцию Цыганкова и его сторонников. В тот же день, под подписью 32 прихожан, они обратились с письмом к о. Димитрию, указывая, что в приходе произошел раскол по его вине: он допустил к голосованию лиц, не имевших на то право, не огласил статей устава, относящихся к выборам, выдвинул кандидатуру Бахалова, хотя она до этого не обсуждалась на приходском совете, счел законными 9 избирательных бюллетеней, написанных самим Бахаловым. Отстранение Цыганкова, лица пожертвовавшего 44 000 фр. на церковь и получившего архипастырское благословение, — незаконно. Если не будут произведены перевыборы, подписавшие обращение подадут прошение самому архипастырю.

Эту жалобу с отчетом о приходском собрании о. Димитрий выслал в Епархиальное управление. В длинном письме архим. Савве он указывал, что если устроить перевыборы, то это вызовет неудовольствие большинства из 110 человек, записанных в приход. На самом заседании не было высказано ни одного протеста, полномочия присутствующих были законно проверены, оглашение устава на собрании в самом уставе не предусмотрено. «Обвинение о 9 записках, поданных якобы Бахаловым при очной ставке, не подтвердилось — посему ложно». 25-летний возраст для права вступления в приход был изменен приходским собранием в 1950 г. «44 000 фр., пожертвованные Цыганковым, нигде не запротоколированы и церковному совету неизвестны». Лишь 12 из протестующих 32-х прихожан по своему семейному положению имеют право записи в приход; 90 % из них в церковь не ходят; 6 — не присутствовали на приходском собрании. Раскольники возглав-

ляются двумя лицами — хозяевами местных трактиров Г.М. Мальчиковым и Н.И. Штепой и поддерживаются их самыми усердными клиентами.

По моей пастырской работе, защита молодежи от вредного влияния питейных домов на нее, я возбудил их недовольство. Бывший староста Цыганков, кум г-на Штепы, и являлся представителем этой «кабацкой» власти над церковью. Мой призыв к прихожанам оздоровить наш приход имел результатом выборы Бахалова, единственного *intègre*¹⁰⁰ во всех смыслах. Уважение просьбы 32-х было бы вновь утверждением этой гнилой приходской жизни, разрушением всей моей работы за эти два года, и просто вынуждение меня просить Владыку перевести меня на другой приход, что и желает г-н Паскаль, держащий веревочки этих грязных марионеток.

Но о. Димитрию жаль было бы покинуть начатое дело, которое он ведет при поддержке большинства прихожан, особенно при тех добрых отношениях, которые он установил с дирекцией завода.

В следующем письме архим. Савве о. Димитрий таким образом охарактеризовал ситуацию:

Положение ясное. Два кабака управляли церковью под флагом моего бывшего старосты Цыганкова. Выборы Бахалова означали выход из подчинения кабацкой власти. Сейчас от меня вышел делегат, который просил соглашения, а именно поставить Цыганкова помощником старосты. Я сказал, что доведу это до церковного совета, но я энергично пойду против. Вступление Цыганкова в церковный совет — это вновь внести разлад и гниль кабацких интриг, а особенно после всех их нечистых маневров и даже грубостей по отношению меня — это лишь разложит новый состав совета и поместит пятую колонну себе в тыл.

Отколовшаяся группа прихожан послала делегацию в Париж и в марте 1951 г., письменно обратилась с письмом к митр. Владимиру «для разрешения вопроса о расколе». О. Димитрий обвинялся в чрезмерной авторитарности и в публичном нетрезвом поведении. Он сам

виноват в происшедшем расколе, «выгнав» протестующих прихожан. Обращение заключалось следующим образом:

Нас уполномочили просить Вас, Владыко, о присылке периодически одного из священников, дав ему разрешение на пользование храмом для исповеди и приобщения Св. Тайн, так как группа, считая женщин и детей, отказалась идти к о. Димитрию на исповедь. А лучше было бы, если Вы о. Димитрия перевели куда-либо из Коломбеля, такое желание у большинства прихожан.

5 марта 1951 г. Епархиальный совет утвердил избрание Г.М. Бахалова старостой и выборы прочих членов совета.

10 марта 1951 г. к о. Димитрию обратился с письмом председатель ревизионной комиссии (и владелец ресторана «Ермак») Г.М. Мальчиков, уже ранее выславший митр. Владимиру донос на своего настоятеля. Он писал, что о. Димитрий поставил интересы своих «добрых друзей» выше интересов прихода. Из-за хороших отношений с дирекцией завода, он возомнил себя «хозяином» в церковной ограде, не считаясь с теми, «кто своими мозолями и потом и своими пожертвованиями» создал все то, над чем он объявил себя хозяином. Мальчиков называл последние выборы «комедией» и обвинял о. Димитрия в намеренном устранении неугодного ему старосты. В заключение Г.М. Мальчиков объявлял о своем выходе из приходского совета.

20 марта 1951 г. о. Димитрий послал подробный ответ Епархиальному совету на выдвигаемые против него обвинения группы 32 прихожан. Приходское собрание 18 февраля прошло совершенно законно. Отколовшаяся группа — меньшинство. Ее возглавляют «два хозяина двух местных трактиров, а остальная часть их ближайшая клиентура». Часть подписавших уже опять платит свои приходские взносы, и даже если «человек десять» откажутся от взносов, это не повлияет значительно на церковную жизнь.

Написал архим. Савве и Г.М. Бахалов (письмо без даты). Он описывает положение прихода следующим образом:

Приход остался приходом, во главе которого настоятель, его помощник — староста, раб Божий, Ваш покорнейший слуга, по несчастью попавший на эту должность, приходской совет и прихожане в числе семидесяти шести человек в Коломбеле, восьми человек в Диве и около 10–12 человек в [Ле] Ман (департамент Сарты). Это настоящие члены прихода, уже внесшие самообложение приходское, установленное приходским собранием в размере ста франков с семьи, за январь, февраль и март. Перед моими глазами список прихожан прошлого года. Из этого списка видно, что только двадцать человек отказались платить мне, а делают взнос на какой-то автокефальный приход, на какого-то нового настоятеля. /.../ Для меня, отец Савва, должность старосты — это тяжелый крест. Но я решил хотя немножко облегчить мученическую жизнь нашего настоятеля о. Димитрия. В последнее время особенно жизнь его стала тяжелой, потому что за свои добрые дела получал не награду христианскую, а ушаты помоев и злостной клеветы.

В апреле 1951 г. Епархиальный совет вынес следующее постановление:

Принимая во внимание исчерпывающие объяснения настоятеля священника Димитрия Хвостова по существу жалобы, оставить ее без последствий. Бывшему старосте выразить благодарность за его прежние труды и пожертвования на храм и указать, что неизбрание на новое трехлетие никак не может рассматриваться как оскорбление, а является нормальным явлением живой церковной работы, когда к деятельности приглашаются новые люди. Предложить подписавшим жалобу, основанную на явном недоразумении, забыть это недоразумение и в дни, приближающиеся к Страстной неделе и Святой Пасхе, объединиться в общей молитве с о. настоятелем и всем приходом.

«Автокефальный приход», о котором писал Г.М. Бахалов, вскоре принял официальные очертания в лице общины, возглавляемой священником Украинской автокефальной православной церкви.

27 июля 1951 г. дирекция СМН сообщила о. Димитрию:

Рабочий нашего завода просит разрешения для православного украинского священника отслужить богослужение под открытым небом у киоска Square des Cités. Эта церемония имела бы место 12 августа 1951 г., утром. Мы не намерены ответить положительно на эту просьбу и думаем, что лучший выход был бы, чтобы этот священник вошел в контакт с Вами. Вам предстоит решить, можете ли Вы предоставить коломбельскую православную церковь в его распоряжение.

Ответ был дан положительный, и вскоре в русской церкви стал служить приезжающий из Парижа украинский священник. Эти богослужения посещались как местными украинцами, так и отколовшимися от прихода русскими. Начиная с 1952 г. украинские богослужения приняли довольно регулярный характер.

24 февраля 1952 г. было созвано общее собрание прихожан «в помещении храма при наличии 24 членов прихода из общего числа 91 человек».¹⁰¹ Были прочитаны доклады старосты-казначей Бахалова и прочих должностных лиц. Помощником церковного старосты был избран А. И. Минеев¹⁰².

В своем докладе собранию о. настоятель отметил, что «группа отколовшихся прихожан» осталась в стороне от «приходской работы». Она активно вредила приходу, что привело к тому, что достижения за прошедший год были «весьма малы».

Четверговая школа, хоть и пострадала потерей 3-х детей, родители которых из-за личных свар лишили детей Слова Божия, все же функционировала регулярно. Грех на душе родителей, не пускающих детей в школу. Дверь же школы всегда широко открыта всем детям, родители коих платят или не платят на церковь. С 10 ч. утра до 1 ч. дня посещающие меня дети имели нужные им уроки и наставления. Воскресная же школа русского языка, к сожалению, не состоялась за отсутствием желающих. /.../

С благословения Владыки Митрополита, по просьбе заводской администрации наш храм предоставляется мною от времени до времени под украинское богослужение. На эти богослужения ходят и не украинцы, т.е. отколовшиеся наши прихожане. Слава Богу таким путем быть может они успокоятся. Болезненный откол нашел свое «место упокоения». Те, кто пройдя все испытания лживых донесений, клеветы и украинских искушений, остались на сей день в нашем приходе, уже не соблазняются впредь. Приход стал един и неделим.

В 1950-х годах, во многом благодаря заслугам о. Дмитрия Хвоства, французская общественность стала более внимательно относиться к православному коломбельскому приходу. В апреле 1952 г., например, торжествам Страстной недели и Пасхальной ночи в русском храме были посвящены две большие статьи в местной газете «Liberté de Normandie». Богослужения были описаны с сочувствием, подробно и, благодаря объяснениям о. настоятеля, в значительной степени верно.

К сожалению, Пасха Господня не принесла приходу успокоения и мира. 29 апреля 1952 г. С.М. Паскаль обратил к митр. Владимиру с новым доносом, обвиняя о. Дмитрия в пьяном дебоше в пасхальный понедельник в компании приходского секретаря Г.П. Дощечникова и нескольких французов. Митр. Владимир потребовал у о. Дмитрия объяснений. Тот ответил 7 мая:

Все написанное с начала до конца грязная ложь, глубоко возмущившая меня и всех моих прихожан. Цель Паскаля выжить меня из Коломбеля, и злость его с каждым днем увеличивается, видя, как растет мой престиж и среди русских и французов. Среди русских: пример, я имел более ста говеющих и даже несколько домов, отколовшихся в прошлом году, пригласили меня зайти в Св. День. Среди французов примером служат и французские газеты, и присутствие директора и его жены на Св. Утрени (событие, первый раз за 26 лет прихода).

В защиту о. Дмитрия в письме митр. Владимиру от 29 мая снова выступил Г.М. Бахалов. Он утверждал, что

все обвинения Паскаля и Цыганкова ложные, а заслуги настоятеля — бесспорны:

Французы, как рабочие, так и высшее общество, с уважением относятся к нашему настоятелю, а эта кучка бунтарей, потомки Пугачева, сочиняют всякие небылицы, чтобы утопить его в капле воды. Девяносто два верных прихожанина, неустанно поддерживающих нашу церковь, довольны и обожают своего настоятеля, а какая-то горсть проходимцев все время подкапываются, выдумывают уму непостижимые гадости и незаслуженно льют помой на нашего настоятеля. За что его ругают? За то, что он обездоленных стариков устраивает в богадельнях, несчастных вдов на работу и всякому служит ходатаем и переводчиком.

Для выяснения обстановки митр. Владимир прислал в Коломбель своего викарного епископа Сильвестра¹⁰³. 27 июля 1952 г. под его председательством состоялось общее собрание в присутствии 39 прихожан. Собрание «единогласно постановило: выразить настоятелю храма о. Дмитрию Хвостову свое полное доверие и просить его Высокопреосвященство Митрополита Владимира не верить злостным доносам и впредь оставить его в нашем приходе на занимаемой им должности». Нападки на о. Дмитрия тем не менее не прекратились: 12 февраля 1953 г., например, Е.Т. Цыганков послал в Париж новый донос против него.

О. Дмитрию становилось все тяжелее исполнять свои обязанности в Коломбеле. Он начал справляться о возможностях перевода на другой приход. 9 марта 1952 г., новый епархиальный секретарь Кирилл Михайлович Князев¹⁰⁴ ему писал об открывающейся вакансии в Марселе. Но 11 марта о. Дмитрий сообщил К.М. Князеву, что он пересмотрел свои планы:

Я просил в свое время перейти на другой приход, но положение сейчас изменилось. За это время сильно развилось украинское самостийное движение, подкрепленное 15 казаками, отколовшихся от меня 2 года назад и распространяющих путем доносов на меня всякую глупость.

Я только что выиграл (на Рождество) генеральное сражение с ними, а именно утвердив перед дирекцией завода (которая была склонна им уступить храм) положение нашей церкви. В официальной бумаге дирекция им написала, что я есть le seul responsable pour l'église¹⁰⁵ и что только со мной дирекция считается. Поэтому я теперь не могу покинуть мой пост до осени.

5 мая 1953 г. митр. Владимиру, а также архимандриту Мефодию¹⁰⁶, было выслано письмо под подписью Цыганкова и пяти других коломбельцев. О. Димитрий вновь обвинялся в недостойном поведении, в пьяном виде во время пасхального обхода прихожан. Подписавшие письмо просили «убрать» его и заменить его другим священником. Письмо оказалось без последствий.

Весной 1953 г. был избран старостой Александр Данилович Арестов,¹⁰⁷ 23 июля 1953 г. принесший установленную присягу. А.Д. Арестов занимал должность церковного старосты до 1973 г.

15 ноября 1953 г. приходской совет коломбельского храма обсуждал доклад о служении украинского священника из Парижа прот. Владимира Вишневого¹⁰⁸, устроенном «в частном доме близ нашего храма» в день, когда в церкви служил литургию епископ Сильвестр. Было отмечено, что 25 октября «о. Вишневский возглавил не украинское богослужение, а богослужение для группы русских православных, ушедших из нашего прихода, /.../ несмотря на предварительное увещание настоятеля о. Д. Хвостова о. В. Вишневскому не делать сего церковного непорядка». Было постановлено «взять обратно» разрешение о. Вишневному служить в коломбельском храме.

Инцидент 25 октября указывает на явно недоброжелательное действие в отношении русского нашего прихода и нарушение духовной церковной дисциплины в отношении православной иерархии и, во-вторых, окормление русских православных о. Вишневым расширяет деятельность за границей украинской церкви и вредит русскому православному делу. В отношении же наших братьев украинцев

настоятель и церковный совет приглашают их пользоваться русским богослужением впредь до получения ими законного православного священника, признанного всей Православной Церковью.

30 ноября 1953 г., высылая постановление приходского совета К.М. Князеву, о. Димитрий уточнял:

«Я лично думаю, что есть какие-то политические соображения, по которым директор боится обидеть украинцев. Но юридически наш храм был предоставлен заводом 27 лет назад (что зарегистрировано тогда в префектуре) русским православным, и это теперь еще заверено мне письмом самого директора 2 года назад, когда он просил меня устроить украинские богослужения от времени до времени». Постановление приходского совета о. Вишневному не послано, но «Вишневого надо скрутить, т.к. все его действия тут противоцерковны и глубоко вредительны для нашего дела».

9 декабря 1953 г. Е.Т. Цыганков и его единомышленник, владелец русского ресторана Николай Иванович Штепа, в свою очередь обратились к К.М. Князеву. Они писали, что до них дошли сведения, что епископ Сильвестр остался недовольным, что их «группа в 56 человек служила службу и молебен 25 сего октября в частном доме». Цыганков и Штепа объясняли:

17 октября наш представитель Е.Т. Цыганков был лично принят Владыкой в Париже и предупредил Его Пресвященство, что о. Димитрий отказал нам в церкви на весь октябрь, а отложить празднование Войскового Праздника на 8 ноября (месяц спустя) находим невозможным, почему и пригласили о. Владимира Вишневого, который фактически последние три года к нам безотказно приезжает. /.../ На наше счастье мы случайно, через запорожских казаков, списались с о. Владимиром Вишневым. Теперь мы имеем помещение приблизительно на 70 человек и приступили к оборудованию своего храма. /.../ Мы просим командировать к нам священника для освящения нашего храма, а также мы надеемся иметь хоть 1 раз в месяц у себя нашего церковного настоятеля, если Епархиальное управление не найдет возможным нам дать постоянного священника.

6 января 1954 г. К.М. Князев написал о. Димитрию Хвостову, что Владыка митрополит «надеется, что усилия для водворения мира для общего примирения увенчаются успехом и что Вы проявите а этом направлении всю Вашу энергию. Иначе может осуществиться намерение основать второй приход».

8 января о. Димитрий ответил Князеву, что параллельный приход «уже существует — это украинский», которому по просьбе дирекции завода митр. Владимир разрешил пользоваться русской церковью. Число рабочих-украинцев «в данное время почти равно с русскими». Постановление совета от 15 ноября 1953 г. «нашло оппозицию в лице старосты и некоторых членов церковного совета, кои по работе связаны с украинцами и боялись идти против желания директора», и оно было отменено: о. Владимир Вишнеvский вновь допускается в храм, где он будет служить 17 января. Раскольники примкнули к украинцам. О. Димитрий делает выводы из создавшегося положения: «Пока я тут буду — сплетни и интриги не прекратятся! Быть может, что мне лучше покинуть Коломбель, что я с радостью сделаю (только не в провинцию, т.к. 5 лет тут меня уже достаточно утомило). Новый священник тотчас же справится со всем, т.к. староста Арестов — казак-атаман местных и друг оппозиции, и ему обещано, что при уходе о. Димитрия автоматически Цыганков и С^о возвращаются в приход».

В поддержку коломбельских раскольников выступил парижский Союз казаков-комбатантов, секретарь которого, В.В. Шляхтин,¹⁰⁹ взялся их активно защищать перед церковными властями. В феврале 1954 г. приезжал служить к «раскольникам» парижский священник прот. Олимп Пальмин,¹¹⁰ и они просили о присылке вновь священника во время Великого поста. К.М. Князев оповестил коломбельского настоятеля, что это прошение принято и что богослужение назначено на день, когда сам о. Димитрий собирался ехать служить в г. Руан. Это его возмутило, и 3 апреля он ответил Князеву:

Уже приезд о. Олимпа вызвал недовольство церковного совета и прихожан, которые поняли, что я уступил под давлением церковной власти, но все 100 прихожан знают лучше Парижа, что стоят 20 человек отколовшихся, и такая настойчивость Епархиального управления идти в разрез желания прихода и в разрез его жизни компрометирует высшую церковную власть. Желая умиротворить насильственно, Епархиальное управление разжигает страсти тут на месте и вредит приходской жизни и вообще церковной дисциплине. Мне же лично теперь ясно, что Управление епархиального духовенства не доверяет мне.

Князев в ответном письме заверил о. Димитрия, что его подозрения о недоверии напрасны, но не убедил его.

23 мая 1954 г. состоялось совместное «собрание прихожан и бывших прихожан». Несмотря на усилия ряда лиц, положение не изменилось: «Все представители бывших прихожан заявили, что положение остается без перемен и что группа будет ожидать дальнейших событий» и отвергли заявление старосты Арестова «о невозможности существования двух приходов в Коломбеле».

На общем собрании прихожан, созванном 6 июня 1954 г., было решено уполномочить старосту А.Д. Арестова и казначея прихода Г.В. Бабича¹¹¹ поехать к митр. Владимиру с петицией, подписанной прихожанами, и с просьбой «раз и навсегда положить конец удручающему и скандальному явлению, где кучка нецерковномыслящих, покинувших добровольно наш приход, старается навязать свою волю более ста действительным прихожанам, усердно вносящим ежемесячное приходское самообложение и деятельно принимавшим участие во всех делах прихода».

10 июня 1954 г. Арестов и Бабич были с докладом у митр. Владимира, но Епархиальный совет под председательством прот. Василия Зеньковского¹¹² ожидаемого ими решения так и не принял. 18 октября 1954 г. А.Д. Арестов и Г.В. Бабич обратились с письмом к о. Василию Зеньковскому. Они удивлялись, что их просьба в Париже «обходится молчанием» и писали:

То, что приход, созданный 30 лет тому назад, прошедший через исключительные испытания, выпавшие на его долю во время войны, сохранился до настоящего времени, что, несмотря на все происходившие раздоры, Коломбельский храм заботами своих прихожан содержится в образцовом порядке и может быть примером для многих провинциальных храмов, служит лучшим доказательством отношения русских коломбельцев к церкви, в которой они видят единственную ценность, оставшуюся в эмиграции.

В заключении своего письма Арестов и Бабич предупреждали, что «уже сейчас идут среди прихожан разговоры о переходе в другую юрисдикцию вследствие недовольства инертностью Епархиального управления».

Ответ о. Василия Зеньковского был отправлен 26 октября 1954 г. Он не удовлетворил коломбельский приходской совет, так как о. Василий сообщал только распоряжение митр. Владимира об оставлении на должности настоятеля о. Димитрия Хвостова. 7 ноября, Арестов и Бабич обратились к о. Василию. Они писали: «Нам нужно знать, считается ли Епархиальный совет с желанием прихожан прекратить смуту в приходе, продолжающуюся около 3-х лет благодаря полуофициальной поддержке из Парижа отколовшейся группы, и не находит ли он нужным принять зависящие меры для водворения мира».

В начале декабря 1954 г. прот. Василий Зеньковский написал о. Димитрию Хвостову, предлагая ему приехать в Париж для беседы. Предполагая, что ему будет предложен «перевод из Коломбеля», о. Димитрий ответил (10 декабря), указывая, что ему в настоящее время трудно будет приехать в Париж и что его уход из Коломбеля грозил бы «чреватými последствиями». Он будет сочтен «торжеством группы Цыканкова» и повлечет уход из прихода ряда прихожан. Уход о. Димитрия, к тому же «вызовет вновь украинские притязания на церковь». «Дирекция, которая смотрит на все наше церковное дело тут лишь с точки зрения удовлетворить свой рабочий люд, сможет разделить храм между почти что равным числом своих

рабочих». Пострадает и церковно-общественная деятельность православного прихода:

Личная добрая связь с католическим духовенством и с епископами Нормандии дала мне возможность получить право пользования католическими церквями во всем округе, при моих разъездах, для погребений русских. Университет г. Кан считает нужным приглашать меня на всевозможные церемонии, а также для чтения лекций для студентов. Этим православная русская жизнь вошла тут в орбиту французской культурной жизни. Мой заместитель сможет ли он тотчас же встать на мое место и не потерпит ли тут урон наше общее православное дело?

В итоге, встреча между о. Василием Зеньковским и о. Димитрием все же состоялась в Париже 28 января 1955 г. «В течение двух часов настоятель прихода в Коломбеле подробно рассказал о положении дел в приходе и о событиях приходской жизни за последние шесть лет, особо останавливаясь на тех условиях, в которых протекает приходская работа, как и на проявленных усилиях по восстановлению храма после войны». 29 января о. Димитрий был принят митр. Владимиром, который «выразил надежду, что благие попытки приходских властей, направленные к водворению мира и возвращению в приход отколовшихся прихожан, будут продолжаться и впредь».

Несмотря на поддержку, оказанную в Париже о. Димитрию Хвостову, Арестов и Бабич продолжали испытывать обиду за то, «что как будто законный приход и его представители поставлены на одну плоскость с какими-то отколовшимися элементами».

25 марта 1955 г. К.М. Князев выслал А.Д. Арестову письмо, положившее конец затянувшемуся недоразумению. Он уточнял: «Решение Его Высокопреосвященства было оставление о. Димитрия Хвостова и впредь в Коломбеле. Этим оказались разрешенными оба вопроса, ибо о. Димитрий Хвостов, оставаясь в Коломбеле, продолжает свою работу с вами и с приходским советом, а отколовшиеся прихожане этим приглашены вступить в приход,

если они желают иметь общение с местной законной канонической единицей, а через нее и со всей Православной Церковью». 27 марта о. Димитрий написал Князеву, что его письмо «всех удовлетворило» и было даже прочтено на общем собрании прихожан, состоявшемся в тот же день.

17 апреля 1955г. «за усердную и полезную службу» о. Димитрий Хвостов был награжден камилавкой.

Жизнь коломбельского прихода шла своим чередом и по возможности поддерживалась из Парижа. На 15 апреля 1956 г. была устроена миссионерская поездка в приход Н.А.Куломзина¹¹⁵, преподавателя в Св.-Сергиевского богословского института и специалиста по Новому Завету. Должность коломбельского настоятеля продолжала быть нелегкой. В феврале 1956 г., например, о. Димитрий писал К.М. Князеву: «У меня перегрузка страшная и хоть меня, сельского попа, Господь охраняет от гриппа, мне с холодом приходится колесить [на мопеде] по всей Нормандии».

С первых месяцев 1956 г. стало реально намечаться для о. Димитрия Хвостова новое назначение на должность православного военного священника в Алжире. Из Франции в беспокойный Алжир отправлялось все больше военных, призывников, среди которых были и православные. В административном отношении перевод в Алжир о. Димитрия оказался довольно сложным и затянулся до августа 1956 г. Помогла его назначению высокая оценка, данная руководством СМН, личности и деятельности о. Димитрия, а также его вице-председательство местного Содружества бывших [французских] военнопленных.

Церковная жизнь от ожидаемого отъезда о. Димитрия не пострадала. 16 июля 1956 г, сообщая ему, что в парижском Военном министерстве наконец намечается окончание административной проволочки с его назначением в Алжир, К.М. Князев также писал: «Православные парижане, которые проездом в Коломбеле были на литургии 8-го июля, сообщили мне, что они были поражены

благоустройством, чистотой и порядком в храме, Вашим благолепным служением и благоговейным и чинным присутствием прихожан, внимающим божественную литургию».

30 августа 1956 г. о. Димитрий Хвостов смог сообщить К.М. Князеву:

Все подписано, получил билет до Марселя, но одеть [в военную форму] не хотят. Ловчу как могу, чтобы все же не ехать в рясе. Должен быть в Марселе начиная от вторника, но точно узнаю лишь в субботу. Могу отслужить в воскресенье и 7 ½ вечера быть в Париже, в понедельник рано утром на Дагу, а в понедельник вечером выехать в Марсель. Позвоню Вам в субботу в 3 ч. дня на Дагу или же телеграфно назначите иной час, но в субботу после обеда, т.к. до 12 еще не буду знать.

Наподобие приведенных выше таблиц, относящихся к довоенному периоду, мы составили таблицы, указывающие крещения и церковные браки в военные и послевоенные годы. Отсутствуют метрические книги, относящиеся к крещениям в 1948 г. и в 1955–1959 гг. (в 1960 г. было три крещения, в 1961 г. — только одно). Отсутствуют также метрические книги о браках в 1949 г. и 1955–1959 гг. (в 1960 г. и в 1961 г. не было ни одного церковного брака).

Крещения 1940–1954 гг.

1940: 13 Пр./пр.: 5 Пр./кат.: 7 Рус./фр.: 2 Обращено: 2	1941: 19 Пр./пр.: 7 Пр./кат.: 11 Рус./фр.: 2	1942: 14 Пр./пр.: 4 Пр./кат.: 8 Рус./фр.: 4	1943: 11 Пр./пр.: 4 Пр./кат.: 6 Рус./фр.: 1 Обращено: 1	1944: 1 Пр./пр.: 1
1945: 5 Пр./пр.: 3 Пр./кат.: 1 Рус./фр.: 0	1946: 8 Пр./пр.: 2 Пр./кат.: 5 Рус./фр.: 2 Обращено: 1	1947: 4 Пр./пр.: 2 Пр./кат.: 2 Рус./фр.: 0 Обращено: 4	1948 Нет данных	1949: 8 Пр./пр.: 6 Пр./кат.: 2 Рус./фр.: 0
1950: 10 Пр./пр.: 7 Пр./кат.: 2 Рус./фр.: 1	1951: 5 Пр./пр.: 4 Пр./кат.: 1 Рус./фр.: 1	1952: 3 Пр./пр.: 3 Рус./фр.: 0	1953: 4 Пр./пр.: 4 Рус./фр.: 0	1954: 3 Пр./пр.: 2 Пр./кат.: 1 Рус./фр.: 1

За период 1940–1954 гг. отмечено в метрических книгах 108 крещений. Если для нехватящего 1948 г. определить среднюю цифру за 1947 г. и 1949 г., выходит их общее количество 114, т.е. в среднем 8 крестин в год (за период 1925–1939 гг. их было в среднем 20 в год). С 1940 по 1954 г. в 54 случаях оба родителя были православными (50 %). Крестин православно-католических родителей было 46 (42 %). В 5 случаях отцом был православный, а мать протестантка. В одном случае оба родителя были старообрядцами, также в одном — греко-католиками. Было 6 обращений в православие. Русско-французских крестин было 14:13 %.

Браки 1940–1954 гг.

1940: 6 Пр./пр.: 2 Пр./кат.: 4 Рус./рус.: 2 Рус./фр.: 3 Рус./пол.: 1	1941: 13 Пр./пр.: 6 Пр./кат.: 6 Рус./рус.: 6 Рус./пол.: 6	1942: 6 Пр./пр.: 4 Пр./кат.: 2 Рус./рус.: 4 Рус./фр.: 1	1943: 0	1944: 2 Пр./пр.: 2 Рус./рус.: 2
1945: 0	1946: 1 Пр./пр.: 1 Рус./рус.: 1	1947: 2 Пр./пр.: 1 Пр./кат.: 1 Рус./рус.: 1 Рус./пол.: 1	1948: 2 Пр./пр.: 2 Рус./рус.: 2	1949 Нет данных
1950: 2 Пр./кат.: 2 Рус./пол.: 1	1951: 5 Пр./пр.: 1 Пр./кат.: 2 Кат./пр.: 2 Рус./рус.: 1 Рус./фр.: 2 Фр./ру.: 2	1952: 3 Пр./пр.: 1 Пр./кат.: 2 Рус./рус.: 1 Рус./фр.: 2	1953: 1 Кат./пр.: 1 Фр./ру.: 1	1954: 3 Пр./пр.: 1 Пр./кат.: 2 Рус./фр.: 3

В метрических книгах с 1940 по 1954 г. (без 1949 г.) отмечено 46 браков. В среднем — 3 в год. Рекордным годом был 1941 г.: 13 браков. В этот год 10 из 13 женихов были русские в возрасте от 40 до 48 лет, один — 40-летний голландец и двое молодых русских (оба — 24 года). Примечательно, что 7 из этих 13 браков относятся к февра-

лю 1941 г. — ко времени первой волны отъездов мужчин на работы в Германию. Чисто православных браков за период 1940–1954 гг. — 21 (46 %), православно-католических также 21 (46 %). Три француза-католика (в 1951 г. и 1953 г.) женились в православном храме на русских православных. В 21 случаях оба венчавшихся были русскими (46 %), русско-французских браков было 11 (24 %), русско-польских — 9 (20 %).

Коломбельский приход с 1956 по 1960 г.

24 сентября 1956 г. староста А.Д. Арестов обратился к митр. Владимиру с письмом, выражающим тревогу коломбельских прихожан: к ним не был назначен преемник настоятеля о. Димитрия Хвостова, а стал приезжать из Парижа бывший бельгийский католический священник о. Григорий де Луф (Grégoire de Louf)¹⁴. Арестов писал:

Приход наш существует тридцать лет, в этом году собирались праздновать юбилей, но уехал наш отец Димитрий, пришлось отложить праздник тридцатилетия. Все мы рабочие на металлургическом заводе, ранения каждый день, есть и смертные случаи, часто попадают и наши русские, нужен священник для исповеди и причастия. /.../ 16-го, 22 и 23 сентября служил у нас отец Григуар, откомандированный Вами, молодежь его понимает хорошо, а мы старики понимаем плохо. В приходе 112 человек, возраст 55–72–75 лет (молодежь колонии не считаю), как можно идти на исповедь, когда батюшка не понимает по-русски, а из нас многие не понимают по-французски? Просим Вас Владыка, если есть возможность, назначить нам русского священника, а также на 30-е сентября откомандировать нам русского священника».

Взамен о. Григория де Луф стали посылать из Парижа о. Николая Алексеенко¹⁵. Но он не подошел и 16 октября 1956 г. Арестов обратился к Князеву, прося его на 28-е октября вновь послать о. Григория и не посылать о. Николая:

Он был у нас три раза и больше прихожане не хотят его видеть, заявляют нам нужен священник а не торгош, слишком спесив и много требователен, не успел переступить

церковной ограды, как начал крыть направо и налево, что он назначен сюда в Коломбель настоятелем, но что он никогда не согласится остаться здесь на содержание отца Димитрия Хвостова, 18–20 тысяч его не устраивают, ему нужно не меньше 25-ти тысяч и посмотреть, какую ему предоставят квартиру, ибо квартира отца Димитрия ему не нравится. На следующий день он сбавил тон и согласен остаться на 22 000 фр. в месяц. Но у него появилось новое желание: приход обязан дать бесплатно квартиру, отопление и освещение.

Прихожане живут очень разбросанно вокруг Коломбеля, в Кане и в ряде поселков, иногда отдаленных. Приход обзавелся мопедом, на котором о. Димитрий объезжал своих прихожан, но о. Николай соглашается разъезжать лишь на такси. «Конечно, такой настоятель нам не нужен».

27/28 октября 1956 г. служил в Коломбеле о. Григорий де Луф, 3/4 ноября — о. Григорий Свечин¹¹⁶. О. Григорий Свечин был бы желанным настоятелем, но на пути его назначения возникали материальные препятствия. 6 ноября А.Д. Арестов писал К.М. Князеву, что он беседовал с о. Свечиным и выяснилось, что ежемесячные 30 000 фр., которые ему может предложить приход, — недостаточны. Супруга о. Григория должна будет оставить работу и, даже учитывая государственные пособия на четырех из пяти детей Свечиных, им в Коломбеле «жить будет трудно». О. Григорий Свечин предложил приезжать 2–3 раза в месяц, чередуясь с о. Григорием де Луф. Но это не подходит: нужен для храма настоящий настоятель. «Отец Григорий де Луф хотел бы быть нашим настоятелем, милейший человек, лучшего нам и не надо, но вот беда не говорит по-русски».

В ноябре приезжали в Коломбель о. де Луф и о. Свечин. 25 ноября 1956 г. говорили о возможном настоятельстве. О. Григорий соглашался на переезд в Коломбель, если ему будет предоставлена возможность работать 3–4 дня в неделю на заводе и если он будет уверен, что о. Димитрий Хвостов окончательно покинул свой приход. Вопрос о работе о. Григория Свечина решить возможно, писал

Арестов Князеву 28 ноября 1956 г., но на второй вопрос может ответить только Париж. Париж молчал и чередование приездов обоих отцов Григориев продолжалось.

Приезжал 29/27 января о. Димитрий Василькиоти¹¹⁷. По письму Арестова от 29 января 1957 г. «отец Димитрий расположил и очаровал всех прихожан», и они его просили обратиться к митр. Владимиру с просьбой о его назначении. Но назначение о. Димитрия не осуществилось. Весь февраль 1957 г. приезжал служить в свой родной приход о. Димитрий Хвостов, в отпуске во Франции.

Нового настоятеля так и не появлялось, и в приходе стали накаливаться страсти: 19 марта 1957 г. А.Д. Арестов писал К.М. Князеву:

Хотелось бы знать, когда к нам приедет постоянный священник? Прихожане просят меня созвать общее собрание прихожан для избрания или выбора делегата, который должен со старостой ехать к Владыке Митрополиту, просить назначения нам настоятеля и прекратить наше ненормальное положение, а если Владыка откажется удовлетворить нашу просьбу, то, как это ни прискорбно, мы вынуждены будем обратиться в иную юрисдикцию. На мое заявление, что староста не имеет права созывать собраний, это право дано только настоятелю, на это мне объявили, что если Епархиальное управление не желает с нами считаться, то мы сами должны искать выход из создавшегося положения.

Присылка из Парижа случайных свободных священников продолжалась. Организовать церковную жизнь в таких условиях было непросто. 17 июня 1957 г., например, Арестов писал Князеву: «Очень прискорбно, что вчера, т.е. в воскресенье 16-го сего июня у нас здесь не было службы. Из St André (рудник железной руды), 40 километров от нас, приехала группа сербов (наши прихожане), должны были крестить 2 или 3 ребенка, но уехали, не очень были довольны. Да вообще было много народа, и сегодня у меня были посетители, выражая свое неудовольствие». А 24 июня, Арестов сообщил Князеву: «Вчера у нас получился скан-

дал, должны были быть крестины, но отец Григуар де Луф не взял с собой книжку для совершения крещения. Люди приготовились, устроили обед и пр./.../ Отец ребенка закатил мне такую сцену, что чертям тошно».

10 июля 1957 г. был наконец назначен исполняющим обязанности настоятеля Коломбельской церкви иеромонах Иоанн (Матси).

Жизненный путь Петра Матси (1906–1960 гг.), будущего иеромонаха Иоанна, необычен и трагичен. Финн по национальности, он в 1919–1926 гг. был послушником Валаамского монастыря. Затем вступил в братию Псково-Печерского монастыря, был келейником еп. Иоанна Печерского. Переселившись в Сербию, он был пострижен в монашество в 1935 г. и рукоположен в иеромонаха в 1937 г. В 1939 г. о. Иоанна призвали в финскую армию, он служил полковым священником, затем священником в Заонежье, был и священником в лагере советских военнопленных. В 1945 г. он выехал в СССР. В 1946–1947 гг. его заключили в тюрьму в Петрозаводске, затем отправили на Воркуту. В 1953–1955 гг. о. Иоанн снова сидел в Петрозаводской тюрьме. Жестокими избиениями его там стремились склонить к сотрудничеству с КГБ. Он был в итоге возвращен в лагерь на Воркуту, затем переведен в Мордовские лагеря. Высланный в Финляндию в 1955 г. и приехавший во Францию в 1957 г., о. Иоанн был сперва пом. настоятеля Св.-Николаевского собора в Ницце, а с 10 июля 1957 г. по 16 мая 1960 г. — и.д. настоятеля церкви в Коломбеле. Назначенный 21 сентября 1960 г. настоятелем Св.-Александр-Невской церкви в Ле Крезе, о. Иоанн 18 ноября 1960 г. скоропостижно скончался от сердечного приступа.

В письме от 17 июля 1957, А.Д. Арестов описал К.М. Князеву встречу о. Иоанна в субботу 13 июля:

Поехали встречать на автомобиле, и, оказывается, отцу Иоанну нужен не автомобиль, а камион¹¹⁸. Он привез весь свой багаж с собой, который состоит из десятка ящиков,

сундуков, чемоданов, сумок и коробок, которые содержат походную церковь и три или четыре комплекта облачений и прочую церковную утварь. Если отец Иоанн начнет развезать с своим багажом, то для перевоза подобных сундуков ему не хватит приходских окладов, так как отец Иоанн приехал со всем своим добром. Я, церковный совет и некоторые прихожане просили отца Иоанна остаться нашим настоятелем. Он нам ответил: если на то будет Божья воля и благословение Его Высокопреосвященства Владыки Митрополита Владимира, он подаст прошение о назначении его к нам настоятелем прихода.

Сам о. Иоанн писал Князеву 21 ноября 1957 г.: «Живу пока здесь и приходится другой разик и шерсть приподнять и есть за что, но ничего не поделаешь, таков мир сей!»

Иеромонах Иоанн (Матси) с приходом не сжился. Уже 24 февраля 1958 г. староста Арестов и секретарь прихода Бахалов обратились письмом к К.М. Князеву, указывая ему на неполадки в приходской жизни и прося о командировке в Коломбель «о. благочинного, которому было бы поручено произвести на месте расследование всех приходских неурядиц». Благочинному предлагалось провести до Пасхи приходское собрание. Но ответа из Парижа, видимо, не поступило, и 7 апреля Арестов вновь обратился к Князеву, на этот раз уже с просьбой «убрать отсюда и заменить другим» о. Иоанна, так как творимые им «мерзости» продолжаться не могут. Если желаемое решение принято не будет, от отца Иоанна коломбельцы избавятся «собственными силами», прекратив выплату ему жалованья. Поведение о. Иоанна далее терпеть невозможно:

Он угрожает, что разгонит наш приход и церковь отдаст украинцам, в выражениях совершенно не стесняясь: церковный совет — «гангстеры», прихожане — «шпана», приход — «помойная яма». В церковной ограде надо повесить «красный фонарь». Я нахожу, что он просто ненормальный и ему место в доме умалишенных. Он говорит, что он был 10 лет в советском лагере в Воркуте, возможно, что это на него подействовало, ибо здравомыслящий человек не может творить те мерзости, что творит здесь отец Иоанн.

В результате деятельности о. Иоанна, пишет Арестов, многие ушли из прихода, некоторые перешли к украинцам. «Если Епархиальное управление не сможет его заменить, то нам лучше временно закрыть наш приход и ждать возвращения нашего настоятеля отца Димитрия Хвостова».

9 апреля 1958 г. председатель ревизионной комиссии Г.В. Бабич был в Париже и беседовал с Князевым о положении в Коломбеле. 29 мая было получено в Париже письмо от приходского совета с новой просьбой прислать кого-нибудь для проведения расследования «ввиду частых неприятных споров и ссор, доходящих иногда почти до драки» между о. Иоанном и членами прихода и приходского совета. 3 июня Арестов вновь написал Князеву, сетуя, что, несмотря на обещания, благочинный все не едет.

31 июля 1958 г. Арестов послал Князеву письмо, раскрывающее новые эпизоды «коломбельской хроники». Он писал, что официально продолжающий быть настоятелем о. Димитрий Хвостов «находящийся в отпуску, заявил полуофициально, что он подписал контракт еще на два года и вообще возвращаться в Коломбель не намерен». Недавно приезжал в Коломбель о. Алексей Панчулидзе¹⁹, которого Князев предлагает в новые настоятели. Но указывает Арестов:

Я не совсем уверен, что отец Алексей мог точно разобрататься в нашей церковной смуте. Как Вам известно, у нас две группы: сторонники отца Димитрия и враги. Как курьез, отец Иоанн на стороне врагов отца Димитрия и старается всякие пакости творить его сторонникам. Так получилось и теперь. Я не смог найти помещения для отца Алексея около храма, все заняты парижанами. Я же живу далеко от храма, и у себя не мог поместить, так как далеко. Священник должен быть около храма. Отец Иоанн предложил, что отец Алексей будет ночевать у него. Я согласился. Но как только я уехал, отец Иоанн устроил отца Алексея у врагов отца Димитрия и конечно врагов прихода. Воображаю, как его посвятили в приходские дела.

В Коломбеле положение не менялось и 8 октября 1958 г., староста Арестов обратился с письмом к о. Димитрию Хвостову. О. Иоанну, указывал он, было сообщено, что жалование ему будет выплачиваться только до конца месяца. «Я его поддерживал пятнадцать месяцев — дальше не могу. Он вообразил, что он комендант концентрационного лагеря, а мы его пленные». Арестов просил о. Димитрия о содействии: «Во имя нашего прошлого, я Вас умоляю, черкните в Епархию, чтобы не дать нашей церкви погибнуть. Во имя наших долголетних совместных трудов я прошу Вас подействовать на власть имущих, чтобы они раскрыли глаза и убрали бы «Вашего заместителя» из Коломбеля».

16 ноября 1958 г. было послано обращение к митр. Владимиру под подписью старосты и членов приходского совета с просьбой «немедленно отозвать» о. Иоанна Матси «так как его дальнейшее пребывание у нас поведет к совершенному развалу нашего прихода». Нужно срочно найти выход, так как многие прихожане отказались от самообложения и денежный вопрос становится «критическим». Вследствие этого последнего обращения к митрополиту о. Иоанн перестал служить в коломбельском храме и снова стали приезжать священники из Парижа по субботам и воскресеньям.

В декабре приезжал о. Григорий де Луф и сделал предложение остаться настоятелем. 25 декабря 1958 г. Арестов писал Князеву:

Отец де Луф очень хороший человек, тихий, скромный, нам бы лучшего батюшки и не надо, но вот ведь он нас не понимает, а мы его, зачем же нам такой батюшка? Нет уж просим Владыку, чтобы нам прислали русского батюшку. Нас крестил русский батюшка, венчал русский, пусть перед смертью исповедует, причастит и похоронит также русский батюшка. При русском и смерть будет легче.

На Рождество, в январе 1959 г., приезжал служить о. Илия Мелия. Затем продолжалась присылка разных

священников из Парижа. Но у митр. Владимира тогда уже был на прицеле кандидат на должность настоятеля — протоиерей Владимир Голунский, из Сербии, который еще 5 декабря 1958 г. обратился к нему с просьбой предоставить ему в его епархии «место приходского священника — настоятеля».

15 января 1959 г. о. Владимиру Голунскому было сообщено (в Югославию), что он назначен «на должность настоятеля русского православного прихода в Коломбеле (Кальвадос) при условии соблюдения канонических правил».

Митрофорный протоиерей Владимир Васильевич Голунский (1903–1994 гг.) родился в Москве в дворянской семье, учился в 3-м Московском кадетском корпусе, участвовал в Гражданской войне на юге России, числился в Крымском кадетском корпусе. Эмигрировав в Сербию, Владимир Голунский окончил кадетский корпус в г. Бела Црква и богословский факультет Белградского университета. Затем он служил законоучителем в сербских гимназиях. Рукоположенный в 1940 г. во иерея митр. Анастасием, о. Владимир преподавал Закон Божий в Русском кадетском корпусе (1941–1944 гг.), затем был приходским священником в Сербии (1945–1957 гг. и 1958–1959 гг.). В 1957 г. он выехал в Бельгию, был пом. настоятеля Воскресенского храма в Брюсселе (РПЦЗ). В 1958 г. вернулся в Югославию настоятелем церкви в селе Великие Ливаде. О. Владимир Голунский окончательно покинул Югославию в 1960 г. с женой и сыном и занимал должность настоятеля Коломбельской церкви с 19 мая 1960 г. по 17 сентября 1994 г.

5 марта 1959 г. Князев написал Арестову, что приезд «постоянного священника к сожалению задерживается, в Коломбель на несколько недель командировается иеромонах Иоанн Матси». Возвращение о. Иоанна вызвало недоумение Арестова, выраженное в письме от 17 марта: «По просьбе церковного совета и прихожан, был отозван

отец Иоанн Матси. Теперь его вновь прислали. Вы мне пишете, что он командировается на несколько недель, тогда как отец Иоанн заявляет, что он прислан как постоянный настоятель».

Выезд семьи Голунских из Югославии во Францию оказался делом непростым. Переговоры велись Епархиальным управлением при активном участии прот. Валента Роменского¹²⁰, настоятеля Скорбященской церкви в г. Ментоне, где проживали родственники о. Владимира. Лишь 26 мая 1959 г. о. Владимир, собрав необходимые бумаги, смог подать во французском консульстве в Белграде прошение о разрешении приезда во Францию. Но 28 июля 1959 г. он писал митр. Владимиру: «Вот уже в течение двух месяцев не имею никаких изъяснений ни со стороны французских властей, ни от нашего Управления. /.../ Вся задержка в французской визе, без которой я не имею формальной возможности просить канонический отпуск, как устно и разговаривал с моим епископом. 21 октября 1959 г. о. Владимир написал Князеву, что виза наконец получена, но что теперь требуется письмо от митр. Владимира, чтобы его епископ дал ему канонический отпуск.

2 ноября 1959 г. о. Валент Роменский обратился к К.М. Князеву. Он ему писал, что просит его «ответить на вопль» семейного человека, стремящегося «спастись из коммунистического „рая“, чтобы на свободе послужить Церкви и Богу у нас». Для выезда из Югославии о. Владимиру Голунскому не хватает лишь письма от митр. Владимира. Учитывая, что митр. Владимир «хворает» (он скончался 11 декабря), о. Валент пишет, что «в крайнем случае бумагу мог бы подписать и викарный архиерей, — я позволю себе особо просить об этом деле и Владыку Мефодия».

Того же 2 ноября 1959 г. обратился к К.М. Князеву из Коломбеля обеспокоенный неопределенностью ситуации староста А.Д. Арестов:

Не откажите разъяснить следующее. Вот уже четыре месяца я веду переписку с протоиереем отцом Владимиром Голунским из Сербии по рекомендации протоиерея отца Валента Роменского. Он назначен к нам настоятелем. С месяц тому назад я получил письмо. Отец Владимир просит для его приезда приготовить квартиру: поставить кровати, столы, печку, стулья и пр. (очевидно, отец Владимир думает, что у меня мебельный магазин), а также встретить его на вокзале в Кан (Саен). Теперь я получил письмо, прилагаемое при сем, что он скоро приезжает к нам. Я ответил отцу Владимиру, как это ни странно, но мы не имеем подтверждения из Епархиального управления о назначении к нам отца Владимира, что это недоразумение! Прошу разъяснить.

3 ноября 1959 г. было подписано митр. Владимиром письмо епископу Банатскому Виссариону с просьбой о каноническом отпуске для о. Владимира Голунского. Митрополит писал, что «будет возможно предоставить ему место в одном из приходов вверенного мне Экзархата в Западной Европе». 10 ноября 1959 г., поблагодарив К.М. Князева за полученное письмо за подписью митр. Владимира, о. Владимир Голунский выразил тем не менее беспокойство о том, что в письме не указано, что место его назначения — Коломбель. Куда же брать ему билеты и куда отправлять багаж?

Голунским было предложено сперва прибыть в Ментону, а затем оттуда переправиться через Париж в Коломбель. 4 мая 1960 г. о. Валент писал К.М. Князеву, что прот. Владимир отправляется в Париж и указывал ему, что «из Коломбеля хотят иметь от Епархиального управления указ с подтверждением назначения настоятелем прихода в Коломбеле отца Голунского. С этим указом он поедет на место назначения, куда отправлены его вещи и едут жена и малый сын. Денег ни на жизнь, ни на переезды у него больше нет. Он должен быть утвержден на законно ему принадлежащем месте, а иначе получится жизненная драма».

О. Владимир был назначен указом церковной власти на Коломбельский приход 19 мая 1960 г. и приступил к своим обязанностям 21 мая.

Вскоре о. Владимиру удалось добиться большого и долгожданного успеха — воссоединения Коломбельского прихода. Он об этом оповестил 27 сентября 1960 г. Епархиальное управление, выслав ему копию «акта приходскому совету, извещавшего о воссоединении». «В ознаменовании того, — сообщал о. Владимир, — после торжественной литургии 7.VIII.1960 г. был отслужен благодарственный молебен».

Видимо, о. Владимиру Голунскому и его супруге не легко было привыкнуть к условиям жизни на новом месте, в рабочем местечке неведомой им страны. Уже 5 сентября 1960 г. о. Владимир обратился к епископу Георгию¹²¹ с просьбой «о скорейшей выдаче канонического отпуска», дабы он «смог на этих днях приступить к формальностям по отправке вещей и транзитных виз» в Югославию. Главными причинами желания вернуться в только что покинутую страну были опасения за дальнейшее образование 10-летнего сына Павла, а также нежелание, в случае длительного пребывания во Франции, лишиться югославского гражданства и тех льгот и прав, которыми о. Владимир пользовался в Югославии в качестве священника Сербской Церкви.

8 октября 1960 г. о. Владимир подробно изложил и К.М. Князеву причины своего решения покинуть Францию и просил содействия в получении канонического отпуска от архиеп. Георгия. Голунские должны были уехать в Югославию до окончания, в ноябре, срока возвратных виз и так, чтобы их сын смог догнать потерянное школьное время. О. Владимир сознавал, что его решение может вызвать непонимание, но он считал, что его отъезд не будет иметь тяжелых последствий для прихода:

Здесь уже настолько выдохлась приходская жизнь (не по вине прихожан, а по их распылению из этого места), что временные наезды какого-либо священника нисколько не отразятся на их духовном окормлении; треб здесь почти совершенно нет. Тихо и спокойно, и благодаря заводу все

же можно существовать. Конечно, семейному священнику тяжело, когда надо выводить и учить детей, не будучи даже обеспеченным в социальном отношении, как это в Югославии, где все священники имеют бесплатные медицинские услуги и за них 50% платит государство, а 50% приход.

20 октября 1960 г. Князев сообщил о. Владимиру, что архиеп. Георгий распорядился выдать ему канонический отпуск и просил его сообщить, когда он собирается «покинуть приход». Но в ответном письме от 25 ноября 1960 г. решение выехать из Франции у о. Владимира было уже не таким твердым: обратные визы были продлены, надо было тщательно взвесить все условия обучения сына и «перспективы его будущего». К тому же епископ Банатский «уже имел распоряжение о приходе... Все это надо обдумать». Еще некоторое время Голунские колебались, но вскоре все же приняли решение остаться в Коломбеле, где о. Владимиру привелось быть настоятелем в течение 34 лет, до самой смерти.

В 1960-е годы приход стал постепенно терять свои живые русские силы. Старые прихожане уходили в мир иной или уезжали из Нормандии. Молодые, по окончании образования, в большинстве также разъезжались кто куда. Взамен первоначального чисто русского прихода со временем образовался франкоязычный приход, объединивший в Св.-Сергиевском храме православных разного происхождения. Коломбельская православная община нового образца и ныне вполне жива и активна, но история ее возникновения и развития не входит в задачу, поставленную перед нами в настоящей статье.

Приложение 1

Настоятели (и и.д. настоятеля) Св.-Сергиевского храма в Коломбеле (1926-1960 гг.):

1. О. Димитрий Троицкий: 22 сентября 1926–11 июня 1927 гг.

2. О. Иаков Кгитарев: 1 августа 1927–1 октября 1928 гг.
3. О. Михаил Соколов: 14 октября 1928–15 декабря 1942 гг.
4. О. Павел Голышев: 15 декабря 1942–1 августа 1946 гг.
5. О. Илия Мелия: 1 августа 1946–16 сентября 1949 гг.
6. О. Димитрий Хвостов: 19 сентября 1949–2 сентября 1956 гг.
7. О. Иоанн (Матси): 10 июля 1957–16 мая 1960.
8. О. Владимир Голунский: 19 мая 1960–17 сентября 1994 гг.

Помощники настоятеля:

1. О. Александр Семенов-Тянь-Шанский: 1 июня 1943–11 января 1944 гг.
2. О. Евгений Попов: 27 сентября 1943–1 апреля 1945 гг.
3. О. Илия Мелия: 1 апреля 1945–1 июля 1946 гг.

Диаконы:

- О. Евгений Попов: 13 июля 1930–27 сентября 1943 гг.

Приложение 2

Церковные старосты Св.-Сергиевского храма в Коломбеле (1926-1960 гг.).

1. Николай Михайлович Григорьев: 17 октября 1926–26 июня 1927 гг.
2. Михаил Николаевич Слепушкин: 26 июня 1927–1 октября 1928 гг.
3. Александр Георгиевич Стрельник: 2 декабря 1928–23 марта 1930 гг.
4. Василий Софронович Яструбецкий: 23 марта 1930–20 мая 1934 гг.
5. Димитрий Поликарпович Широчинский: 20 мая 1934–8 июня 1941 гг.
6. Фотий Давыдович Мануйлов: 8 июня 1941–27 мая 1945 гг.
7. Алексей Лукич Чернобаев: 27 мая 1945–2 июня 1947 гг.
8. Емельян Тарасович Цыганков: (зам.: 2 июня 1947)

29 февраля 1948–18 февраля 1951 гг.

9. Георгий Михайлович Бахалов: 18 февраля 1951–июль 1953 гг.

10. Александр Данилович Арестов: Июль 1953–декабрь 1973 гг.

Источники

Архивные документы

1. Епархиальный архив Архиепископии русских православных церквей в Западной Европе.

2. Архив прихода Св.-Сергиевского храма в Коломбеле.

3. Дневники профессора Петра Ковалевского. Хроника церковных событий русского православного рассеяния и жизни Церкви (Notes journalières du professeur Pierre Kovalevsky. Chronique des faits religieux de la dispersion orthodoxe russe et de la vie de l'Église). Машинописная рукопись, хранящаяся в архиве Бенедиктинского монастыря Воздвижения Креста Господня в Шеветонь (Бельгия).

4. Воспоминания Николая Николаевича Гуковича (архив автора).

Краткая библиография

1. Газеты: «Возрождение», Париж; «L'Ouest-Éclair», Кан.

2. *Евлогий, митрополит*. Путь моей жизни. Воспоминания Митрополита Евлогия / Изложенные по его рассказам Т. Манухиной. Париж: УМСА-Press. 1947.

3. История эмигрантского прихода. В преддверии 90-летия создания церкви Введения во храм Пресвятой Богородицы при Русском Студенческом Христианском Движении в Париже. Париж: Éditions de la Présentation. 2015.

4. *Корляков Андрей*. Русская эмиграция в фотографиях. 1917–1947. Они сохранили достоинство и честь. Париж: УМСА-Press. 2001.

5. *Нивьер Антуан*. Православные священнослужители, богословы и церковные деятели русской эмиграции в Западной и

Центральной Европе. 1920–1995 / Биографический справочник. Москва-Париж: Русский Путь/УМСА-Press. 2007.

6. Пасхальный свет на улице Дарю. Дневники Петра Евграфовича Ковалевского 1937–1948 годов / Составитель, автор предисловия и примечаний: Николай Росс. Нижний Новгород: Христианская библиотека. 2014.

7. *Росс Николай*. Русская церковь в Париже Александро-Невский кафедральный храм 1918–1939 гг. Эпине-су-Сенар: Éditions Sainte-Geneviève. 2015.

8. Российское зарубежье во Франции. 1919–2000 / Под общей редакцией Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Т. 1–3. Москва: Наука/Дом музей Марины Цветаевой. 2008–2010.

9. *Delahaye François*. La cité du Plateau ou le paternalisme des Hauts-Fourneaux / D.E.U.G d'Histoire. Université de Caen. 1990.

10. *Lalonde Lise*. L'église orthodoxe Saint-Serge de Colombelles. Étude et projet de valorisation / Master européen en conservation et gestion du patrimoine. Université de Caen. 2003.

11. *Léménorel Alain*. La S.M.N., une forteresse ouvrière (1910–1993). Cabourg: Éditions Cahiers du Temps. 2005.

12. *Miniejev Maria*, Inventaire de la bibliothèque de l'émigration russe (Église de Colombelles, Calvados) / Mémoire de maîtrise de russe. Université de Caen. 1995.

13. *Pardo Martial, Mounaïm Mahjouba*. Musiques et récits de l'immigration en Basse-Normandie de 1914 à nos jours. Le Tour du monde en vingt-cinq voisins. Caen: Théâtre de Caen/Actes Sud. 1998.

14. *Ross Nicolas*, Saint-Serge de Colombelles. Une communauté russe de Normandie et son église (1925–1960). Genève : Éditions des Syrtes. 2019.

15. *Rouget Claude*. Les Russes de la Société Métallurgique de Normandie (1919–1941) / Mémoire de master de civilisation française. Universitet i Oslo, 2014.

Примечания

¹ Русская церковь в Париже..., см. список источников.

² В 2019 г. в издательстве «Сирт» (Женева) была опубликована

наша книга на французском языке, посвященная истории Колумбельского прихода: Saint-Serge de Colombelles...

³ См. *Lemorel Alain, La SMN...*

⁴ Количество русских рабочих по другому источнику: 1922–270, 1926–450, 1931–375, 1936–350.

⁵ *Rouget Claude, Les Russes de la Sociée métallurgique...*

⁶ Генерал Александр Альфонсович Куявский (1880–1968 гг.). Участник Мировой войны и Гражданской войны на юге России. Генерал-майор. Галлиполиец. В Алексеевском полку в Болгарии. Начальник группы РОВС в Коломбеле. Умер в Ментоне.

⁷ Барон Владимир Густавович Кеппен (?–1960 г.) окончил Николаевское кавалерийское училище, чиновник особых поручений при Московском генерал-губернаторе. Участник Белого движения. Ротмистр 11-го гусарского полка. Эмигрировал во Францию, затем жил в Бельгии. Умер в Тарбе (Франция). Его супруга — активная прихожанка баронесса Елизавета Сергеевна Кеппен.

⁸ На дарственной надписи под иконой, сооруженной в храме Терскими казаками — 15 мужских имен.

⁹ В 1930 г. во Франции были, к примеру, следующие средние цены: 1 кг. хлеба — 2,15 фр, литр молока — 1,67 фр., 1 кг. говядины — 28,9 фр., литр дешевого вина — 2,48 фр.

¹⁰ Петр Евграфович Ковалевский (1901–1978 гг.), известный церковный и общественный деятель, историк русской эмиграции. С 1924 г. руководил штатом иподиаконов и прислужников Св. Александро-Невского собора. Автор ценнейшего дневника (1918–1959 гг.), наиболее полной хроники общественной и церковной жизни русской эмиграции во Франции, в большей части неопубликованной.

¹¹ Здесь и ниже перевод воспоминаний Н.Н. Гуковича с французского — наш.

¹² Г.М. Бахалов — долголетний регент церковного хора.

¹³ Донской казак Иоаким Архипович Таменцев (1885–1962 гг.).

¹⁴ В 1936 г. правительство Народного фронта учредило всеобщий двухнедельный годовой отпуск.

¹⁵ Николай Яковлевич Рошин (1892–1965 гг.). Известный писатель и журналист. В 1930-е годы жил в доме Буниных, в Грассе.

¹⁶ Николай Николаевич Кедров (1871–1940 гг.), профессор С.-Петербургской консерватории и композитор, создал знаменитый в России вокальный квартет. Возрожденный за границей, квартет Кедровых достиг мировой славы.

¹⁷ Николай Петрович Афонский (1892–1971 гг.), был с 1925 по 1947 г. псаломщиком и регентом в Св.-Александро-Невский храм в Париже, добился во главе своего хора мировой известности и совершал частые гастроли. В 1947 г. он переехал в США и с 1950 г. возглавлял хор Покровского собора в Нью Йорке.

¹⁸ Донской казак Григорий Прокопьевич Дощечников (1886–1968 гг.).

¹⁹ Кубанский казак войсковой старшина Семен Прокопьевич Супрун (1894–? г.), участник Гражданской войны на юге России, эвакуирован на о. Лемнос, затем в Болгарии.

²⁰ Донской казак Варфоломей Иванович Александров (1898–? г.).

²¹ Капитан Константин Александрович Кирьянов (?–1936 г.). Участник похода Яссы — Дон. В Добровольческой армии во 2-м Дроздовском стрелковом полку. Галлиполиец. В эмиграции в Болгарии, затем во Франции.

²² Василий Софронович Яструбецкий (1893–1979 гг.), участник Мировой войны, поручик. В 1918 г. в гетманской армии. Участник Гражданской войны на юге России, штабс-капитан Корниловской дивизии. Галлиполиец. Затем в Болгарии и во Франции. Возглавлял группу 1-го армейского корпуса и отделение Союза галлиполийцев в Коломбеле. Церковный староста в 1930–1934 гг.

²³ Генерал Павел Николаевич Шатилов (1881–1962 гг.), друг и соратник ген. Врангеля, был в 1920 г. его помощником и его начальником штаба. Принял решающее участие в организации эвакуации из Крыма в 1920 г. и в дальнейшем расселении Русской Армии ген. Врангеля на Балканах. С 1921 г. во Франции, занимал видные должности в русских военных объединениях. С 1924 по 1934 г. — начальник 1-го отдела РОВС. Долголетний прихожанин церкви Христа Спасителя в Анжере.

²⁴ Михаил Васильевич Кузнецов (1887–1961 гг.). Полковник Войска Донского. Участник Гражданской войны на юге России. Атаман казачьей станицы в Коломбеле.

²⁵ Позже: Национально-трудовой союз нового поколения (НТСНП), Национально-трудовой союз и Народно-трудовой союз российских солидаристов (НТС). Это движение было основано в 1930 г. и в довоенные годы его руководство, в лице председателя союза В.М. Байдалакова и секретаря исполнительного бюро М.А. Георгиевского, обосновалось в Белграде.

²⁶ Михаил Деонидович Ольгский (1910–1998 гг.), студент Канской инженерной школы, позже (с 1939 по 1980-е годы) ответственный работник оперативного сектора НТС.

²⁷ Александр Николаевич Кириллов (1898–1968 гг.). Юнкер. Участник Гражданской войны на юге России в авиационных частях. Галлиполиец: в авиационном батальоне Технического полка.

²⁸ В феврале 1943 г. французские власти в Виши учредили «Службу обязательной работы» на немецких предприятиях. (Service du travail obligatoire — STO). Ей подлежали некоторые категории населения, как безработные, не учащаяся молодежь, мелкие правонарушители и пр.

²⁹ В действительности — батальон.

³⁰ СЖТ: Confédération générale du travail — в те годы крупнейший французский профсоюз, близкий к коммунистической партии.

³¹ Митрофорный протоиерей Георгий Александрович Спасский (1877–1934 гг.). С 1917 г. возглавлял духовенство Черноморского флота, затем Русского флота в Бизерте. С 1923 по 1934 г. служил третьим священником в Св.-Алекса́ндро-Невском соборе, активно участвовал в создании новых приходов в французской провинции. Он вел широкую благотворительную, проповедческую и педагогическую деятельность, подорвавшую его силы и приведшую к его кончине. С 1924 по 1934 г. — член Епархиального совета митр. Евлогия.

³² Евлогий, Путь моей жизни..., стр. 522.

³³ Илья Лиманский, кубанской казак. Участник Гражданской войны на юге России, хорунжий 1-й конной дивизии ВСЮР.

³⁴ Прот. Феодор Поставский (? –1946 г.), рукоположен в 1914 г. в Киеве. В эмиграции в Болгарии, затем в Лионе. Настоятель Троицкого храма в Монтаржи (1924–1926 гг.) и храма Христа-

Спасителя в Виши (1924–1930 гг.), домового церкви в имении Жуан в Нормандии (1930–1936 гг.). С 1936 по 1946 г. настоятель Св.-Николаевского храма в Тулузе.

³⁵ Николай Михайлович Григорьев (1891–? г.), кандидат прав, инженер.

³⁶ Иван Иванович Синявский, донской казак.

³⁷ Дмитрий Николаевич Зеленский. Кубанский казак, вахмистр. Участник Гражданской войны на юге России, эвакуирован из Крыма на о. Лемнос, затем в Сербию.

³⁸ Лиз Лалонг: *Lalonde Lise, L'église orthodoxe...*, стр. 14–15.

³⁹ *Prado Martial, Mounaïm Mahjouba, Musique et récits...*, стр. 18–19.

⁴⁰ Альфред Доом (Alfred Dhôme) — помощник администратора верфи в Blainville (Administrateur délégué des Chantiers Navals Français). На этой верфи, с 1918 по 1953 г. расположенной недалеко от Коломбе́ля, работали и русские рабочие. Жена Доома Ольга Эдуардовна была русской.

⁴¹ Андрей Степанович Чудинов (1860–1934 гг.). Крупный лесопромышленник а Архангельской губернии. Во Франции с 1919 г. проживал в Ницце. Домовладелец, благотворитель, активный церковный деятель.

⁴² Евлогий, Путь моей жизни..., стр. 522–523.

⁴³ *Lalonde Lise, L'église orthodoxe...*, стр. 15. «Полковник» — строитель храма, вероятно, Н.М. Григорьев.

⁴⁴ Диакон Евгений Ионович Вдовенко (1880–1944 гг.) в России работал электротехником, учителем, чиновником. Будучи с 1922 г. вторым диаконом Св.-Алекса́ндро-Невского собора, он создал мастерскую, поставляющую русским приходам церковную утварь и облачение.

⁴⁵ «Возрождение», 15 декабря 1927 г.

⁴⁶ Михаил Николаевич Слепушкин (1872–1928 гг.). Участник Гражданской войны на юге России, сотник в гетманской армии. Церковный староста в 1927–1928 гг.

⁴⁷ Евлогий, Путь моей жизни..., стр. 523.

⁴⁸ Протопресвитер Николай Николаевич Сахаров (1869–1951 гг.), сын священника, окончил С.-Петербургскую духовную академию в 1893 г. В 1898 г. рукоположен во иерея и назначен вторым

священником в Берлине, в 1913 г. — вторым священником в Париж. В 1936 г. стал настоятелем Св.-Александро-Невского собора. Член Епархиального совета митр. Евлогия и митр. Владимира (1924–1951 гг.). О. Николай был также долголетним законоучителем в парижской русской гимназии.

⁴⁹ Протоиерей Александр Гаврилович Ергин (1894–1977 гг.), сын священника, участник Первой мировой войны и Гражданской войны, штабс-капитан. Рабочий в Коломбеле. Окончил Св.-Сергиевский богословский институт в 1944 г., настоятель Рождественского храма в Монруже (1944–1952 гг.), тюремный священник (1944–1977 гг.). С 1952 по 1975 г. — настоятель Успенского храма в Сент-Женевьев-де Буа.

⁵⁰ Николай Иванович Ластовец (1897–? г.) В 1918–1919 гг. учился на 1-м курсе в Ново-Александрийском институте с/х и лесоводства в Харькове. Эвакуировался с Юга России.

⁵¹ Тихон Александрович Аметистов (1884–1941 гг.), окончил в С.-Петербурге Духовную академию, Николаевское кавалерийское училище и Академию генерального штаба. В чине полковника участвовал в Первой мировой и Гражданской войне. Секретарь ВЦУ на Юге России (1919–1920). В 1920–1922 гг. — управляющий делами ВЦУ за границей. Обосновавшись в Париже, Т.А. Аметистов был, с 1922 по 1941 г., секретарем Епархиального управления митр. Евлогия, а также членом приходского совета и комендантом Св.-Александро-Невского храма.

⁵² Евлогий, Путь моей жизни..., стр. 523.

⁵³ М.Н. Слепушкин скончался 20 октября 1928 г., в возрасте 56 лет. В метрической книге причина смерти указана следующим образом: «Паралич одной стороны. После операции умер».

⁵⁴ Александр Георгиевич Стрельник (1898–? г.).

⁵⁵ Евлогий, Путь моей жизни..., стр. 523–524.

⁵⁶ Николай Николаевич Гукович родился 28 ноября 1931 г.

⁵⁷ Василий Яковлевич Чайкин (1897–1948 гг.), после Второй мировой войны — студент Св.-Сергиевского богословского института.

⁵⁸ Дмитрий Поликарпович Широчинский (1895–? г.). Участник Гражданской войны на юге России, корнет. Галлиполиец.

⁵⁹ Петр Павлович Нелипа, кандидат прав. Участник Гражданской войны на юге России, подпоручик. Галлиполиец.

⁶⁰ Подпоручик Владимир Гаврилович Цымбал.

⁶¹ Сотник Александр Данилович Арестов (1898–1983 гг.), донской казак, участник Белого движения и атаман общеказачьей станицы в Коломбеле. С 1953 г. по 1973 г. — последний староста «русского периода» Коломбельского прихода

⁶² Петр Владимирович Ярославский (?–1948 гг.), участник Гражданской войны на юге России, вольноопределяющийся Алексеевского полка. Иподиакон. Умер во Флоренции.

⁶³ Храм вмещал не менее 200 молящихся.

⁶⁴ *Pardo, Moumain, Musiques et récits...*, стр. 22.

⁶⁵ Евлогий, Путь моей жизни, стр. 523–524.

⁶⁶ Архиепископ Никон (Алексей Иванович Греве; 1895–1983 гг.), участник Мировой и Гражданской войны, полковник. Иеромонах с 1927 г. В сане игумена, затем архимандрита, служил в Св.-Александро-Невском храме в Париже (1935–1946 гг.), член Епархиального совета. Епископ в 1946 г. Уехал в США в 1947 г. Ректор Св.-Тихоновской семинарии (1947–1957 гг.), Епископ Торонтский и Канадский Сев.-Американской русской митрополии, архиепископ Токийский и Японский, архиепископ Бруклинский и Манхэттенский (1963–1978 гг.).

⁶⁷ Марианна Федоровна Ратькова-Рожнова, ур. Вандярская (1868–1935 гг.), в России — известная благотворительница. Продолжала благотворительную деятельность в эмиграции.

⁶⁸ Икона Св. Мефодия Пешношского, например, сооружена «иеромонахом Мефодием» — будущим епископом.

⁶⁹ Евлогий, Путь моей жизни, стр. 124.

⁷⁰ В те годы во Франции четверг был днем, свободным от школьных занятий.

⁷¹ Вячеслав Дмитриевич Гусаров (1894–1942 гг.), участник Гражданской войны на юге России, капитан. Галлиполиец. Муж М.Н. Гусаровой.

⁷² Георгий Максимович Климов (1898–1965 гг.).

⁷³ Фотий Дывыдович Мануйлов (1877–1954 гг.), донской казак.

⁷⁴ Николай Александрович Смирнов, кандидат прав, участник Гражданской войны на юге России.

⁷⁵ Комитет взаимопомощи русской эмиграции во Франции, под председательством полковника В.К. Мордаха, был орга-

низован в Париже в апреле 1941 г. при содействии немецких властей. Он ставил перед собой благотворительные цели, но был использован немцами для усиления контроля над русской эмиграцией. Помощь верующим на оккупированной территории СССР, к которой призвал свою паству митрополит Евлогий, могла осуществляться только через Комитет взаимопомощи.

⁷⁶ Св. Серафимовский приход на ул. Лекурб был основан 1933 г. Его настоятель прот. Иоанн Лелюхин (1883–1945 гг.) переводился по болезни в штат кладбищенского храма в Сен-Женевьев-де-Буа. О. Михаил Соколов, сохранив контакт и дружеские отношения со своими бывшими коломбельскими прихожанами, оставался настоятелем Св. Серафимовского храма до 1962 г.

⁷⁷ Анна Андреевна Яковлева, ур. Гарбузова (1900–1982 гг.).

⁷⁸ Архимандрит Савва (Сергей Александрович Шимкевич; 1899–1961 гг.), офицер л.-гв. Литовского полка, участник Гражданской войны. В 1932 г. окончил Св.-Сергиевский богословский институт. Священник с 1935 г., пострижен в 1937 г. Служил в различных приходах в юрисдикции митр. Евлогия. В 1942–1952 гг. — епархиальный секретарь. С 1952 по 1955 г. настоятель Знаменской церкви в Париже, с 1955 по 1961 г. настоятель Рождественской церкви во Флоренции.

⁷⁹ Георгий Митрофанович Мальчиков (1887–? г.), донской казак, военный чиновник. Участник Гражданской войны на юге России, эвакуирован на о. Лемнос. Затем — в Болгарии, позже — во Франции.

⁸⁰ Воздушная тревога.

⁸¹ Александр Иванович Сальников (1892–1977 гг.), войсковой старшина Донского войска, участвовал в Мировой войне и Гражданской войне на юге и западе России. Поселился в департаменте Кальвадос в 1924 г. В 1930-е годы он возглавлял Общеказачью станицу им. атамана Каледина в Коломбеле и был директором местной казачьей «четверговой» школы.

⁸² Самолет.

⁸³ Бывший староста Д.П. Широинский.

⁸⁴ От гражданских лиц.

⁸⁵ Тележку.

⁸⁶ На пастбище.

⁸⁷ Алексей Лукич Чернобаев (1880–1949 гг.), донской казак, хорунжий.

⁸⁸ Митрополит Владимир (Вячеслав Михайлович Тихоницкий; 1873–1959 гг.), окончил Казанскую духовную академию. Рукоположенный во иеромонаха в 1898 г., он посвятил себя миссионерской деятельности в Киргизии. В 1907 г. был хиротонисан во епископа Белостокского (с 1923 г. — архиепископ). В 1925 г. архиеп. Владимир, вынужденный покинуть Польшу, был назначен викарным епископом митр. Евлогия с кафедрой в Ницце. В 1946 г. он стал преемником митр. Евлогия и 6 марта 1947 г. был назначен русским экзархом КП в Западной Европе. 8 июля 1947 г. архиеп. Владимир был возведен в сан митрополита.

⁸⁹ Михаил Васильевич Мельников (1891–1969 гг.). Донской казак. Участник Гражданской войны на юге России. Подхорунжий-артиллерист Донской армии. Эвакуировался на о. Лемнос, затем — в Болгарию.

⁹⁰ Русский детский приют недалеко от Парижа при котором жил В.В. Сергеев.

⁹¹ На большинстве своих писем иером. Павел не обозначает даты, которая поэтому нами указывается лишь приблизительно.

⁹² В эти месяцы, предшествующие его смерти 8 августа 1946 г., митр. Евлогий признал себя в юрисдикции Московской Патриархии, посещал советское посольство в Париже и высказал намерение вернуться на родину со своим клиром и своей паствой.

⁹³ Митрополит Серафим (Александр Иоаннович Лукьянов; 1879–1959 гг.), сын священника, был в 1914 г. хиротонисан во епископа Сердобольского, викарного архиепископа Финляндского. С 1917 г. он епископ (с 1920 г. — архиепископ) Финляндский и Выборгский. В 1924 г. уволен по требованию финского правительства. В 1927 г. — правящий архиерей Западно-Европейской епархии РПЦЗ с местопребыванием в Знаменской церкви в Париже, с 1938 г. — митрополит. В 1945 г. присоединился к МП, но его выбор не был одобрен большинством его приходов. Уволен на покой в 1949 г. Вернулся в СССР в 1954 г.

⁹⁴ «Реконструкция» — государственное учреждение, ведущее восстановление домов и зданий, разрушенных во Франции в ходе военных операций.

⁹⁵ Литейный завод Корниль-Авар (Cornille-Havard) в Вильдьеле-Поэль (Villedieu-les-Poëles), деп. Манш, основанный в 1865 г., в настоящее время один из двух колокольных заводов, сохранившихся на территории Франции. В последние годы он изготовил, среди прочего, ряд колоколов для собора Парижской Богоматери.

⁹⁶ Емельян Тарасович Цыганков (?–1980 г.), донской казак. Участник Гражданской войны на юге России, Бомбардир в Донской армии. Эвакуирован на о. Лемнос, затем — в Болгарию.

⁹⁷ Протоиерей Лев Александрович Греков (1902–1951 гг.), в 1945–1947 гг. 2-ой диакон Св.-Алекса́ндро-Невского собора. Затем — в США, протоиерей Св.-Троицкого собора в Сан-Франциско.

⁹⁸ О. Илия Мелия оставался официально настоятелем до 16 сентября 1949 г.

⁹⁹ Севастиан Митрофанович Паскаль (1892–1970 гг.), проживающий в г. Кан.

¹⁰⁰ Честного.

¹⁰¹ Протокол собрания прихожан 1952 г. — последний обнаруженный нами в архивных материалах протокол общего собрания колокольного прихода.

¹⁰² Александр Иванович Минеев (1899–1954 гг.). 15 марта 1954 г. А.И. Минеев был «убит на заводе».

¹⁰³ Архиепископ Сильвестр (Иван Антонович Харунс; 1914–2000 гг.) окончил Св.-Сергиевский богословский институт в 1938 г., рукоположен во иеромонаха и до 1943 г. служил в Бельфоре. В 1942–1943 гг. окормлял советских пленных и рабочих на востоке Франции, в 1943–1944 гг. — православных рабочих на Англо-нормандских островах и занятых на стройках Атлантического вала. В 1945–1956 гг. — настоятель Скорбященской церкви в Париже. Посвящен в 1952 г. в викарного епископа митр. Владимира на юге Франции. В Канаде с 1963 г. архиепископ Монреальский Американской Православной Церкви. С 1963 по 1979 г. архиеп. Сильвестр был председателем РСХД.

¹⁰⁴ Кирилл Михайлович Князев (1903–1981 гг.), сын адмирала, учился в Морском корпусе. В Париже с 1920 г., окончил Высшую школу политических наук. Член приходского совета

храма Христа Спасителя в Аньере (1935–1955 гг.), иподиакон. Секретарь Епархиального управления русского экзархата КП (1952–1981 гг.).

¹⁰⁵ Единственное ответственное лицо в отношении церкви.

¹⁰⁶ Епископ Мефодий (Владимир Николаевич Кульман; 1902–1974 гг.), окончил Пражский университет и Св.-Сергиевский богословский институт. Рукоположенный во иеромонаха в 1931 г., он был с 1932 по 1974 г. настоятелем храма Христа Спасителя в Аньере, в котором развил широкую благотворительную и церковно-культурную деятельность. В 1953 г. архим. Мефодий был хиротонисан митр. Владимиром во викарного епископа.

¹⁰⁷ Общее приходское собрание, вероятно, состоялось в июне 1953 г.

¹⁰⁸ Митрофорный протопресвитер Владимир Вишневецкий (1897–1961 гг.), настоятель парижского прихода Украинской автокефальной православной церкви.

¹⁰⁹ Владимир Васильевич Шляхтин (1897–1985 гг.), донской казак. Участник Гражданской войны на юге России, эвакуировался на о. Лемнос, затем — в Болгарию, войсковой старшина Донской артиллерии. Во Франции активный казачий деятель, прихожанин храма Христа Спасителя в Аньере.

¹¹⁰ Прот. Олимп Иоаннович Пальмин (1888–1956 гг.), сибиряк, сын священника, служил в Тобольском окружном суде, воевал в Мировую войну и в Гражданскую войну на юге России. Во Франции с 1921 г., рабочий в Монтаржи, затем в Клиши, староста храма в Клиши. Рукоположен в 1933 г., в 1934–1948 гг. — настоятель церкви в Бордо. С 1948 г. — третий священник Св.-Алекса́ндро-Невского собора.

¹¹¹ Георгий Васильевич Бабич (1898–1964 гг.), участник Гражданской войны на юге России. Поручик Алексеевского полка. Галиполиец.

¹¹² Протопресвитер Василий Васильевич Зеньковский (1881–1962 гг.), внук священника, профессор Киевского университета, в 1918 г. министр исповеданий в правительстве гетмана Скоропадского. Один из основателей и пожизненный председатель РСХД (с 1923 г.). С 1926 г. по 1962 г. — профессор

Св.-Сергиевского богословского института, в 1944–1962 гг. — его декан. Арестован в сентябре 1939 г. и заключен французскими властями в лагере в течение 14 месяцев. Рукоположен во иерея в марте 1942 г. В 1953–1958 гг. — председатель Епархиального совета.

¹¹³ Протоиерей Николай Анатольевич Куломзин (1912–1995 гг.), окончил два факультета парижского университета и Св.-Сергиевский богословский институт (1952). С 1956 г. — преподаватель института. С 1972 г. — профессор по кафедре Нового Завета. Активный член РСХД. Рукоположен во иерея в 1982 г.

¹¹⁴ Игумен Григорий де Луф (?–1966 г.), бельгиец, бывший священник Брюссельского католического собора, участник Сопротивления. После Второй мировой войны обратился в православие. Обслуживал ряд приходов митр. Владимира, участвовал в возникновении франкоязычного прихода Св.-Троицы в нижнем храме на ул. Дарю. Скончался в Покровском монастыре в Бюсси-ан-От.

¹¹⁵ Протоиерей Николай Маркович Алексеенко (1891–1962 гг.). Участник Гражданской войны на юге России. С 1936 г. диакон на Сергиевском подворье. В 1941 г. — в РПЦЗ, диакон в Берлине. С 1945 г. — в МП, в 1947 г. — священник, пом. настоятеля Знаменского храма в Париже. С 1948 г. — в РПЦЗ, священник в Русском кадетском корпусе. С 1952 г. — в Экзархате КП, настоятель в Шелле (1953–1955 гг.), приписан к ниццкому Никольскому собору (1956–1962 гг.). В 1962 г. — переехал в США.

¹¹⁶ Протоиерей Григорий Алексеевич Свечин (1906–1980 гг.), сын морского офицера, во Франции с 1924 г. Окончил Св.-Сергиевский богословский институт в 1929 г. Мобилизован во французскую армию в 1939 г., в плену в 1940–1941 гг. Священник в 1943 г., пом. настоятеля Знаменского прихода в Париже (РПЦЗ). С 1949 г. в русском Экзархате КП. Больничный священник, затем пом. настоятеля (1952–1955 гг.) и настоятель храма детского приюта в Монжероне (1955–1966 гг.).

¹¹⁷ Протоиерей Димитрий Васильевич Василькиоти (1894–1964 гг.), сын священника, участник Мировой и Гражданской войны, рабочий во Франции. Диакон в 1948 г. С 1948 г. — помощник епархиального секретаря. Рукоположен во иерея в

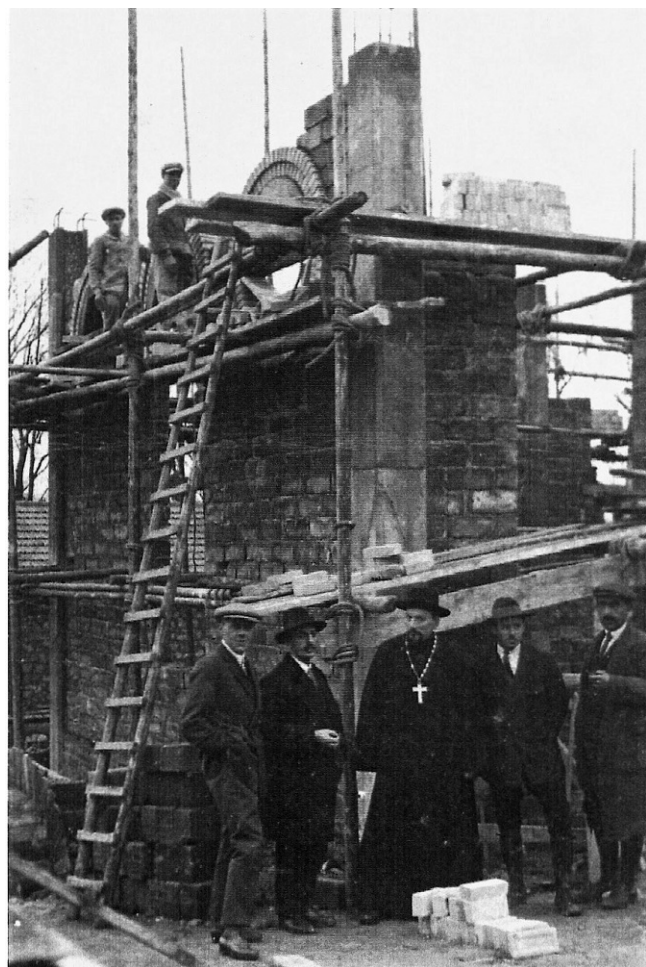
1951 г. Настоятель церкви Рождества Богородицы в Пти-Кламаре (1951–1955 гг.) и Покровской церкви в Париже (1956–1964 гг.).

¹¹⁸ Грузовик.

¹¹⁹ Священник Алексей Николаевич Панчулидзе (1884–1964 гг.), офицер л.-гв. Егерского полка, воевал в Русско-Японскую и Первую мировую войну, полковник. В 1917 г. пом. военного атташе в Париже. Рукоположен во иерея в 1956 г., затем кратковременный настоятель ряда русских церквей во Франции.

¹²⁰ Протопресвитер Валент Георгиевич Роменский (1900–1978 гг.), семинарист, юнкер, участник Гражданской войны на юге России в дроздовских частях, подпоручик, галлиполиец. В эмиграции — в Болгарии, во Франции с 1928 г. Окончил Св.-Сергиевский богословский институт (1932 г.). Рукоположен во иерея в 1932 г., настоятель Св.-Алекса́ндро-Невской церкви в Льеже (1932–1957 гг.), благочинный приходов русского экзархата КП в Бельгии (1946–1957 гг.), член епархиального совета (1952–1966 гг.). Настоятель Скорбященской церкви в Ментоне (1957–1969 гг.) и благочинный приходов на юге Франции.

¹²¹ Архиепископ Георгий (Георгий Васильевич Тарасов; 1893–1981 гг.), по образованию инженер-химик, в Первую мировую войну — офицер в авиации. С 1921 г. — инженер в Бельгии. Рукоположен во иерея в 1930 г., обслуживал различные приходы митр. Евлогия в Бельгии. Принял монашество в 1933 г. С 1944 по 1967 г. — настоятель Св.-Пантелеймоновской церкви в Брюсселе. В 1953 г. — викарный епископ митр. Владимира. С 18 декабря 1959 г. — местоблюститель Русского Экзархата КП, с октября 1960 г. — архиепископ и экзарх (до 1965 г.), затем во главе автономной парижской русской Архиепископии, с 1971 г. вновь в юрисдикции КП.

Строительство храма.
В центре — протоиерей Димитрий Троицкий.

Храм в довоенные годы.

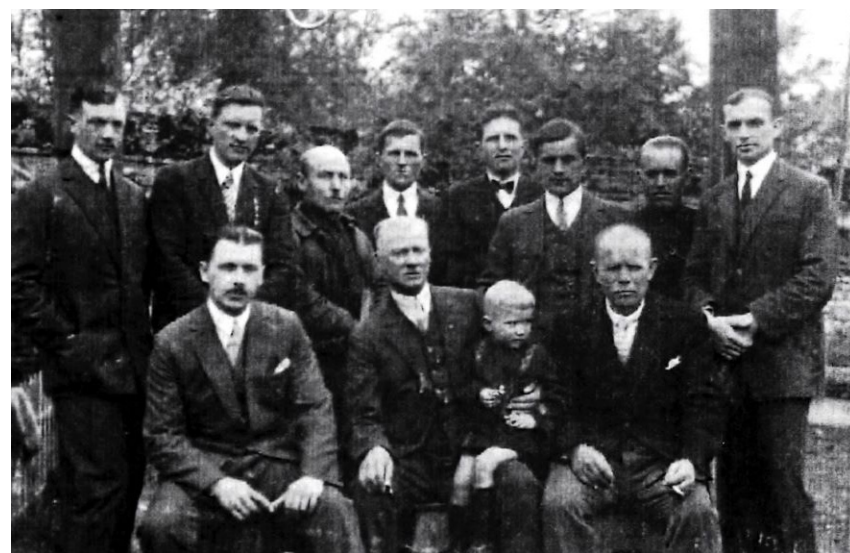
Русский лагерь и Св.-Сергиевский храм.

Рабочий поселок.

Приходская школа 1930-е годы. Учитель — Г.П. Дощечников.

Группа русских коломбельцев.

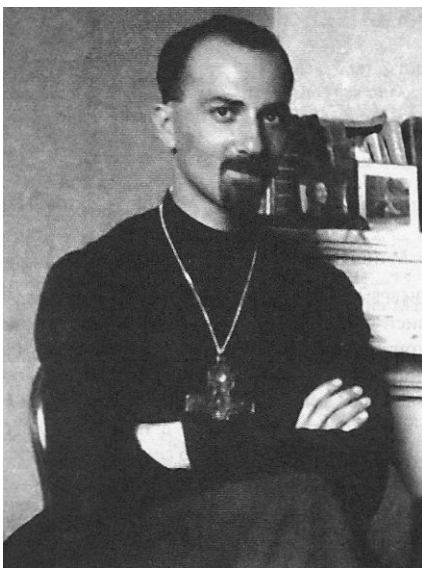
Русские рабочие в Коломбеле.

Митр. Евлогий в Коломбеле. 1936 г.
Стоят в центре о. Евгений и П.Е. Ковалевский.

Парад русских разведчиков у церкви.

О. Илия Мелия.

О. Дмитрий Хвостов в форме французской армии.

Внутреннее убранство храма.

Церковная ограда. Современный вид.

БИБЛИОГРАФИЯ

С. Л. Фирсов*

ПРИХОДСКИЕ ПАСТЫРИ ПОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ**

В статье автор рассматривает основные положения монографии воронежского историка С.А. Иконникова, посвящённой изучению материального положения приходского духовенства центрально-чернозёмных губерний Российской империи второй половины XIX — начала XX вв. В монографии характеризуются основные и вспомогательные источники обеспечения причтов, а также пенсионное обеспечение и социальное призрение духовных лиц, уровень доходов духовенства, их финансовое положение в связи с их ролью в общественной жизни Центрального Черноземья.

---

* Автор — доктор исторических наук, профессор кафедры ЮНЕСКО Российского государственного педагогического университета имени А.И.Герцена, профессор Санкт-Петербургской православной духовной академии, член Объединенного Диссертационного совета по теологии Д 999.073.04 и Диссертационного совета по теологии РГПУ имени А.И. Герцена Д. 212.199.38.

** Отзыв на монографию С. А. Иконникова «Пастыри Церкви. Служение и материальное обеспечение приходского духовенства центрально-черноземных губерний России (вторая половина XIX – начало XX века)». Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2019. 692 с.

По мнению С.Л. Фирсова, автор монографии чётко показал: в пореформенный период священно-и церковнослужители практически повсеместно выражали недовольство уровнем своего благосостояния, а сами они воспринимались скорее как служащие ведомства православного исповедания, чем духовные наставники.

Ключевые слова: Православная Российская Церковь, Российская империя, Синодальный период, православное духовенство, приход, материальное положение клириков.

Вопрос о материальном обеспечении приходского духовенства, безусловно, был и остаётся одним из важнейших вопросов, интересующих учёных, изучающих историю Православной Российской Церкви — особенно историю последних предреволюционных десятилетий. Причина этого проста и понятна: в условиях «симфонических отношений» Синодальной Церкви и православной (de jure) империи, финансовое состояние и общее материальное благополучие православных клириков считалось делом не только «церковным», но и государственным. От его положительного разрешения не в последнюю очередь зависело то, насколько успешно будут разрешены многочисленные внутривластные проблемы, в эпоху Великих реформ ясно осознанные самодержавной властью.

Не будет преувеличением сказать, что последствием этого осознания стали попытки проведения *и церковных реформ* в годы правления императора Александра II. Начиная с 1860-х гг., и вплоть до революции 1917 г., вопрос о перестройке сложившихся в течение Синодального периода форм материального обеспечения духовенства, прежде всего сельского, и о «возрождении» православного прихода, многократно обсуждался и на правительственном, и на синодальном, и на епархиальном уровнях. О кризисном состоянии прихода постоянно писали церковные публицисты того времени. Для них, равно как и для всех, кто интересовался церковной жизнью, было понятно:

состояние «первенствующей и господствующей» в империи конфессии далеко от блестящего; в том состоянии, в котором она находится, исполнять возлагавшиеся на неё государством задачи (не только по церковному «окормлению» многомиллионной паствы, но и по религиозному воспитанию её), всё более и более затруднительно.

О том, какие меры предпринимались Церковью и светскими властями России отечественные и зарубежные историки в последние десятилетия писали достаточно много. Таким образом, можно утверждать, что актуальность данной темы осознана давно. Есть работы, посвящённые анализу «общей проблематики», есть и посвящённые «региональным аспектам» указанной темы. В этом смысле монографию Сергея Анатольевича Иконникова «Пастыри Церкви. Служение и материальное обеспечение приходского духовенства центрально-чернозёмных губерний России (вторая половина XIX — начала XX века)» можно назвать продолжением целого ряда предшествующих исследований, позволяющей лучше понять общие закономерности служения и материального положения православных клириков России на примере четырёх густонаселённых епархий: Воронежской, Курской, Орловской и Тамбовской.

Автор попытался изучить особенности материального обеспечения приходского духовенства, размеры его доходов с основных и вспомогательных источников содержания; проанализировать историю развития вопроса о разделе так называемых «братских доходов» между членами причтов (в том числе причины нередких конфликтов священно- и церковнослужителей); установить степень неравенства доходов различных групп духовенства; рассмотреть проблемы обеспеченности приходского духовенства жильём; проанализировать деятельность церковно-приходских попечительств в деле улучшения материального обеспечения клириков, а также установить взаимосвязь роста политической радикализации предста-

вителей духовного сословия и трудностей в материальном обеспечении причтов.

Как видим, вопросы, которые С.А. Иконников поднял в своей работе, были достаточно сложны. Насколько ему удалось их разрешить, можно судить, лишь внимательно ознакомившись со всем комплексом представленных им материалов. Работа состоит из введения, шести глав, заключения, списка использованных источников и литературы, а также восемнадцати приложений, которые можно назвать своеобразными «научными иллюстрациями» и пояснениями к основному тексту.

Первая глава посвящена анализу историографии и источников по теме. С. А. Иконников сумел ознакомиться с большинством исследований, касающихся его проблематики, пытаясь аккуратно, без резких оценок, очертить те направления, которых придерживались отечественные и зарубежные историки, занимаясь изучением материального положения православного духовенства России. Подобная корректность должна быть поставлена в заслугу автору, хотя в некоторых случаях, на мой взгляд, можно было бы говорить и более жёстко. Например, когда С.А. Иконников обращает внимание на исследования Б.Н. Миронова, на основе макрорасчётов утверждающего, что в начале XX в. (в 1904 г.) средний годовой доход священника составлял 1242 рубля. Автор деликатно замечает, что «региональные особенности порой не вписываются в общую канву исторического развития», здесь же ссылаясь на указание самого Б.Н. Миронова, писавшего: он «далёк от мысли утверждать, что материальное положение в отдельных епархиях, благочиниях и приходах изменялось именно так, как говорят результаты макрорасчёта» (С. 42 монографии). В том-то и дело, что этих «отдельных» приходов в Православной Церкви было большинство. Кстати, и пример центрально-чернозёмных епархий, как показывает исследование самого С.А. Иконникова, даёт возможность усомниться в приведённых Б.Н. Мироновым цифрах.

Впрочем, главное заключается в ином: анализ исследовательской литературы показал, что на сегодняшний день специального исследования, посвящённого изучению материального положения приходского духовенства Центрального Черноземья *in concreto*, до написания работы С.А. Иконникова не было создано. Его работа — первое такого рода исследование, для написания которого были привлечены материалы нескольких архивохранилищ страны. Во-первых, — это материалы РГИА — фонды Канцелярии Синода и Канцелярии обер-прокурора Синода, Хозяйственного управления, Контроля, Учебного комитета, Училищного совета, Присутствия по делам православного духовенства при Синоде, фонды Государственной Думы I–IV созывов и личный фонд К. П. Победоносцева. Во-вторых, — это ГАРФ — фонды Департамента полиции МВД, Третьего отделения Собственной Его императорского Величества канцелярии, Уголовного отделения Первого департамента Министерства юстиции, Всероссийского Церковного Поместного Собора 1917–1918 гг., и личные фонды (В.А. Арцимовича и А. И. Звегинцева). В-третьих, — это четыре региональных архива: ГАВО, ГАКО, ГАОО и ГАТО.

Автор изучил большинство необходимых ему материалов, проработав и массив опубликованных источников — нормативные акты, правила и законы, делопроизводственную документацию, материалы периодической печати, статистические и справочные издания, а также мемуары, дневники, публицистику и даже художественную литературу. Последнее обстоятельство следует отметить особо: автор понимает, что оценивать материальное положение духовенства невозможно, игнорируя психологию восприятия этого положения современниками — и клириками, и мирянами. Цифры далеко не всегда помогают прояснить реальную картину жизни и быта такого замкнутого сословия, каким было до 1917 г. сословие «русских левитов».

Пытаясь нарисовать такую картину (прилагательно к четырём епархиям, территориально совпадавшим с одноимёнными губерниями России), автор разбирает «Особенности социального и правового положения приходского духовенства» (глава II) и анализирует «Основные источники материального обеспечения приходского духовенства» (глава III). Четвёртая глава («Вспомогательные источники материального обеспечения приходского духовенства») в определённой степени может считаться продолжением предыдущей. Развитию темы служит и пятая глава — «Пенсионное обеспечение и социальное призвание лиц духовного звания». Заключительная, шестая, глава («Уровень жизни и социальные настроения приходского духовенства») может считаться итоговой, в которой «суммируются» материалы, приведённые ранее, а также рассматривается влияние проблем материального характера на рост протестных настроений в среде русских клириков.

Чтобы лучше понять, насколько материальное «бытие» лиц духовного звания — приходских пастырей — определяло их политическое «сознание», следует, вслед за автором настоящей работы, кратко проанализировать основные принципы служения и жизни духовенства центрально-чернозёмных регионов. Сразу следует отметить, что абсолютное большинство православной паствы в конце XIX в. так называемыми «сельскими обывателями» (93,4% или чуть менее 9 млн. человек). Нетрудно понять, что и абсолютное большинство клириков также жили на селе. Это была общая для России тенденция. Общей для России тенденцией в то время был и значительный рост народонаселения. В этой связи становятся вполне понятными и приводимые автором цифры роста числа монастырей Центрального Нечерноземья: так, с 1860 по 1913 гг. на 60% (с 47 до 75) выросло число мужских монастырей и общин, число монахов и послушников увеличилось на 92% (с 1556 до 2985).

Однако цифры сами по себе ни о чём не говорят, они могут помочь исследователю лишь в сравнении с другими цифрами, равно как и при сопоставлении с фактами религиозной жизни исследуемого времени. Автор это понимает, показывая, что темпы «церковного строительства» явно не соответствовали темпам роста православного (по рождению) народонаселения: если с 1858 по 1913 гг. численность жителей выросла на 81%, то число храмов — только на 34%. Соответственно, если в 1858 г. на один храм приходилось 2017 жителей, то в 1913 г. — уже 2722. То, что С.А. Иконников приводит подобные статистические материалы следует признать исключительно важным обстоятельством для понимания того, что Церковь в России чем дальше, тем меньше могла влиять на свою постоянно увеличивавшуюся в числе паству (тем более, что к 1913 г. духовное сословие составляло только 0,5% от общей численности населения страны; самих священников было гораздо меньше).

С течением лет обязанности священнослужителей непрерывно возрастали, а возможности их полноценного исполнения (в том числе и финансовые) — существенно отставали. Большинство детей клириков, как и прежде, в силу материальных причин получали духовное образование, не имея возможности учиться в светских учебных заведениях (даже если у них было такое желание). С.А. Иконников показывает верность утверждения протоиерея Георгия Флоровского о том, что в Синодальную эпоху духовенство оттеснялось в социальные низы. Рядовой сельский клирик, по утверждению исследователя, «часто зависел не только от расположения прихожан, но и от старосты, служащих духовной консистории, епархиального и гражданского начальства» (С. 113 монографии). И при этом духовенство должно было заниматься просвещением народа в условиях непрерывного роста начальных церковных школ (с 1883 по 1913 гг. оно возросло с 59 до 3490, то есть в 59 раз).

Число обучающихся тогда же выросло более, чем в 200 раз! Цифры выглядят ещё более впечатляющими, если отметить, что основными источниками содержания школ служили сборы от приходских церквей, монастырей и частных благотворителей. Кроме того, преподавали священнослужители и в начальных народных училищах — Закон Божий, в большинстве случаев — безвозмездно. Насколько они были компетентны — отдельный вопрос, его С.А. Иконников не рассматривает. Но и без рассмотрения этого вопроса понятно, что здесь далеко не всё было благополучно. Опосредованно об этом можно судить по приводимой в работе статистике роста численности сектантов и раскольников (за 15 лет, с 1897 по 1912 гг. — на 27,8%). К сожалению, рассказывая о распространении в регионе сектантства, автор больше констатирует, чем анализирует, повторяя известные из миссионерского словаря фразы о сектантстве как значительной угрозе для нравственного здоровья и безопасности общества. Вероятно, что причина этого — необходимость дать лишь обзор социального и правового положения духовенства региона, указав на то, что обязанности духовенства (церковно-школьное дело, просвещение малограмотного в религиозном отношении населения, миссионерство, борьба с различными пороками, участие в работе благотворительных и научных обществ и комитетов) и его возможности не совпадали.

Почему всё обстояло именно так, полагаю, можно понять, ознакомившись с материалами третьей и четвёртой глав монографии. Автор показывает, насколько сложны и унижительно были нередко формы раздела доходов между самими «левитами» — священно-и церковнослужителями, что они нередко недопонимали закон (при разделе земельных доходов), распределяя их с учётом местных традиций и собственных трактовок. С.А. Иконников показал и доказал, что основным источником материального обеспечения приходского духовен-

ства Центрального Черноземья в указанный период было требоисполнение, носившее «доброхотный» характер. Как на практике существовало сие «доброхотство» в работе говорится много и подробно. Он отмечает, что «неразвитость крестьян приводила к тому, что они не всегда понимали необходимость своевременно оплачивать труд служителя алтаря» (С. 186 монографии).

Соглашаясь с этим горьким выводом, хочется добавить только одно: ликвидировать эту «неразвитость» в тех условиях вряд ли было возможно, как вряд ли было возможно в краткие, по крайней мере, — исторически обозримые, сроки решить проблему соответствующего «средним» запросам финансового обеспечения клириков. Хотя «требные доходы», как явствует из приводимых в работе вычислений, постоянно росли. Причём у городских клириков они были намного выше, чем у сельских (на 50% у священников и на 54% соответственно у диаконов и псаломщиков). Другое дело, могли ли «требные доходы» обеспечить сельскому клирику реальную независимость от «мироедов» и других влиятельных «сельских обывателей». Автор не спешит с подобным заключением, не забывая заметить, что «требоисполнение являлось для клириков препятствием к полноценному исполнению пастырских обязанностей» (С. 217 монографии). Иначе говоря, забота о «хлебе насущном» во многом не позволяла священникам исполнять те обязанности, которые от них ждали и церковные власти, и светские правители православной, по букве закона, Российской империи.

Разбирая далее основные источники дохода духовенства региона, С.А. Иконников показывает, что доля пахотной земли во владении приходов постепенно увеличивалась (а большая часть принадлежавшей приходским церквам земли и была пахотной). И хотя это была земля не клириков, а храма, к тому же в пользование каждого духовного лица отводилось меньше земли, чем принадлежало храму, число «духовных собственников» с 1877

по 1905 гг. возросло на 27%, а площадь личного надела увеличилась на 31%.

С формальной точки зрения получалось, что материальное положение духовенства региона улучшалось, а само церковное землепользование являлось вторым (после требоисполнения) источником дохода клириков (в большинстве своём самостоятельно, как крестьяне, возделывавшими землю). Но «формальные» показатели говорят и о другом: в 1890 г. церковное землевладение составляло в Центральном Черноземье чуть более 1% от общего количества поземельной собственности. Публикуя эти данные, автор, к сожалению, подробно не затронул вопроса об соотношении крестьян к «церковным землям» и о том, насколько велико было их желание отобрать их в свою пользу.

Отдельно рассмотрел С.А. Иконников и вопрос о казённом жалованье, ассигнованном государством приходскому духовенству. В начале 1890-х гг. государственных денег приходское духовенство региона фактически не получало (подобное «вспоможение» имел только 101 причт, причём 55 причтов — в Тамбовской епархии). «Средненормальные оклады» составляли 300 рублей в год для священника, 150 рублей — для диакона, 100 — для псаломщика. К началу XX в. число приходов, получавших государственные оклады, выросло в 9,2 раза, тенденция, как показано в работе, сохранялась и в дальнейшем. В 1913 г. из 4082 приходов региона оклады получали клирики 1815 приходов, то есть 44% или в 18 раз — по сравнению с 1893 г. Однако, и в данном случае цифры не есть свидетельство успешно решённой проблемы. В тех условиях проблема полного обеспечения всех приходов «средненормальными окладами» содержания не могла быть решена в принципе (для этого государство в 1910-е гг. должно было бы ежегодно выделять из бюджета по 67,5 млн. рублей). С.А. Иконников справедливо пишет, что проведённый им анализ документов свидетельство-

вал: вопрос о наделении клириков фиксированными окладами так и остался до конца нерешённым (С 287 монографии). К этому стоит добавить только одну фразу: о том же самом свидетельствовал и бюджет Российской империи; у государства не было средств на наделение клириков всех православных приходов крайне скудным «средненормальным» жалованием.

Вполне понятно, почему далее С.А. Иконников специально рассматривает и вопрос о вспомогательных источниках материального обеспечения, показывая, что «пожертвования редко адресовывались священно-и церковнослужителям, так как крестьяне полагали достаточной плату за требоисполнение» (С. 301 монографии). Психология крестьян-благотворителей (да и не только крестьян) отличалась от психологии клириков, желавших получить дополнительный доход от конкретных жертвователей. Но проблема имела и другую сторону, на которую справедливо указал автор: без жертвований и сборов финансовая нагрузка по реализации постоянно расширявшихся социальных и просветительских задач легла бы на штатное духовенство (С. 309 монографии). А это значило бы, добавлю от себя, что эти задачи в принципе оказались бы трудноисполнимыми.

Отдельно рассмотрел С.А. Иконников роль свечных заводов, указав на то, что свечные заводы, принадлежавшие епархиям, стали появляться в России лишь в конце XIX в. Собственно говоря, только развитие капиталистических отношений привело к тому, что церковные власти стали активно участвовать в развитии собственных (а не частных) свечных заводов, достаточно быстро усвоив простую истину: продажа свеч должна приносить доход не оборотистым купцам, а непосредственно Церкви (тем более, что свечной доход играл большую роль в обеспечении церквей, учебных заведений и епархиальных учреждений). Показательно: в 1913 г. в Центрально-Чернозёмном регионе чистая свечная прибыль составила 39% от всех

церковных доходов. При этом, по словам С.А. Иконникова, практически все пожертвования, сборы и свечная прибыль уходили на покрытие текущих нужд прихода, то есть, добавлю от себя, не на улучшение материального положения клириков.

Значительное место уделено в работе рассмотрению деятельности церковно-приходских попечительств и советов, создание которых, что характерно, было инициировано во второй половине XIX в. правительством («Положение о приходских попечительствах при православных церквях» 1864 г.). Собственно, эти попечительства и должны были не в последнюю очередь играть роль своеобразных церковных «институтов призрения» и поддержки нуждавшихся клириков. На практике, как установил автор, основной сферой деятельности церковно-приходских попечительств в регионе было украшение и благоустройство храмов, а не улучшение быта духовенства. Кроме того, и само число попечительств было незначительно: на 4765 храмов, действовавших в регионе в 1913 г., попечительства имелись лишь у 1425-ти.

Разбирая вопрос о том, почему так получилось, автор справедливо обратил внимание на социально-психологические аспекты проблемы (в том числе на непонимание крестьянами своих обязанностей). — «Простой народ к активной деятельности часто был абсолютно не готов», — пишет автор (С. 350 монографии). Он и не мог быть готов к подробной деятельности, — добавлю от себя, — поскольку всегда был ведомым и подчинялся «внешнему» авторитету. К тому же в начале XX в. получили распространение антиклерикальные настроения, побороть которые разрушенный за десятилетия синодальной церковности приход не мог и не умел.

В этой связи мне представляется излишним (в научном труде) патетическое замечание автора о том, что от деятельности церковно-приходских попечительств вряд ли можно было ожидать успешности, поскольку

«в начале XX века стало ясно, что народное благочестие перестало быть столь незыблемым и глубоким, как в прежние времена» (С. 359). Заключение его обезоруживающе простое: общественные приходские организации имели низкую эффективность в деле материальной поддержки служителей алтаря, а эта низкая эффективность (неэффективность) «имела прямую связь с кризисом приходской жизни в Российской империи» (С. 366 монографии). Вывод настолько ясен, что в комментариях не нуждается. С.А. Иконников на примере центрально-чернозёмных епархий Российской империи, блестяще подтвердил то, о чём много писали историки Церкви последних десятилетий.

О том, что внутрицерковные дела были вовсе не блестящи, свидетельствует и пятая глава работы, в которой рассматривается пенсионное обеспечение духовенства, вопрос, связанный с деятельностью епархиальных попечительств о бедных духовного звания, а также о функционировании епархиальных приютов и касс взаимопомощи. Автор кратко рассказывает о создании пенсионной системы, появившейся в конце XVIII в., указывая, что пенсионный фонд к 1860 г. располагал суммой в 5 375 292 рубля, а также о том, что «Временные правила о пенсиях и единовременных пособиях священнослужителям епархиального ведомства и семействам их» появились только в 1866 г. Размеры пенсий были весьма малы, а средств для поддержания низших членов причта (диаконов и псаломщиков) вообще не имелось. Однако вплоть до XX в. приходское духовенство руководствовалось именно этими «Правилами». Новый устав о пенсиях появился летом 1902 г., затем вопрос рассматривался на заседаниях IV Государственной Думы. Рассмотрению очередного пенсионного закона для духовенства помешала Мировая война. Как видим, вопрос о пенсиях до революции решён не был.

Не помогло улучшить материальное положение штатного духовенства и учреждение эмеритальных касс и

касс взаимопомощи, развитие которых началось благодаря инициативе епархиальных архиереев. Рассмотрев этот вопрос на многочисленных примерах из жизни епархий центрально-чернозёмного региона, автор пришёл к неутешительному заключению: «для оказания заштатному духовенству ощутимой поддержки епархиальным эмеритурам необходимо было время, в течение которого следовало накопить достаточные капиталы. Такого времени у них не оказалось» (С. 398 монографии). Почему этого времени «не оказалось», С.А. Иконников специально не объясняет, но, полагаю, насущной необходимости в этом и не было: вопросы материального плана были связаны с вопросом об «оживлении» православного прихода, в условиях существовавшей в империи «симфонии властей» не имевшего разрешения.

Указанное обстоятельство находит подтверждение и при разговоре о попечительствах бедных духовного звания, история создания которых относилась ещё царствованию императора Александра I. Как следует из представленных в работе материалов, деятельность попечительств и в конце XIX в. оценивалось священноначалием как недостаточно эффективная. А положение заштатного духовенства, при отсутствии развитой пенсионной системы, вплоть до 1917 г., оставалась неудовлетворительной. С. А. Иконникову оставалось только указать, что для нуждавшихся представителей духовного сословия, епархиальные попечительства о бедных были «своего рода последней надеждой» (С. 419 монографии). И только. По существу, это звучало как приговор — окончательный и не подлежащий отмене.

Не менее грустная картина представлена автором и при анализе ситуации, связанной с функционированием епархиальных приютов и касс взаимопомощи, появившихся в центрально-чернозёмных губерниях в конце XIX в. Вновь автор подчёркивает старую причину ограниченной деятельности приютов: нехватку средств.

Кроме того, на успешность (точнее, — на неуспешность) деятельности социальных учреждений не могло не влиять и то, что в начале XX в. эти учреждения находились в стадии формирования. Всё это приводило ко вполне понятному итогу, отмечаемому С.А. Иконниковым: ни приюты, ни кассы взаимопомощи оказать реальную помощь всем нуждавшимся заштатным клирикам не могли.

Мне представляется, что работа во многом выиграла бы, если бы автор, аргументировано констатирующий эту горькую истину, сказал хотя бы несколько слов *о закономерности и неизбежности* постигших церковных деятелей неудач, в основе которых — кризис «симфонического» устройства церковной жизни, *естественно* приведший и к всеобъемлющему кризису православного прихода.

О том, что кризис был свидетельствует и проведённый автором в заключительной главе работы анализ уровня жизни и социальных настроений духовенства. Говоря об уровне жизни, С.А. Иконников справедливо обратил внимание на вопрос обеспеченности клириков жильём, показав, что его разрешение со второй половины XIX в. приобретало важное социально-просветительское значение (церковные школы очень часто размещались в домах приходского духовенства). Однако дома эти нередко лично клирикам не принадлежали — они не имели права их продавать, отдавать в аренду, на практике считая их своей собственностью. Это неизбежно приводило к разного рода конфликтам, которые приходилось разрешать священноначалию. Усугубляло проблему и то, что прихожане в большинстве своём не считали своим религиозным долгом заботиться о материальном благополучии служителей алтаря. В реальной жизни клирик сам должен был заботиться о себе, не считывая и на помощь окормляемых им крестьян и не надеясь на предоставление церковного жилья. Автор показывает, что всё это служило почвой для возникновения конфликтов, заставляя клириков с первых дней служения

обращать внимание не столько на религиозное просвещение народа, сколько на решение задач собственного устройства на месте отведённого им епархиальным начальством служения.

Как следует из материалов, приводимых в работе, к середине 1890-х гг. почти половина священников региона получала годовой доход менее 400 рублей, чуть более трети священников имели доход от 400 до 600 рублей. Понятно, что доходы церковнослужителей были существенно меньше. Автор провёл расчеты и установил, что на начало XX в. сумма «средних» расходов потребляемых в течение года продуктов составляла 47 рублей 53 копейки, а «среднестатистическая» семья клирика тратила на продукты (в год) 285 рублей 18 копеек. При этом необходимо было приобретать одежду, покупать или снимать жильё, обучать детей в училищах и семинариях. И хотя доходы клириков постоянно росли, их увеличение, как показал С.А. Иконников, вовсе не означало окончательного решения проблем материального обеспечения причтов (См.: С. 508 монографии).

Безусловно, социальный статус «среднего» клирика и его материальное положение в большинстве случаев никак не сопрягались, что неизбежно должно было провоцировать социальную напряжённость и приводить к усилению недовольства внутри духовного сословия. Прямой связи здесь, полагаю, искать не следует, но то, что материальные проблемы опосредованно не могли не влиять на рост протестных настроений среди «русских левитов» — несомненно. Правда, на мой взгляд, абсолютизировать «материальный фактор» было бы ошибкой; вопрос был более сложным, связанным с глобальными социально-психологическими изменениями, захватившими русское общество ещё в эпоху Великих реформ. В революцию 1905–1907 гг. проблема окончательно вышла наружу, что показывает и сам автор, приводя данные о семинаристах-членах Всероссийского семинарского союза. Он также

показывает, что в годы Первой российской революции усилилась тенденция ухода воспитанников духовных семинарий на светскую службу. Тем самым, С.А. Иконников подтверждает конкретными фактами старые утверждения церковных деятелей и публицистов начала XX в. о «бегстве» выпускников семинарий, не желавших служить по ведомству православного исповедания и отказывавшихся от карьеры священника-требоисполнителя.

Понимали ли епархиальные архиереи всю сложность обстановки, в которой находилась тогда Церковь?

С.А. Иконников показывает: понимали прекрасно. Показательны приведённые им произнесённые в 1905 г. слова епископа Тамбовского Иннокентия (Беляева). Уповая на то, что до открытых гонений на Церковь в России, «быть может», и не дойдёт, владыка задавался патетическим вопросом, — «но при первых же признаках, при первых проявлениях недружелюбного отношения к Церкви, покинутой государством, что будет делать, как поведёт себя неприученное и неспособное к борьбе, разрозненное, забитое, бедное, необеспеченное и принижённое наше православное духовенство?» (См.: С. 536 монографии).

Ближайшее будущее показало, что вопрос был правильно поставлен, хотя упование епископа Иннокентия и оказалось посрамлено. Впрочем, важно отметить и другой момент: С.А. Иконников показал, что в начале XX в. протестные настроения в среде духовного сословия стали проявляться в форме прямых антиправительственных выступлений. Конечно, он прав, когда говорит, что финансовые проблемы способствовали их росту. Однако преувеличивать их значение всё-таки не стоит. Важнее было то, что авторитет духовного сословия — как сословия, главная задача которого духовное и нравственное просвещение народа, уже не соответствовал, не мог соответствовать «просветительским» возможностям клириков. Сам факт «бегства» из сословия наиболее активных, талантливых и

инициативных представителей «русских левитов» свидетельствовал о том, как они воспринимали своё сословие. «Просветителей» народа в начале XX в. «общественное мнение» России видело в интеллигенции, радикализм которой рост одновременно с усилением антиклерикализма и атеизма. Впрочем, это уже другая история.

Подводя итоги, следует признать, что С.А. Иконников чётко показал: в пореформенный период священно-и церковнослужители практически повсеместно выражали недовольство уровнем своего благосостояния, а сами они воспринимались скорее как служащие ведомства православного исповедания, чем духовные наставники. Автор показал, что основным источником материального обеспечения духовенства оставалось требоисполнение, но сей источник отличался крайней нестабильностью — со всеми вытекающими отсюда последствиями. Разрешить проблему ликвидации материальной зависимости причтов от прихожан, несмотря на введение казённого жалованья, не удалось. Общественные приходские организации показали свою низкую эффективность, что было непосредственно связано с кризисом приходской жизни. При этом позитивные изменения всё-таки имели место быть (например, полный пенсионный оклад священника с 1866 по 1902 гг. вырос с 70 до 300 рублей в год; а к 1887 г. 87,3% священников владели собственным жильём). Но указанные цифры не свидетельствовали о существенном (качественном) изменении материального положения приходских клириков: сельский священник получал в среднем 540–560 рублей в год, диакон – 350–360 рублей, причётник — 180–190 рублей. По мнению автора, «следствием проблем материального обеспечения было то, что с каждым годом в центрально-чернозёмных губерниях росло число вакантных священнических мест, заполнить которые было попросту нечем» (С. 555 монографии).

Я полагаю, что автор прав: это было следствием, а добавлю от себя, не основной причиной. С.А. Иконников

прав, когда замечает, что «нерешённость материальных проблем, зависимость причтов от прихожан, необходимость требовать плату за требы привели к росту социальной напряжённости внутри духовного сословия». Дело как раз и заключалось в том, что внутри духовного сословия к началу XX в. единства не существовало, противоречия наблюдались «по разным линиям»: и по линии противостояния «чёрного» архиерейского корпуса и «белых» священников, и по линии противостояния городского и сельского духовенства, и по линии «латентного» противостояния «учёного монашества» и светских учёных православных духовных академий. В этом смысле нерешённость материальных проблем приходских сельских клириков (то есть большинства представителей русского духовенства) служила дополнительным свидетельством глубокого кризиса, переживавшегося Православной Российской Церковью. То, что некоторые её представители встали на путь прямой революционной борьбы с властью также следует рассматривать как свидетельство указанного кризиса.

Однако нельзя забывать и о том, что абсолютное большинство клириков на путь революционной борьбы всё-таки не встало и встать не могло: воспитанное в условиях монархической государственности, духовенство, по крайней мере на словах, утверждало истинность известной уваровской триады, которая, как и в эпоху императора Николая I продолжала считаться «последним якорем» спасения православной государственности «симфонического образца».

В целом, не будет преувеличением сказать, что монография Сергея Анатольевича Иконникова вносит существенный вклад в изучение истории Православной Российской Церкви Синодального периода, написана с глубоким всесторонним знанием источников и литературы. Она помогает лучше разобраться со сложным вопросом о том, насколько материальные проблемы, с

которыми постоянно сталкивались православные клирики пореформенного периода, влияли на их социальный статус в обществе, на отношения с православной паствой и, в итоге, на приходскую жизнь.

CONTENTS

Patriarch Kirill of Moscow and All Russia.
On the Future of Russia.....5
 Address delivered by His Holiness Patriarch Kirill at a meeting with teachers who teach the courses on the Fundamentals of Religious Cultures and Secular Ethics and the Fundamentals of Religious and Moral Culture of the Peoples of Russia. The meeting took place at the Cathedral of Christ the Saviour in Moscow on 19th October 2021.

THEOLOGY

Metropolitan Hilarion of Volokolamsk.
Interfaith Dialogue and Peace among Religions.....19
 Address delivered by Metropolitan Hilarion of Volokolamsk, chairman of the Moscow Patriarchate's Department for External Church Relations, at the Free Mediterranean University (LUM) in Casamassima, Puglia, Italy, on the 20th December 2021.

Semenyuk Alexey, Master of Theology, postgraduate student of the Moscow Theological Academy.
The Teaching on Prayer Based on the Sermons of Hieromartyr John (Vostorgov).....29
 The article focuses on the doctrine of prayer expounded by a famous preacher, Hieromartyr John (Vostorgov), who carried out his pastoral ministry from 1889 to 1918. In his sermons, Hieromartyr John often spoke of the Christian teaching on prayer. Prayer, according to him, is the most important means of the spiritual and moral growth of a Christian, essential in the struggle against sin and in establishing oneself in virtue.
Keywords: Hieromartyr John (Vostorgov), preacher and missionary of the Moscow diocese, new martyrs and confessors of the Russian Church, ecclesiastical eloquence, homiletics, Christianity, prayer.

CHURCH HISTORY

Bachledova Denisa, Postgraduate student of Saints Cyril and Methodius Theological Institute of Postgraduate Studies (Moscow, Russia).
Social Service of the Orthodox Church in Slovakia.....37
 Based on the Slovak sources, the article tells about the social ministry of the Orthodox Church in Slovakia. The Slovak Orthodoxy underwent a lot of hardships throughout its history, primarily due to the fact that the country did not have its own statehood for a long time. The article shows that in those difficult circumstances it was the Church that preserved the national identity of the Slovaks, their language and faith. After the revolution in Russia, Slovakia

became a place of emigration for many people fleeing the USSR. Russian emigrants brought with them to the Slovak lands traditions of social service established in the Russian Orthodox Church. Special focus in the article is given to the present-day social work of the Orthodox Church in Slovakia.

Keywords: Orthodox Church, Slovakia, social service, Russian emigration, Greek Catholics, Union, Archimandrite Savva (Struve).

Ross Nicolas, The author was born into a Russian family in Paris in 1945; graduated from the University of Paris (the Sorbonne); taught at various French schools, as well as at the University of Strasbourg and the National Institute for Oriental Languages and Civilizations. Nicolas Ross was actively engaged in the pedagogical and public life of the Russian émigré community, worked with the Russian publishing houses and periodicals abroad. In the 1980-1990s, he was a member of the parish council of the Alexander Nevsky Cathedral in Paris. Nicolas Ross is an author of various articles and books in the French and Russian languages, in which he mostly explores such topics as the murder of the Royal family, the White movement, and the church and social history of the Russian émigré circles. His latest book entitled "Russian Church in Paris. Alexander Nevsky Cathedral. 1918-1939" was published by the Russian Orthodox seminary in Epinay-sous-Senart in 2015.

Russian Orthodox Parish in Normandy. Church of St. Sergius in Colombelles and Its Parishioners (1925-1960).....49

By The article describes the life of the Russian Orthodox parish in Colombelles village located near the city of Caen, Normandy, over the period from 1925 to 1960. The parish was established at a local metallurgic plant with its large Russian community consisting mainly of former participants in the White movement (there were many Cossacks among them). The Russian residents of Colombelles led an active social and cultural life, having built with their own hands a real Orthodox church dedicated to St. Sergius of Radonezh. Supported by the Diocesan Administration of Metropolitan Eulogius (Georgiyevsky) and Metropolitan Vladimir (Tikhonitsky), the Colombelles parish lived a full, albeit not always serene, life. The rectors did everything in their power, at times overcoming the opposition of some not particularly devout parishioners, to lead their church community in its spiritual growth. The parish had a beautiful choir; the church and the picturesque belfry were built... The Colombelles parish survived the troubled years of war, but after the war saw a decrease in the number of parishioners. Those who stayed in Colombelles grew old and could not show the ropes to a younger generation. The parish was gradually withering, but revived in the early 1960s, having turned into a French-speaking multi-ethnic Orthodox community.

Keywords: Orthodox parish, Metropolitan Eulogius, Metropolitan Vladimir, Colombelles, Caen, White émigré community, French province, Russian workers.

BIBLIOGRAPHY

Firsov Sergei, Doctor of History, professor at the UNESCO Chair of the Herzen State Pedagogical University of Russia, professor at the St. Petersburg Theological Academy, member of the Joint Dissertation Council on Theology Д 999.073.04 and of the Dissertation Council on Theology of the Herzen Pedagogical University Д. 212.199.38.

Review of a monograph by S.A. Ikonnikov, entitled Pastors of the Church. Ministry and Livelihood of Parish Clergy in the Central Black Earth Provinces of Russia in the Second Half of the 19th – Early 20th century. Voronezh: Nauchnaya kniga, 2019, 692 pp.

Parish Priests in Post-Reform Russia.....207

In this paper, the author dwells on the main theses set forth in a monograph by a Voronezh historian, S.A. Ikonnikov, exploring the financial situation of the parish clergy in the Central Black Earth Provinces of the Russian Empire in the second half of the 19th – early 20th century. Examined in the monograph are the main and additional sources of the clerics' livelihood, as well as pensions and social care provided to ordained persons, level of the clergy's income, and their financial situation in view of their role in the social life of the Central Black Earth provinces. As S. Firsov notes, the monograph convincingly demonstrates that almost throughout the post-reform Russia clergymen and church workers expressed their dissatisfaction with the level of their well-being and were viewed rather as employees of the department of Orthodox confession than as spiritual mentors.

Keywords: Orthodox Russian Church, Russian Empire, Synodal period, Orthodox clergy, parish, financial situation of clerics.

Формат 60x90/16.

Отпечатано в цифровой типографии ООО «Буки Веди»

на оборудовании Konica Minolta

119049, г. Москва, Ленинский проспект, д.4, стр. 1 А

Тел.: + 7 495 926 63 96, e-mail: Info@bukivedi.com

www.bukivedi.com